

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. При разрешении судом споров о взыскании с наследников задолженности по кредитному договору следует установить, соответствуют ли действия кредитной и страховой организаций условиям заключенного договора страхования, а также требованию добросовестности

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 15 ноября 2022 г. № 24-КГ22-6-К4*

(Извлечение)

ПАО “Сбербанк России” обратилось в суд с иском к Р. и К. о взыскании задолженности по кредитному договору от 20 февраля 2014 г., в том числе задолженности по основному долгу и задолженности по просроченным процентам, в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества умершей Н.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Как установлено судом, 20 февраля 2014 г. ПАО (ОАО) “Сбербанк” (далее также — Банк) и Н. заключили кредитный договор. В этот же день Н. подала заявление на страхование в Банк, в котором выразила согласие быть застрахованным лицом по договору страхования жизни и здоровья в соответствии с “Условиями участия в Программе коллективного добровольного стра-

хования жизни и здоровья заемщиков ОАО “Сбербанк России”.

В соответствии с указанными выше Условиями страховщиком является ООО Страховая компания “Сбербанк страхование”, страхователем — ОАО “Сбербанк России”. Выгодоприобретателем является Банк по всем страховым событиям, в том числе смерти застрахованного по любой причине, произошедшей в течение срока страхования, установленного в отношении данного застрахованного лица.

Н. произвела оплату за подключение к Программе коллективного добровольного страхования.

Согласно п. 8.2.2 Соглашения об условиях и порядке страхования от 17 сентября 2012 г. страхователь (ОАО “Сбербанк России”) обязан уведомить страховщика (ООО Страховая компания “Сбербанк Страхование”) о наступлении страхового случая не позднее 30 календарных дней с момента, когда стало известно о наступлении страхового случая.

13 декабря 2014 г. Н. умерла, ее наследниками являются Р. и К.

Разрешая спор, суд исходил из того, что наследники, принявшие наследство заемщика Н., отвечают по долгам наследодателя по кредитному договору от 20 февраля 2014 г. в пределах срока исковой давности. Поскольку Банк обратился в суд за защитой своих прав 27 февраля 2020 г., суд взыскал с К. и Р. солидарно в пользу ПАО “Сбербанк” задолженность по указанному выше кредитному договору за период с 20 марта 2017 г. по 20 февраля 2019 г., которая состоит из просроченной задолженности по основному долгу и задолженности по просроченным процентам.

Суды апелляционной и кассационной инстанций согласились с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 15 ноября 2022 г. пришла к выводу о том, что судебные постановления приняты с нарушением норм материального и процессуального права и не согласилась с ними по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 934 ГК РФ по договору личного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату (страховую премию), уплачиваемую другой стороной (страхователем), выплатить единовременно или выплачивать периодически обусловленную договором сумму (страховую сумму) в случае причинения вреда жизни или здоровью самого страхователя или другого названного в договоре гражданина (застрахованного лица), достижения им определенного возраста или наступления в его жизни иного предусмотренного договором события (страхового случая).

Право на получение страховой суммы принадлежит лицу, в пользу которого заключен договор.

В силу п. 1 ст. 961 ГК РФ страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок и (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в условленный срок и указанным в договоре способом.

Такая же обязанность лежит на выгодоприобретателе, которому известно о заключении договора страхования в его пользу, если он намерен воспользоваться правом на страховое возмещение.

Как установлено п. 3 ст. 961 ГК РФ, правила, предусмотренные в том числе указанным выше п. 1, соответственно применяются к договору личного страхования, если страховым случаем является смерть застрахованного лица или причинение вреда его здоровью.

В целях выполнения задач гражданского судопроизводства и требований о законности и обоснованности решения суда в ч. 2 ст. 56 ГПК РФ установлено, что суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 “О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству” фактические обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения спора, должны определяться судом на основании норм материального права, подлежащих применению.

При рассмотрении дела суд не дал оценки доводам о том, что Н. как заемщик являлась участником организованной Банком программы страхования, Банк имел возможность погасить обра-

зовавшуюся вследствие ее смерти задолженность за счет страхового возмещения по договору, заключенному Банком со страховщиком.

Как было установлено судом, Банк не уведомлял страховщика о наступлении страхового случая. Между тем именно на Банке как страхователе и выгодоприобретателе в одном лице лежала обязанность по обращению к страховщику за страховой выплатой. Наследники должны нести ответственность по долгам наследодателя только в том случае, если имеет место законный отказ страховщика в выплате страхового возмещения.

Учитывая, что судом первой инстанции установлено наличие согласия наследодателя на присоединение к программе коллективного добровольного страхования жизни и здоровья и что именно Банк является страхователем и выгодоприобретателем в спорных правоотношениях, при разрешении спора надлежало проверить действия участвующих в деле лиц на соответствие условиям договора личного страхования, соглашения об условиях и порядке страхования от 17 сентября 2012 г., а также требованию добросовестности, установленному Гражданским кодексом РФ.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила вынесенные по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

2. При разрешении спора о взыскании долга по договору потребительского кредита с наследника заемщика суду надлежит дать оценку добросовестности банка, являющегося выгодоприобретателем по договору личного добровольного страхования заемщика и не воспользовавшегося правом на погашение долга за счет страхового возмещения

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 1 ноября 2022 г. № 78-КГ22-43-К3*

(Извлечение)

ПАО КБ “Восточный” (далее — банк) обратился в суд с иском к Ч. о взыскании задолженности по кредитным договорам, указав, что в 2011—2015 годах между истцом и В. заключены кредитные договоры, по которым заемщик получил денежные средства на определенный срок с уплатой процентов за пользование кредитами. Обязательства по возврату денежных средств В. исполнялись ненадлежащим образом, в связи с чем образовалась задолженность перед банком.

10 марта 2016 г. заемщик В. умер. На дату смерти обязательство по выплате задолженности по кредитным договорам заемщиком не исполнено.

Наследником после смерти В. является его супруга Ч., с которой истец просил взыскать образовавшуюся задолженность в пределах стоимости перешедшего к ней наследственного имущества.

Суд первой инстанции, установив, что Ч. приняла наследство после смерти В., ненадлежащим образом исполнявшего договорные обязательства по возврату кредитов, и что образовавшаяся по

ним задолженность не превышает стоимости перешедшего к наследнику имущества наследодателя, удовлетворил иски требования.

Суд апелляционной инстанции, оставляя без изменения решение суда первой инстанции, дополнительно указал, что в деле отсутствуют доказательства, подтверждающие погашение задолженности перед банком за счет выплаты страхового возмещения по договорам личного страхования, заключенным наследодателем.

Кассационный суд общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 1 ноября 2022 г. признала судебные постановления вынесенными с существенным нарушением норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Из представленных истцом документов усматривается, что по каждому из кредитных договоров В. в целях обеспечения исполнения обязательств по ним присоединился к программам коллективного добровольного страхования жизни и здоровья, где определены страхователь и выгодоприобретатель (банк) по договорам страхования, и внес за это соответствующую плату банку.

В силу п. 1 ст. 961 ГК РФ страхователь по договору имущественного страхования после того, как ему стало известно о наступлении страхового случая, обязан незамедлительно уведомить о его наступлении страховщика или его представителя. Если договором предусмотрен срок и (или) способ уведомления, оно должно быть сделано в установленный срок и указанным в договоре способом.

Такая же обязанность лежит на выгодоприобретателе, которому известно о заключении договора страхования в его пользу, если он намерен воспользоваться правом на страховое возмещение.

Правила, предусмотренные в том числе указанным выше пунктом ст. 961 ГК РФ, соответственно применяются к договору личного страхования, если страховым случаем является смерть застрахованного лица или причинение вреда его здоровью (п. 3).

Приведенные нормы права, регулирующие страховые правоотношения, должны применяться с учетом общих положений о добросовестности участников гражданских правоотношений, предусмотренных пп. 3 и 4 ст. 1, пп. 1 и 2 ст. 10 ГК РФ.

Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Таким образом, добросовестность при осуществлении гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей предполагает поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего в реализации прав и исполнении обязанностей.

Уклонение кредитной организации, являющейся, в отличие от гражданина-заемщика, профессиональным участником данных правоотношений, от реализации своих прав на получение страхового возмещения по случаю смерти застрахованного заемщика и обращение с иском к наследникам заемщика о взыскании задолженности без учета страхового возмещения должно быть оценено судом в том числе и на предмет соответствия требованиям закона о добросовестном осуществлении участником этих правоотношений своих прав и обязанностей.

В противном случае предъявление кредитором, являющимся выгодоприобретателем по договору личного страхования заемщика и принявшим на себя обязательство при наступлении страхового случая направить средства страхового возмещения на погашение задолженности заемщика, требования к наследникам о погашении всей задолженности наследодателя лишает смысла страхование жизни и здоровья заемщиков в качестве способа обеспечения обязательств по кредитному договору с определением в качестве выгодоприобретателя кредитора.

Между тем по данному делу суд первой инстанции, несмотря на имеющиеся в материалах дела сведения о том, что В. как заемщик являлся участником организованной банком программы страхования заемщиков, вообще не исследовал вопрос о возможности погашения банком образовавшейся вследствие его смерти задолженности за счет страхового возмещения по договорам, заключенным банком со страховщиком.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

- 1. При обращении в суд с ходатайством о выдаче дубликата исполнительного листа взыскатель должен представить доказательства утраты исполнительного листа. Должник, возражающий против удовлетворения такого ходатайства, должен опровергнуть доводы взыскателя и доказать факт наличия оригинала исполнительного листа**

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 19 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-26720*

(Извлечение)

Арбитражным судом обществу выдан исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда.

В дальнейшем общество, ссылаясь на утрату исполнительного листа, обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче его дубликата.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано.

Суды исходили из недоказанности факта утраты исполнительного листа, указав на получение обществом направленного ему по почте исполнительного листа, а также на то, что справка из управления Федеральной службы судебных приставов о непредъявлении данного листа к исполнению не может являться основанием для удовлетворения заявления, поскольку, помимо обращения в названную службу, у взыскателя имеются иные способы принудительного исполнения судебного акта. Других доказательств утраты исполнительного листа в материалы дела не представлено.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 19 апреля 2023 г. отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявление общества в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для принятия государственными органами, органами местного самоуправления, иными органами, должностными лицами оспариваемых актов, решений, совершения действий (бездействия), возлагается на соответствующие орган или должностное лицо.

Следовательно, в случае обращения взыскателя в суд с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа, исходя из презумпции добросовестного и разумного поведения участника судебного разбирательства, такое лицо должно представить объективно доступные ему доказательства, подтверждающие факт непредъявления исполнительного листа к исполнению.

К таким доказательствам, учитывая особенности исполнительного производства в Российской Федерации, относится ответ органов Федеральной службы судебных приставов. С учетом обстоятельств конкретного дела, помимо указанного ответа, могут быть представлены иные доказательства, например, полученные в государственных органах, банках. Вместе с тем, учитывая неопределенность такого рода источников информации (о банковских учреждениях, в которых может исполняться судебный акт), в преобладающем количестве подобных спорных случаев отсутствие данных доказательств само по себе не может носить определяющий характер для выводов о наличии оснований для отказа в выдаче исполнительного листа.

В свою очередь, должник, учитывая принцип состязательности, на основе которого осуществляется судопроизводство в арбитражных судах (ст. 9 АПК РФ), а также процессуальный порядок, предусмотренный в ч. 3 ст. 323 АПК РФ, должен опровергнуть доводы взыскателя и доказать факт наличия исполнительного листа либо

факт исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе.

Судами установлено, что исполнительный лист не предъявлялся заявителем в органы Федеральной службы судебных приставов, с заявлением о выдаче дубликата исполнительного листа заявитель обратился в пределах срока, указанного в ст. 323 АПК РФ.

Должник не представил каких-либо доказательств, подтверждающих наличие исполнительного листа или факт исполнения требований, содержащихся в нем. Напротив, от него поступила информация о том, что им не осуществлялось исполнение по исполнительному листу.

Таким образом, ходатайствуя о выдаче дубликата исполнительного листа, взыскатель вправе заявить об утрате исполнительного листа и представить соответствующие объективно имеющиеся доказательства обоснованности заявления, а должник должен доказать факт наличия оригинала исполнительного листа, а в соответствующих случаях — факт исполнения по данному исполнительному листу.

С учетом изложенного у судов отсутствовали основания для отказа в удовлетворении заявления о выдаче дубликата исполнительного листа.

2. Представление новых доказательств, имеющих отношение к ранее исследовавшимся судом обстоятельствам, не может служить основанием для пересмотра судебного акта в порядке ст. 311 АПК РФ

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 26 мая 2023 г. № 305-ЭС21-6044*

(Извлечение)

Между министерством и обществом заключены договоры о предоставлении субсидий на возмещение затрат на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ в рамках реализации инновационных проектов по созданию высокотехнологичной продукции.

В связи с недостижением обществом целевых индикаторов и показателей эффективности реализации проектов министерство отказалось от исполнения указанных договоров, направив обществу уведомление об их расторжении, а также требование о возврате полученных субсидий, которое было оставлено обществом без удовлетворения.

Министерство обратилось в суд с требованием о взыскании с общества суммы предоставленных субсидий, которое было удовлетворено. Решение суда вступило в законную силу.

Общество обратилось в суд с заявлением о пересмотре решения суда по делу по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с отсутствием необходимой нормативной базы для создания высокотехнологичной продукции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, первоначально принятое по делу решение суда отменено в части взыскания с общества суммы предоставленных субсидий.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 26 мая 2023 г. отменила судебные акты и отказала в удовлетворении заявления общества о пересмотре первоначально принятого решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам, указав следующее.

Реализуя конституционное право на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации), а также гарантию на восстановление в правах посредством правосудия, арбитражный суд вправе пересмотреть принятый им и вступивший в законную силу судебный акт по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (глава 37 АПК РФ).

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 “О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам” разъяснено, что судебный акт не может быть пересмотрен по новым или вновь открывшимся обстоятельствам в случаях, если обстоятельства, установленные ст. 311 АПК РФ, были известны или могли быть известны заявителю при рассмотрении данного дела (п. 3).

Суду следует проверить, не свидетельствуют ли факты, на которые ссылается заявитель, о представлении новых доказательств, имеющих отношение к уже исследовавшимся ранее судом обстоятельствам. Представление новых доказательств не может служить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам по правилам главы 37 АПК РФ. В таком случае заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам удовлетворению не подлежит (п. 4).

Существенным для дела обстоятельством может быть признано указанное в заявлении вновь обнаруженное обстоятельство, которое не было и не могло быть известно заявителю, неоспоримо свидетельствующее о том, что если бы оно было известно, то это привело бы к принятию другого решения (п. 5).

Таким образом, институт пересмотра судебных актов по вновь открывшимся (новым) обстоятельствам является чрезвычайным средством возобновления производства по делу и необходим для того, чтобы прекратить существование объективно ошибочных судебных актов в ситуации, когда об обстоятельствах, позволяющих сделать вывод о допущенной ошибке, стало известно после вынесения этих судебных актов.

Пересмотр окончательного судебного решения допускается, если, во-первых, имеются доказательства, которые могут привести к иному результату судебного разбирательства, и, во-вторых, лицо, заявляющее об отмене судебного ре-

шения, обосновало невозможность представить соответствующие доказательства до окончания судебного разбирательства.

Обращаясь с заявлением о пересмотре решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам, общество указывало, что в действительности причиной недостижения целевых индикаторов и показателей эффективности реализации проектов явилось отсутствие необходимой нормативной базы.

Между тем общество, являясь производителем, не могло не обладать информацией относительно наличия либо отсутствия государственных стандартов, необходимых для изготовления и реализации его продукции, и самостоятельно приняло решение об участии в конкурсе на предоставление государственной поддержки, представив соответствующий бизнес-план. Доказательства, свидетельствующие о том, что указанные обстоятельства не могли быть известны обществу в силу объективных причин, в материалах дела отсутствуют.

При исполнении договоров общество не обращалось в министерство с сообщениями о затруднении или невозможности реализации высокотехнологичных проектов в связи с отсутствием необходимой нормативно-технической документации.

С учетом изложенного приведенные в обоснование заявления доводы не свидетельствуют о наличии вновь открывшихся обстоятельств, которые могли бы служить основанием для пересмотра судебного акта в порядке ст. 311 АПК РФ, по своей сути, выражают несогласие общества с выводами, содержащимися в первоначальном решении суда, и направлены на преодоление законной силы судебного акта о взыскании суммы долга и неустойки по договорам о предоставлении субсидии.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Пункт 4.4 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 22 марта 2023 г. № АКПИ23-45,
вступившее в законную силу*

2. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, и пп. 595, 597, 598, 600, 602, 608, 613 данных Правил признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 24 марта 2023 г. № АКПИ23-66,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 июня 2023 г. № АПЛ23-215*

3. Оспариваемые частично п. 9, абз. 2 п. 11, пп. 13, 14 Правил проведения ультразвуковых исследований, утвержденных приказом Минздрава России от 8 июня 2020 г. № 557н, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 апреля 2023 г. № АКПИ23-158,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 20 июля 2023 г. № АПЛ23-259*

4. Оспариваемый частично абз. 3 п. 10.4.18 Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 12 апреля 2023 г. № АКПИ23-54,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 22 июня 2023 г. № АПЛ23-214*

5. Форма заявления о переустройстве и (или) перепланировке жилого помещения и форма документа, подтверждающего принятие решения о согласовании переустройства и (или) перепланировки жилого помещения, утвержденные постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2005 г. № 266, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 18 апреля 2023 г. № АКПИ23-149,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 27 июня 2023 г. № АПЛ23-226*

6. Оспариваемые частично пп. 112 и 117 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 20 апреля 2023 г. № АКПИ23-75,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 3 августа 2023 г. № АПЛ23-281*

7. Постановление Правительства РФ от 18 ноября 2020 г. № 1866 “О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 1291” признано не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 25 апреля 2023 г. № АКПИ23-122,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 6 июля 2023 г. № АПЛ23-237*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. При определении срока погашения судимости уголовный закон, ухудшающий положение лица, совершившего преступление, обратной силы не имеет; в таком случае подлежит применению закон, действовавший на момент совершения преступления

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 10 февраля 2022 г. № 4-УД21-63-К1*

(Извлечение)

По приговору Раменского городского суда Московской области от 3 ноября 2020 г. Ю. (судимый: 4 марта 2015 г. по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 158, п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ (за совершение четырех преступлений) с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений — к двум годам восьми месяцам лишения свободы, освобожден условно-досрочно; 22 августа 2017 г. по ч. 1 ст. 228 УК РФ к девяти месяцам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ по совокупности с приговором от 4 марта 2015 г. — к одному году лишения свободы, освобожден 21 июня 2018 г. по отбытии наказания) осужден к лишению свободы: по п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к одному году десяти месяцам; по п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ к двум годам; по п. “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ к двум годам шести месяцам. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено окончательное наказание в виде двух лет восьми месяцев лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

В апелляционном порядке приговор обжалован не был.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июля 2021 г. приговор оставлен без изменения.

В кассационном представлении заместителя Генерального прокурора РФ предлагалось изменить состоявшиеся судебные решения, поскольку суд, по мнению прокурора, ошибочно исходил из наличия особо опасного рецидива преступлений и назначил отбывание лишения свободы в исправительной колонии особого режима.

В кассационной жалобе осужденный оспаривал вывод суда о наличии особо опасного рецидива преступлений, кроме того, просил смягчить наказание и отбывание наказания назначить ему в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 10 февраля 2022 г. удовлетворила кассационное представление прокурора и частично — кассационную жалобу осужденного в связи со следующим.

Как усматривалось из приговора, суд при назначении Ю. наказания в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, признал наличие особо опасного рецидива преступлений. Вид исправительного учреждения для отбывания Ю. наказания суд назначил в соответствии с п. “г” ч. 1

ст. 58 УК РФ — исправительную колонию особого режима.

Однако вывод суда о наличии особо опасного рецидива преступлений является ошибочным.

Из приговора следует, что при установлении рецидива преступлений и определении его вида суд исходил из судимостей Ю., указанных во вводной части приговора (от 27 февраля 2008 г., 28 апреля и 2 августа 2010 г., 8 июня 2012 г., 4 марта 2015 г., 22 августа 2017 г.).

Между тем на момент совершения Ю. преступлений, за которые он осужден по данному приговору — 22, 23 июля и 5 августа 2020 г., судимости по приговорам от 27 февраля 2008 г. (за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте), от 28 апреля 2010 г. и 8 июня 2012 г. были погашены, судимость по приговору от 22 августа 2017 г. за преступление небольшой тяжести не образует рецидива преступлений.

При этом, как видно из материалов дела и отражено во вводной части приговора, Ю. был ранее дважды судим за тяжкие преступления — 2 августа 2010 г. по п. “а” ч. 3 ст. 158, пп. “а”, “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ и 4 марта 2015 г. по п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ (за совершение 4 преступлений).

В соответствии с положениями п. “г” ч. 3 ст. 86 УК РФ в редакции Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, действовавшей на момент совершения Ю. преступлений по приговору от 2 августа 2010 г., судимость погашалась в отношении лиц, осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления, по истечении шести лет после отбытия наказания.

В силу ст.ст. 9, 10 УК РФ преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Согласно ч. 4 ст. 86 УК РФ если осужденный в установленном законом порядке был досрочно освобожден от отбывания наказания, то срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний.

На момент совершения Ю. преступлений, за которые он осужден по приговору от 3 ноября 2020 г. (2 из них являются тяжкими), прошло более шести лет после отбытия им наказания по приговору от 2 августа 2010 г.

Таким образом, на момент совершения тяжких преступлений, установленных судом, по приговору от 3 ноября 2020 г., Ю. имел одну непогашенную судимость за тяжкие преступления, предусмотренные п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ, по приговору от 4 марта 2015 г., что не давало оснований для признания особо опасного рецидива преступлений и назначения Ю. в качестве места отбывания наказания исправительной колонии особого режима.

Указанные обстоятельства не были приняты во внимание судом первой инстанции, не полу-

чили надлежащей оценки при рассмотрении уголовного дела судом кассационной инстанции.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор и кассационное определение: исключила указание на судимости Ю. по приговорам от 27 февраля 2008 г., 28 апреля и 2 августа 2010 г., 8 июня 2012 г. и вместо особо опасного рецидива преступлений признала в действиях Ю. опасный рецидив преступлений, назначив отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима.

2. Квалифицируя действия осужденного по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ, суд должен привести в приговоре доказательства, подтверждающие, что осужденный, совершая насильственные действия сексуального характера, сознавал беспомощное состояние потерпевшей

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № 25-УД21-43-К4

(Извлечение)

По приговору Володарского районного суда Астраханской области от 25 января 2021 г. С. осужден по ч. 2 ст. 135 УК РФ.

Астраханский областной суд 25 марта 2021 г. отменил приговор по апелляционному представлению прокурора и постановил апелляционный приговор, согласно которому С. осужден по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июля 2021 г. апелляционный приговор оставлен без изменения.

На основании апелляционного приговора С. признан виновным в совершении иных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста.

В кассационной жалобе адвокат, выступавший в защиту интересов С., просил отменить апелляционный приговор и кассационное определение. Он ссылаясь на то, что совокупностью доказательств не подтверждена осведомленность С. о том, что потерпевшая не была способна понимать значение совершенных в отношении ее действий и заведомо для С. находилась в беспомощном состоянии.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 15 февраля 2022 г. отменила апелляционный приговор и кассационное определение в отношении С., уголовное дело передала на новое апелляционное рассмотрение, мотивировав свое решение следующим.

В силу ч. 4 ст. 302 и ч. 3 ст. 14 УПК РФ обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных доказательств. При этом неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого.

Как установлено судом первой инстанции, С., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в период с 6 по 16 ноября 2019 г. посредством использования информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и социальной сети “ВКонтакте” вступил в переписку на сексуальные темы с Ш., 2006 года рождения, зная, исходя из даты ее рождения, что ей тринадцать лет, предложил Ш. совершить действия сексуального характера, склонил ее к созданию интимных фотографий собственного тела и отправки их С.

Суд первой инстанции квалифицировал действия С. по ч. 2 ст. 135 УК РФ — совершение развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Суд указал, что стороной обвинения не представлено доказательств, подтверждающих, что имевшиеся у потерпевшей Ш. (достигшей тринадцатилетнего возраста) возрастные и индивидуально-психологические особенности были очевидны для С. и охватывались его умыслом, в связи с чем ранее предъявленное обвинение по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ являлось необоснованным.

Суд апелляционной инстанции не согласился с решением районного суда и отметил, что оно противоречит как показаниям Ш., указывающим на выполнение ею всех требований со стороны С., так и выводам, изложенным в заключении комплексной психолого-психиатрической экспертизы в отношении потерпевшей. Согласно этим выводам Ш. была неспособна в силу естественной возрастной ограниченности жизненного опыта, личностной незрелости и недостаточной осведомленности в вопросах взаимоотношения полов не только понимать характер и значение совершаемых с нею действий, но и оказывать им сопротивление, что подтверждает ее нахождение в беспомощном состоянии.

Однако судебная коллегия не учла следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 “О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности”, насильственные действия сексуального характера следует признавать совершенными с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица в тех случаях, когда оно в силу своего физического или психического состояния (слабоумие или другое психическое расстройство, физические недостатки, иное болезненное либо бессознательное состояние), возраста (малолетнее или престарелое лицо) или иных обстоятельств не могло понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротивление виновному. При этом лицо, совершая насильственные действия сексуального характера, должно сознавать, что потерпевшее лицо находится в беспомощном состоянии.

В соответствии с примечанием к ст. 131 УК РФ к преступлениям, предусмотренным п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся также деяния, под-

падающие под признаки преступления, указанного в ч. 2 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, т.е. не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий.

Таким образом, для признания состояния потерпевшей от преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, достигшей двенадцатилетнего, но не достигшей четырнадцатилетнего возраста, беспомощным недостаточно лишь возрастного признака. Необходимо еще установить, что в силу возраста, уровня развития и иных причин потерпевшая не могла понимать характера и значения совершаемых с ней действий, и это должно осознаваться виновным лицом и использоваться им для совершения преступления.

Исходя из этого уголовная ответственность по п. “б” ч. 4 ст. 132 УК РФ наступает только в случаях, когда виновное лицо при совершении развратных действий в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста, осознает, что потерпевший находится в беспомощном состоянии, и использование такого состояния охватывалось умыслом виновного.

В обоснование своего вывода о нахождении потерпевшей в беспомощном состоянии суд апелляционной инстанции сослался на заключение судебно-психиатрической экспертизы, согласно которому у Ш. имеются признаки смешанного специфического расстройства психологического развития.

С учетом имеющейся у Ш. аномалии психической деятельности, возрастной ограниченности жизненного опыта, личностной незрелости и недостаточной осведомленности в вопросах взаимоотношения полов Ш. способна понимать лишь внешнюю и фактическую стороны интересующих следствие событий (место и время произошедшего, последовательность действий участников криминальной ситуации) и давать соответствующие показания в описательном плане без оценки юридического значения действий обвиняемого. По этим причинам Ш. не могла понимать характер и значение совершаемых с нею действий, оказывать им сопротивление.

На основании выводов экспертов суд апелляционной инстанции констатировал наличие у потерпевшей беспомощного состояния и осознание данного факта С. в силу того, что ему был достоверно известен возраст Ш.

Вместе с тем выводы экспертов о невозможности потерпевшей понимать характер и значение совершаемых действий, оказывать им сопротивление основаны не на ее возрасте и не только на приведенных выше особенностях поведения потерпевшей, а на их сочетании с наличием смешанного специфического расстройства психологического развития. При этом, исходя из показаний матери, брата и подруги Ш., аномалия психической деятельности никак внешне не проявлялась, не сказывалась она и на ее поведении и развитии.

Мотивов, по которым суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что С. осознавал наличие у Ш. таких аномалий психической деятельности, свидетельствовавших о беспомощном состоянии, в апелляционном приговоре не приведено.

Из содержания переписки между Ш. и С., которая не была учтена экспертами при проведении обследования Ш., следует, что последняя в достаточной степени осведомлена в вопросах взаимоотношения полов, в ряде случаев поддерживала беседы, в том числе и на темы интимного характера.

Изложенные обстоятельства, влияющие на правильную квалификацию действий С., суд апелляционной инстанции оставил без оценки¹.

3. В срок наказания, назначенного по правилам ст. 70 УК РФ, в случае отмены условного осуждения по предыдущему приговору должно быть зачтено время содержания под стражей по первому делу в порядке меры пресечения или задержания

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 24 февраля 2022 г. № 36-УД22-1-К2*

(Извлечение)

По приговору Промышленного районного суда г. Смоленска от 16 октября 2019 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) С., судимый 26 сентября 2018 г. по п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ к одному году шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком два года, осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ к восьми годам лишения свободы. В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ отменено условное осуждение по приговору от 26 сентября 2018 г. и на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного сложения наказаний назначено восемь лет три месяца лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Срок наказания постановлено исчислять с 16 октября 2019 г. с зачетом времени содержания его под стражей в период с 21 января по 15 октября 2019 г. включительно из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Смоленского областного суда от 5 декабря 2019 г. приговор в отношении С. оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2020 г. приговор и апелляционное определение в отношении С. оставлены без изменения.

¹ По апелляционному определению судебной коллегии по уголовным делам Астраханского областного суда от 17 марта 2022 г. приговор в отношении С. оставлен без изменения в части квалификации действий осужденного по ч. 2 ст. 135 УК РФ. В приговор внесены и иные изменения.

В кассационной жалобе осужденный С. оспаривал состоявшиеся в отношении его судебные решения, указывал, что по приговору от 26 сентября 2018 г. он находился под стражей в период с 14 августа по 26 сентября 2018 г., однако суд при назначении ему окончательного наказания по совокупности приговоров не зачел указанный период в срок отбывания наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 24 февраля 2022 г. приговор и последующие судебные решения изменила, отметив следующее.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 “О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания”, срок отбывания окончательного наказания в виде лишения свободы, назначенного по правилам ч. 5 ст. 69 и (или) ст. 70 УК РФ, исчисляется со дня постановления последнего приговора. При этом производится зачет времени предварительного содержания под стражей по последнему делу в порядке меры пресечения или задержания.

В срок наказания, назначенного по правилам ст. 70 УК РФ, в случае отмены условного осуждения по предыдущему приговору должно быть помимо прочего зачтено время предварительного содержания под стражей по первому делу в порядке меры пресечения или задержания.

Как усматривается из материалов уголовного дела, С. по приговору от 26 сентября 2018 г. осужден по п. “а” ч. 2 ст. 158 УК РФ к одному году шести месяцам лишения свободы на основании ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком два года.

По приговору Промышленного районного суда г. Смоленска от 16 октября 2019 г. окончательное наказание осужденному назначено по совокупности с указанным выше приговором на основании ст. 70 УК РФ путем отмены условного осуждения по этому приговору, по которому он задерживался с 14 по 19 августа 2018 г. в порядке ст.ст. 91—92 УПК РФ, а также содержался под стражей в период с 21 августа по 26 сентября 2018 г.

Вместе с тем при исчислении срока отбывания наказания осужденного С., назначенного по правилам ст. 70 УК РФ, время содержания его под стражей по предыдущему приговору от 26 сентября 2018 г. не было зачтено судом при постановлении приговора от 16 октября 2019 г.

Данные обстоятельства не были приняты во внимание при рассмотрении дела в отношении С. судами апелляционной и кассационной инстанций.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор и последующие судебные решения в отношении С. изменила: определила зачесть в срок отбывания наказания С. время его содержания под стражей с 14 августа по 26 сентября 2018 г. включительно из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КАССАЦИОННЫХ И АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. Наличие нескольких обвинительных приговоров, окончательное наказание по которым назначено по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ, образует лишь одну судимость

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Четвертого кассационного суда общей юрисдикции
от 31 мая 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Тбилисского районного суда Краснодарского края от 20 августа 2018 г. П., судимый 17 декабря 2008 г. по пп. “а”, “в”, “г” ч. 2 ст. 161 УК РФ к четырем годам восьми месяцам лишения свободы; 31 декабря 2008 г. с учетом внесенных изменений по ч. 1 ст. 162 УК РФ на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ — к пяти годам шести месяцам лишения свободы; 19 марта 2014 г. по ст. 314¹ УК РФ — к пяти месяцам лишения свободы, осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ к семи годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 31 октября 2018 г. приговор оставлен без изменения.

П. признан виновным в разбойном нападении, совершенном с незаконным проникновением в жилище, с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Осужденный в кассационной жалобе выражал несогласие с обжалуемыми судебными решениями, считая их незаконными и постановленными с нарушениями требований уголовного и уголовно-процессуального закона.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 7 апреля 2021 г. кассационная жалоба осужденного П. вместе с уголовным делом передана на рассмотрение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции 31 мая 2021 г. изменила приговор и апелляционное определение ввиду следующего.

В соответствии с ч. 3 ст. 18 УК РФ рецидив преступлений признается особо опасным:

а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы;

б) при совершении лицом особо тяжкого преступления, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

Указанные требования закона судом не были соблюдены.

Признав в действиях П. наличие особо опасного рецидива преступлений, суд исходил из того, что П. ранее был судим за тяжкие преступления, судимости за которые не были погашены или сняты на момент совершения нового особо тяжкого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ, в связи с чем суд назначил отбывание наказания в исправительной колонии особого режима.

Между тем суд не учел, что окончательное наказание по приговорам от 17 и 31 декабря 2008 г. назначено по совокупности преступлений на основании ч. 5 ст. 69 УК РФ, что образует одну судимость П.

При таких обстоятельствах в силу п. “б” ч. 2 ст. 18 УК РФ действия П. образуют опасный, а не особо опасный рецидив преступлений, поэтому следует назначить ему отбывание наказания в исправительной колонии строгого режима в соответствии с п. “в” ч. 1 ст. 58 УК РФ.

2. Наличие на момент совершения осужденным нового умышленного преступления судимости по приговору, по которому испытательный срок условного осуждения истек, а дополнительное наказание не исполнено, в силу п. “в” ч. 4 ст. 18 УК РФ не является основанием для признания наличия рецидива преступлений

*Определение судебной коллегии
по уголовным делам*

*Шестого кассационного суда общей юрисдикции
от 23 ноября 2021 г.*

(Извлечение)

По приговору Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 21 марта 2014 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, М., судимый 3 февраля 2010 г. по ч. 1 ст. 163 УК РФ к двум годам шести месяцам условно с испытательным сроком три года (испытательный срок истек 3 февраля 2013 г.) со штрафом в размере 30 000 руб. (в установленный срок штраф не уплачен), осужден по ч. 3 ст. 30, пп. “а” и “г” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ к десяти годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ к восьми годам шести месяцам лишения свободы. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний назначено окончательное наказание в виде одиннадцати лет лишения свободы.

По этому же приговору осуждены и иные лица.

В кассационной жалобе М. просил изменить судебные решения, полагая, что назначенное наказание является чрезмерно суровым.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда РФ от 27 августа 2021 г. кассационная жалоба осужденного М. вместе с уго-

ловным делом передана на рассмотрение Шестого кассационного суда общей юрисдикции.

Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции 23 ноября 2021 г. доводы кассационной жалобы удовлетворила частично ввиду следующего.

Суд первой инстанции признал отягчающим наказание М. обстоятельством рецидив преступлений в связи с его судимостью по приговору от 3 февраля 2010 г., по которому он был осужден до совершения преступлений по рассматриваемому уголовному делу к лишению свободы условно с испытательным сроком три года (истек 3 февраля 2013 г.) со штрафом в размере 30 000 руб. Поскольку дополнительное наказание в виде штрафа на момент совершения новых преступлений не было исполнено, то суд первой инстанции пришел к выводу о том, что судимость по приговору от 3 февраля 2013 г. не погашена, и при назначении наказания руководствовался требованиями ч. 2 ст. 68 УК РФ. При этом суд не учел, что неисполнение дополнительного наказания, назначенного при условном осуждении, само по себе не имеет юридического значения для признания в

действиях осужденного рецидива преступлений, поскольку в силу п. “в” ч. 4 ст. 18 УК РФ в случае условного осуждения (которое не отменялось с направлением осужденного в места лишения свободы) совершение им умышленного преступления при наличии судимости за ранее совершенное умышленное преступление рецидива преступлений не образует.

По смыслу уголовного закона перечень оснований для признания рецидива преступлений, а также исключений из этого перечня, предусмотренных ч. 4 ст. 18 УК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит.

При таких обстоятельствах судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции приговор и апелляционное определение изменила: исключила указание на признание в действиях М. обстоятельства, отягчающего наказание — рецидив преступлений, и смягчила наказание по ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 228¹ УК РФ до восьми лет лишения свободы и на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ — до десяти лет шести месяцев лишения свободы.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 3 (2023)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Высокая стоимость юридических услуг не может быть поводом к сокращению объема прав реабилитированного лица на возмещение причиненного ему имущественного вреда.

Постановлением Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. частично удовлетворено ходатайство М. о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации, постановлено взыскать с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу М. 330 000 руб. в возмещение сумм, выплаченных адвокатам Б. и Р. за оказанную ему юридическую помощь.

Апелляционным постановлением Курского областного суда от 1 июня 2020 г. постановление оставлено без изменения.

Председатель Верховного Суда РФ в представлении поставил вопрос о возобновлении производства по уголовному делу в отношении М. ввиду новых обстоятельств.

Президиум Верховного Суда РФ 29 марта 2023 г. удовлетворил представление по следующим основаниям.

Постановлением старшего следователя следственного отдела по Центральному административному округу г. Курска следственного управления Следственного комитета РФ по Курской области от 15 февраля 2018 г. прекращено уголовное преследование М., обвиняемого по ч. 3 ст. 290, ч. 1 ст. 291² УК РФ, в части предъявленного обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ, на основании п. 2 ч. 1 ст. 24, п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления; за М. признано право на реабилитацию.

По приговору мирового судьи судебного участка № 8 судебного района Центрального округа

г. Курска от 6 сентября 2018 г., оставленному без изменения судом апелляционной инстанции, М. по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 291² УК РФ, оправдан на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с неустановлением события преступления; за М. признано право на реабилитацию и возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием.

Постановлением Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. ходатайство М. о возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации удовлетворено частично, постановлено взыскать с Минфина России за счет казны Российской Федерации в пользу М. 330 000 руб. в возмещение сумм, выплаченных адвокатам Б. и Р. за оказанную ему юридическую помощь.

При этом суд, установив, в частности, что М. наряду с оплатой за фактически оказанные адвокатом Б. услуги произвел Коллегии адвокатов адвокатской палаты Курской области ежемесячную оплату в твердой денежной сумме на общую сумму 185 000 руб., а также сумму в размере 42 000 руб., признал, что доказательств оказания ему юридических услуг на эти суммы не представлено.

Апелляционным постановлением Курского областного суда от 1 июня 2020 г. постановление Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. о частичном удовлетворении ходатайства реабилитированного М. о возмещении расходов, связанных с оплатой юридических услуг, оставлено без изменения.

М. обратился в Конституционный Суд РФ с жалобой, в которой оспаривал, в частности, конституционность положений п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, полагая, что данная норма позволяет суду при рассмотрении вопроса о возмещении ре-

билитированному лицу имущественного вреда уменьшать сумму такого возмещения — вопреки доказанному в судебном заседании размеру действительно понесенных этим лицом расходов на оплату юридических услуг, а также в отсутствие доказательств, подтверждающих выводы о необходимости снижения заявленного реабилитированным лицом размера возмещения.

23 сентября 2021 г. Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 41-П, в котором признал п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ не противоречащим Конституции Российской Федерации, указав, что эта норма, предусматривая возмещение реабилитированному имущественного вреда с отнесением к его составу сумм, выплаченных за оказание реабилитированному юридической помощи, не предполагает отказа лицу, пострадавшему от незаконного или необоснованного уголовного преследования, в полном возмещении расходов на оплату полученной им юридической помощи адвоката, если не доказано, что часть расходов, предъявленных к возмещению, обусловлена явно иными обстоятельствами, нежели получение такой помощи непосредственно в связи с защитой реабилитированного от уголовного преследования, и при этом добросовестность его требований о таком возмещении не опровергнута.

19 октября 2021 г. Конституционный Суд РФ вынес Определение № 2128-О по жалобе гражданина М., в соответствии с которым для разрешения жалобы заявителя в части оспаривания конституционности п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ не требуется вынесения предусмотренного ст. 71 Федерального конституционного закона “О Конституционном Суде Российской Федерации” итогового решения в виде постановления, поскольку данный вопрос был разрешен в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П.

При этом Конституционный Суд РФ подчеркнул, что Постановление от 23 сентября 2021 г. № 41-П, а значит, и выраженные в нем правовые позиции и выводы сохраняют свою силу. Конституционно-правовой смысл положений п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, выявленный Конституционным Судом РФ, имеет общеобязательное значение, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

Относительно содержания правовых позиций, выраженных в названном Постановлении применительно к п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ, Конституционный Суд РФ отметил, в частности, что высокая стоимость помощи, полученной от адвоката, не может как таковая быть поводом к сокращению объема прав реабилитированного на возмещение причиненного ему вреда, конституционно гарантированное каждому потерпевшему от незаконного привлечения к уголовной ответственности. Незаконное или необоснованное уголовное преследование само по себе может мешать потерпевшему быть осмотрительным и умеренным в расходах на оплату юридической помощи, а потому значительные затраты на услуги адвоката при защите конституционных прав и ценностей от такого преследования нельзя считать беспочвенными. Нельзя считать правильным и снижение размера возмещения, присуждаемого реабилитированному, на том основании, что он вместо отдельных услуг помещаю или поквартально оплачивал серией платежей длительно получаемую юридическую помощь. Несправедливо также снижение суммы

возмещаемых затрат до размеров, которые представляются достаточными представителям причинителя вреда, особенно после реабилитации лица, пострадавшего от неправомерного уголовного преследования. Расходы, на которые лицо решается в обстановке такого преследования, нельзя считать безосновательными даже при некоем их превышении над средними, например, величинами адвокатского вознаграждения по месту ведения уголовного дела.

Поскольку Конституционный Суд РФ указал, что правоприменительные решения по делу М., основанные на положениях п. 4 ч. 1 ст. 135 УПК РФ в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в Постановлении от 23 сентября 2021 г. № 41-П, подлежат пересмотру в установленном порядке, Президиум Верховного Суда РФ возобновил производство по делу по ходатайству М. о возмещении вреда реабилитированному ввиду новых обстоятельств, постановление Ленинского районного суда г. Курска от 23 декабря 2019 г. и апелляционное постановление Курского областного суда от 1 июня 2020 г. в отношении М. отменил и передал дело в тот же суд для производства нового судебного разбирательства в порядке ст. 399 УПК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 162-П22*

2. Наказание по ч. 4 ст. 150 УК РФ с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ не может превышать пяти лет четырех месяцев лишения свободы.

По приговору Верховного суда Республики Дагестан от 14 августа 2014 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Д., судимый 23 апреля 2010 г. по п. “в” ч. 2 ст. 158, п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ к двум годам шести месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком на два года, осужден: по ч. 4 ст. 222 УК РФ к обязательным работам на срок 200 часов в местах, определяемых органом местного самоуправления, на основании п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 8 ст. 302 УПК РФ Д. от назначенного наказания освобожден, уголовное преследование в отношении его прекращено в связи с истечением срока давности; по ч. 3 ст. 30, п. “б” ч. 4 ст. 158 УК РФ к лишению свободы сроком на три года со штрафом в размере 50 000 руб., с ограничением свободы сроком на шесть месяцев, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ к лишению свободы сроком на два года с ограничением свободы сроком на шесть месяцев, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по п. “а” ч. 3 ст. 226 УК РФ к лишению свободы сроком на пять лет со штрафом в размере 25 000 руб., с ограничением свободы сроком на шесть месяцев, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по п. “в” ч. 4 ст. 162 УК РФ к лишению свободы сроком на девять лет со штрафом в размере 60 000 руб., с ограничением свободы сроком на один год, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ к лишению свободы сроком на четырнадцать лет с ограничением свободы сроком на один год, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре; по ч. 4 ст. 150 УК РФ к лишению свободы сроком на шесть лет с ограничением свободы сроком на шесть месяцев, с установлением в соответст-

вии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Д. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на семнадцать лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 100 000 руб., с ограничением свободы сроком на два года, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре.

В соответствии с ч. 5 ст. 74 УК РФ условное осуждение Д. по приговору от 23 апреля 2010 г. отменено, на основании ст. 70 УК РФ к назначенному лишению свободы присоединен один год лишения свободы и окончательно определено восемнадцать лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима со штрафом в размере 100 000 руб., с ограничением свободы на два года, с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений, указанных в приговоре.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе адвокат А. ссылался на суровость назначенного Д. наказания, полагая, что судом не в полной мере учтено в качестве смягчающего наказание обстоятельства активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, а также влияние наказания на условия жизни семьи при наличии матери, страдающей различными заболеваниями, просил изменить приговор и апелляционное определение и смягчить наказание.

Президиум Верховного Суда РФ 1 марта 2023 г., рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе, изменил обжалуемые судебные решения в отношении Д. по следующим основаниям.

Из материалов уголовного дела усматривается, что суд первой инстанции обстоятельством, смягчающим наказание Д. по всем преступлениям, за которые он осужден, в том числе по преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 150 УК РФ, признал активное способствование раскрытию, расследованию преступлений и изобличению соучастника.

Обстоятельств, отягчающих наказание Д., судом не установлено.

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников), и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, Д. за преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 150 УК РФ, с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ могло быть назначено максимальное наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет четыре месяца.

Между тем по приговору суда Д. назначено наказание в виде шести лет лишения свободы, что превышает установленные законом пределы.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ указанное нарушение уголовного закона устранено не было.

В связи с изложенным Президиум Верховного Суда РФ приговор и апелляционное определение в отношении Д. изменил, назначенное наказание по ч. 4 ст. 150 УК РФ смягчил до пяти лет трех месяцев лишения свободы с ограничением свободы на шесть месяцев.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. “б” ч. 4 ст. 158, пп. “а”, “в” ч. 2 ст. 158, п. “а” ч. 3 ст. 226, п. “в” ч. 4 ст. 162, пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105, ч. 4 ст. 150 УК РФ, путем частичного сложения наказаний Д. назначено шестнадцать лет десять месяцев лишения свободы с ограничением свободы сроком на два года, со штрафом в размере 100 000 руб., с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений и обязанности, указанных в постановлении.

В соответствии со ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по приговору от 23 апреля 2010 г. Д. назначено семнадцать лет девять месяцев лишения свободы в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы сроком на два года, со штрафом в размере 100 000 руб., с установлением в соответствии со ст. 53 УК РФ ограничений и обязанности, указанных в постановлении.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 151-П22*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

3. Использование одним из собственников общего имущества многоквартирного дома (в том числе фасада здания для размещения наружного блока кондиционера) осуществляется в соответствии с решением общего собрания собственников помещений этого дома.

Управляющая компания обратилась в суд с иском к К. о возложении обязанности демонтировать наружный блок кондиционера, установленный на фасаде многоквартирного дома с внешней стороны принадлежащей ответчику квартиры, и восстановить после демонтажных работ целостность фасада многоквартирного дома с приведением его в первоначальное состояние в соответствии с конструкцией и цветом фасада.

Удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что отсутствие согласования размещения внешнего блока кондиционера на фасаде здания с собственниками помещений в многоквартирном доме является нарушением требований действующего законодательства и прав собственников, соответствующие действия ответчика по размещению блока кондиционера препятствуют исполнению обязанностей истца как управляющей организации, ответственной за содержание общего имущества дома, по соблюдению правил содержания и ремонта жилых домов.

Отменяя определение суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое апелля-

ционное рассмотрение, кассационный суд общей юрисдикции указал, что на установку кондиционеров не требуется получения соответствующих разрешений компетентных органов, при этом сам по себе факт размещения ответчиком кондиционера на карнизе фасада здания не означает осуществление им действий, затрудняющих реализацию прав владения, пользования и в установленных законодательством пределах распоряжения собственниками помещений общим имуществом в многоквартирном доме или препятствующих этому, поскольку в результате такой установки общее имущество жильцов жилого дома не уменьшилось, а иные негативные последствия в виде повышенного шума, вибрации и прочего не установлены, в связи с чем вывод суда о том, что фасад здания относится к общему имуществу собственников помещений в многоквартирном доме и поэтому установка наружного блока кондиционера может осуществляться только при наличии согласия собственников, не может быть принят во внимание.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод суда кассационной инстанции не соответствующим нормам права по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 246 ГК РФ распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех ее участников.

В соответствии с п. 1 ст. 290 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) собственникам квартир в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности общие помещения дома, несущие конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры.

В силу п. 3 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, а именно: крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и другое оборудование (в том числе конструкции и (или) иное оборудование, предназначенные для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов к помещениям в многоквартирном доме), находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения.

При рассмотрении данного дела судами был установлен факт размещения ответчиком внешнего блока кондиционера на фасаде (карнизе фасада) многоквартирного жилого дома, являющемуся его ограждающей конструкцией и в силу приведенных норм закона относящемуся к общему имуществу собственников помещений в этом доме.

Частью 4 ст. 36 ЖК РФ закреплено, что по решению собственников помещений в многоквартирном доме, принятому на общем собрании таких собственников, объекты общего имущества в многоквартирном доме могут быть переданы в пользование иным лицам в случае, если это не нарушает права и законные интересы граждан и юридических лиц.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 39 Обзора практики разрешения судами

споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 4 декабря 2013 г., лицо, обладающее равными с другими собственниками правами владеть, пользоваться и распоряжаться общим имуществом многоквартирного дома, вправе реализовать данное право лишь в случае достижения соглашения между всеми участниками долевой собственности.

Органом управления многоквартирного дома, к компетенции которого относится принятие решений о пользовании общим имуществом собственников помещений в этом доме, является общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме (ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 44 ЖК РФ).

Таким образом, действия собственника помещения в многоквартирном доме, выражающиеся в несоблюдении установленного порядка пользования общим имуществом и в размещении на общем имуществе многоквартирного дома личного оборудования без соответствующего на то решения общего собрания собственников помещений в доме, противоречат приведенным требованиям закона и подлежат признанию нарушающими права общей долевой собственности, принадлежащие всем собственникам помещений в многоквартирном доме, что не было учтено судом кассационной инстанции.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение и направила дело на новое рассмотрение в кассационный суд общей юрисдикции.

Определение № 5-КГ22-150-К2

4. Условие договора управления многоквартирным домом о размере платы за ремонт (содержание) общего имущества должно соответствовать решению, принятому на общем собрании собственников помещений в этом доме.

Н. обратился в суд с иском к управляющей компании о признании незаконными действий по применению в одностороннем порядке размера платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме, установленного органом местного самоуправления, возложении обязанности производить начисления платы за содержание жилого помещения с 16 сентября 2020 г. в соответствии с решением внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, оформленным протоколом от 21 сентября 2020 г., в размере 13 руб. за 1 кв.м до принятия собственниками соответствующего решения в порядке, установленном действующим законодательством.

В обоснование требований истец указал, что является собственником 1/2 доли в праве собственности на квартиру, расположенную в многоквартирном доме, управление которым осуществляет ответчик. Несмотря на имеющееся решение внеочередного общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, которым с 16 сентября 2020 г. утвержден размер платы за содержание жилого помещения в размере 13 руб. за 1 кв.м, ответчик незаконно, по мнению истца, применяет тариф, утвержденный постановлением местной администрации от 15 июня 2020 г., в размере 20 руб. за 1 кв.м.

Удовлетворяя искимые требования Н., суд первой инстанции указал на то, что в случае, когда собственниками помещений в многоквартирном доме принято решение об установлении ставки платы за содержание и ремонт жилого помещения, применению подлежит ставка, утвержденная решением общего собрания собственников. Применение ставки платы за ремонт и содержание жилья, установленной органом местного самоуправления, возможно только в том случае, если на состоявшемся общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме решение об установлении размера такого платежа не принято.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении искимых требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что размер платы за содержание общего имущества многоквартирного дома и перечень работ, выполняемых в целях надлежащего содержания общего имущества многоквартирного дома, являются существенными условиями договора управления. Полагая, что решение об установлении платы за содержание и ремонт жилого помещения в меньшем размере, чем предусмотрено договором управления, принято общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме без учета обстоятельств, способных повлиять на объем и качество работ в целях поддержания многоквартирного дома в надлежащем техническом состоянии, что противоречит существу законодательного регулирования соответствующего вида обязательства, а также посягает на публичные интересы — интересы неопределенного круга лиц по обеспечению безопасности жизни и здоровья граждан, проживающих в многоквартирном доме, суд счел, что имеются основания для признания данного решения в части ничтожным в силу положений п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием, дополнительно указав, что существенное отличие размера платы, установленного решением общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, от размера платы, определенного органом местного самоуправления (более чем на 35%), подтверждает невозможность содержания и ремонта общего имущества дома в соответствии с установленными требованиями при внесении платы по тарифу, утвержденному собственниками, и, как следствие, причинение убытков управляющей организации, которая в силу закона обязана обеспечить надлежащее оказание услуг по содержанию общего имущества дома.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с постановлениями суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 210 ГК РФ собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества, если иное не предусмотрено законом или договором.

Как следует из чч. 1 и 2 ст. 39 ЖК РФ, собственники помещений в многоквартирном доме несут бремя расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме. Доля обязательных расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя кото-

рых несет собственник помещения в таком доме, определяется долей в праве общей собственности на общее имущество в таком доме указанного собственника.

Плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме включает в себя плату за содержание жилого помещения, в том числе плату за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме (ч. 2 ст. 154 ЖК РФ).

Согласно ч. 7 ст. 156 ЖК РФ размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме, в котором не созданы товарищество собственников жилья либо жилищный кооператив или иной специализированный потребительский кооператив, определяется на общем собрании собственников помещений в таком доме. Размер платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме определяется с учетом предложений управляющей организации и устанавливается на срок не менее чем один год.

В п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 “О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности” разъяснено, что управляющая организация не вправе в одностороннем порядке изменять порядок определения размера платы за содержание жилого помещения и начислять плату за содержание жилого помещения в размере, превышающем размер такой платы, определенный в соответствии с заключенным договором управления многоквартирным домом (ч. 7 ст. 156, чч. 1, 2, 3 и 8 ст. 162 ЖК РФ, п. 1 ст. 310, п. 1 ст. 432, ст.ст. 450—453 ГК РФ).

Поскольку порядок определения и размер платы за содержание общего имущества дома, а также перечень работ, выполняемых в целях надлежащего содержания общего имущества многоквартирного дома, являются условиями договора управления (ст. 162 ЖК РФ), при этом изменение условий договора управления о размере платы за содержание общего имущества возможно исключительно по решению общего собрания собственников помещений дома, то условие договора управления о размере платы за содержание общего имущества должно соответствовать решению, принятому на собрании собственников дома. В ином случае оно может быть оспорено по правилам недействительности сделок (ст. 168, п. 1 ст. 181³, ст. 181⁵ ГК РФ).

Между тем управляющая компания данным правом не воспользовалась, решение внеочередного общего собрания собственников помещений многоквартирного дома, оформленное протоколом от 21 сентября 2020 г., управляющей организацией в установленном законом порядке обжаловано не было. Управляющей компанией по данному спору сделано заявление о ничтожности решения собрания в части. При этом бремя доказывания ничтожности принятого решения, включая экономическое обоснование правомерности принятых общим

собранием тарифов, суды ошибочно возложили на собственников многоквартирного дома.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 45-КГ23-2-К7

5. Поскольку абонентские почтовые ящики относятся к общему имуществу многоквартирного дома, такое имущество подлежит содержанию управляющей организацией в надлежащем техническом состоянии, обеспечивающем выполнение им основного назначения.

Б. обратился в суд с иском к муниципальному унитарному предприятию (далее — МУП), органу жилищно-коммунального хозяйства, региональному оператору капитального ремонта многоквартирных домов о возложении обязанности по выполнению работ по текущему и капитальному ремонту, указав, что является собственником квартиры, расположенной в многоквартирном доме, который нуждается в текущем и капитальном ремонте. С 2016 года многоквартирный дом находится на обслуживании МУП, не выполняющим свои обязанности по надлежащему содержанию и ремонту жилого дома. В связи с этим Б. просил возложить на МУП обязанность провести текущий ремонт общего имущества многоквартирного жилого дома за счет денежных средств, поступивших от собственников помещений жилого дома в качестве платы за содержание жилья, в том числе заменить существующие почтовые ящики на новые современные и функциональные ящики.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, искивые требования удовлетворены частично.

Отказывая в удовлетворении требований Б. в части возложения на МУП обязанности по выполнению работ по замене почтовых ящиков, суд, ссылаясь на условия договора управления многоквартирным домом, на минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. № 290, пришел к выводу о том, что абонентские почтовые ящики не входят в состав общего имущества, в связи с чем их обслуживание, содержание, ремонт и замена возможны только в качестве дополнительной услуги, которая должна быть включена в договор управления.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами судов первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала обжалуемые судебные постановления в части отказа Б. в удовлетворении требований о возложении на управляющую организацию обязанности по выполнению работ по замене почтовых ящиков ошибочными, дело в этой части направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Из системного толкования положений чч. 1, 1¹ и 2³ ст. 161, п. 2 ст. 162 ЖК РФ следует, что требования, которые предъявляются к выполнению работ по управлению и техническому обслуживанию дома, все текущие и неотлож-

ные работы и услуги в отношении общего имущества многоквартирного дома считаются предусмотренными в договоре в силу правил содержания дома как объекта недвижимости и должны осуществляться управляющими компаниями независимо от того, упоминаются ли в договоре соответствующие конкретные работы и услуги.

Согласно ч. 1 ст. 36 ЖК РФ собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме, в частности помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения в данном доме, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения в данном доме оборудование (технические подвалы), крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в данном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения.

Правительство РФ во исполнение полномочий, возложенных на него ч. 3 ст. 39 и ч. 1² ст. 161 ЖК РФ, постановлением от 13 августа 2006 г. № 491 утвердило Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, регулирующие отношения по содержанию общего имущества, принадлежащего на праве общей долевой собственности собственникам помещений в многоквартирном доме.

В силу подп. “д” и “ж” п. 2 данных Правил в состав общего имущества включается не только механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в многоквартирном доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного жилого и (или) нежилого помещения (квартиры), но и иные объекты, предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства многоквартирного дома. При этом указанный перечень общего имущества не является исчерпывающим.

Во исполнение п. 3 указанных Правил в целях обеспечения благоприятных и безопасных условий проживания граждан, надлежащего содержания и пользования общим имуществом многоквартирного дома, а также обеспечения контроля за состоянием указанного имущества приказом Минрегиона России от 1 июня 2007 г. № 45 утверждено Положение о разработке, передаче, пользовании и хранении инструкции по эксплуатации многоквартирного дома.

В подраздел 3.15 Рекомендаций по содержанию и ремонту иных объектов общего имущества в многоквартирном доме, являющихся приложением к указанному Положению, включены рекомендации по содержанию и ремонту абонентских почтовых шкафов как объектов общедомового имущества.

В ст. 2 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ “О почтовой связи” предусмотрено, что под абонентским почтовым шкафом понимается специальный шкаф с запирающимися ячейками, устанавливаемый в жилых домах, а также на доставочных участках, пред-

назначенный для получения адресатами почтовых отправлений.

Абонентские почтовые шкафы устанавливаются строительными организациями на первых этажах многоквартирных жилых домов. Расходы на приобретение и установку абонентских почтовых шкафов включаются в смету строительства этих домов. Обслуживание, ремонт и замена абонентских почтовых шкафов возлагаются на собственников жилых домов или жилищно-эксплуатационные организации, которые обеспечивают сохранность жилых домов и надлежащее их использование, и осуществляются за счет собственников жилых домов (ст. 31 названного Федерального закона).

Таким образом, действующее законодательство предусматривает обязательное установление на первых этажах многоквартирных жилых домов абонентских почтовых шкафов, которые являются общим имуществом многоквартирного дома в силу требований ч. 1 ст. 36 ЖК РФ, подп. “д” п. 2 Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491.

Поскольку абонентские почтовые ящики относятся к общему имуществу многоквартирного дома, такое имущество подлежит содержанию управляющей организацией в надлежащем техническом состоянии, обеспечивающем выполнение им основного назначения.

При ненадлежащем состоянии абонентского почтового шкафа в подъезде многоквартирного дома он подлежит восстановлению (ремонту либо замене) управляющей организацией в счет установленной платы за содержание жилых помещений, вносимой собственниками помещений в многоквартирном доме.

Определение состава общего имущества многоквартирного дома регулируется федеральным законодательством. Отсутствие в договоре управления многоквартирным домом упоминания в составе общего имущества абонентского почтового шкафа не освобождает управляющую организацию от обязанности по восстановлению (ремонту либо замене) почтовых ящиков в случае их ненадлежащего технического состояния.

Определение № 51-КГ23-3-К8

Разрешение споров, возникающих из договорных и внедоговорных отношений

6. Предмет агентского договора может быть определен сторонами как путем перечисления конкретных действий, которые принципал поручает совершить агенту, так и путем передачи агенту общих полномочий на совершение юридических или фактических действий.

З. (принципал) обратился в суд с иском к Б. (агент) о признании агентских договоров незаключенными, указав, что его доверенным лицом, действовавшим на основании нотариально удостоверенной доверенности, от имени З. были подписаны агентские договоры с ответчиком, согласно которым последний принял на себя обязательство совершить от имени и за счет З. фактические действия, способствующие заключению им договоров купли-продажи движимого имущества, объектов недвижимого имущества и земельного участка, принадлежащих истцу на праве собственности.

О существовании агентских договоров истец узнал после того, как Б. обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника З. требо-

ваний ответчика о взыскании агентского вознаграждения.

По мнению истца, договоры не являются заключенными, поскольку их стороны не пришли к соглашению по всем существенным условиям, а именно в них отсутствует указание на то, какие конкретные действия должен совершить агент, договоры и приложения к ним содержат одинаковый перечень имущества, при этом указание на движимое имущество с его наименованием и другими идентифицирующими признаками отсутствует, определена только единая цена продажи всего имущества, кроме того, на земельном участке расположено недвижимое имущество, не отраженное в агентских договорах (гараж на пять автомобилей и дымовая труба), тогда как земельный участок в силу действующего законодательства не может быть продан без расположенных на нем объектов недвижимости.

Удовлетворяя требования З., суд первой инстанции с учетом положений ст.ст. 432, 1005, 1006 ГК РФ исходил из того, что предмет спорных агентских договоров не определен: не указано, какие конкретные фактические действия должен совершить агент в рамках исполнения своих обязанностей по договорам, какие полученные от принципала документы должен возвратить.

С выводами суда первой инстанции и их обоснованием согласились суд апелляционной инстанции и кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала состоявшиеся по делу судебные постановления вынесенными с существенными нарушениями норм права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 25 декабря 2018 г. № 49 “О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора” разъяснил, что договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (п. 3 ст. 154 и п. 1 ст. 432 ГК РФ). Соглашение сторон может быть достигнуто путем принятия (акцепта) одной стороной предложения заключить договор (оферты) другой стороны (п. 2 ст. 432 ГК РФ), путем совместной разработки и согласования условий договора в переговорах, иным способом, например, договор считается заключенным и в том случае, когда из поведения сторон явствует их воля на заключение договора (п. 2 ст. 158, п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Существенными условиями, которые должны быть согласованы сторонами при заключении договора, являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах существенными или необходимыми для договоров данного вида (например, условия, указанные в ст.ст. 555 и 942 ГК РФ).

Существенными также являются все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ), даже если такое условие восполнялось бы диспозитивной

нормой (п. 2 названного выше постановления Пленума Верховного Суда РФ).

По смыслу п. 1 ст. 1005 ГК РФ предметом агентского договора является совершение агентом за вознаграждение по поручению другой стороны (принципала) юридических и фактических действий от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала.

В случаях, когда в агентском договоре, заключенном в письменной форме, предусмотрены общие полномочия агента на совершение сделок от имени принципала, последний в отношениях с третьими лицами не вправе ссылаться на отсутствие у агента надлежащих полномочий, если не докажет, что третье лицо знало или должно было знать об ограничении полномочий агента (п. 2 ст. 1005 ГК РФ).

С учетом указанных правовых норм, принципал вправе поручить агенту осуществление любых действий, которые могут быть определены договором, как путем полного перечисления поручаемых действий, так и с передачей агенту общих полномочий, учитывая, что в момент заключения договора не всегда возможно определить конкретный характер возможных действий.

Положения главы 52 ГК РФ не содержат императивных предписаний, устанавливающих обязательное перечисление в агентском договоре поручаемых агенту конкретных действий.

По данному делу предмет агентских договоров определен сторонами как совершение агентом от имени и за счет принципала за вознаграждение фактических действий, способствующих заключению принципалом договоров купли-продажи движимого имущества, объектов недвижимого имущества и земельного участка под объектами недвижимого имущества, принадлежащих 3. на праве собственности. В приложениях к договорам указан перечень движимого имущества, объектов недвижимого имущества и земельного участка под объектами недвижимого имущества, состоящий из 37 пунктов, движимое имущество обозначено как оборудование, расположенное в объектах недвижимости и на земельном участке.

При этом из установленных судами обстоятельств не следует, что сторона принципала заявляла о необходимости конкретизировать перечень действий, поручаемых агенту.

При таких обстоятельствах вывод суда о признании агентского договора незаключенным является ошибочным.

Кроме того, судами не обсуждался вопрос, какой из сторон были подготовлены проекты агентских договоров. Не высказали судебные инстанции свою позицию и относительно того, предусматривали ли исследуемые договоры совершение агентом также юридических действий, а если нет, то могли ли данные договоры по совершению исключительно фактических действий являться именно агентскими договорами, с учетом того, что по смыслу ст. 1005 ГК РФ фактические действия агента носят вспомогательный характер.

С учетом изложенного вывод суда о том, что стороны не согласовали существенные условия агентских договоров, признан Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ не соответствующим приведенным нормам права, разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ и установленным по делу обстоятельствам.

Определение № 4-КГ22-57-К1

7. При определении начала течения срока исковой давности следует исходить из того, что действия ответчика по признанию долга, которые прерывают течение срока исковой давности, должны быть ясными и недвусмысленными. Уплата обязанным лицом какой-либо суммы, относящейся к предполагаемому долгу, по умолчанию не означает признание им остальной части долга.

А. обратилась в суд с иском к супругам Б.В. и Б.П. о взыскании уплаченного ответчиком аванса, процентов за пользование чужими денежными средствами и возмещении убытков, указав, что 3 августа 2014 г. между ней и Б.В. заключен предварительный договор купли-продажи гаража и земельного участка.

Основной договор купли-продажи по условиям предварительного договора должен быть заключен до 1 мая 2016 г. После подписания предварительного договора купли-продажи указанных объектов истец ежемесячно выплачивала ответчикам сумму, эквивалентную 1000 долларов США, и по состоянию на март 2015 г. выплатила сумму, эквивалентную 8000 долларов США.

Впоследствии истец сообщила ответчикам об отсутствии финансовой возможности выплатить оставшуюся часть цены и попросила вернуть уплаченные ранее денежные средства. Б.В. указала, что переданные денежные средства потрачены, вернуть их она не имеет возможности, и предложила возратить сумму аванса после продажи недвижимости третьему лицу.

8 апреля 2020 г. истцу стало известно, что ответчики продали земельный участок и гараж третьему лицу, однако деньги ей не возвратили.

9 июня 2020 г. истец направила ответчикам претензию о возврате денежных средств.

7 октября 2020 г. ответчики возвратили истцу только часть аванса и возместили расходы истца на устройство канализации.

Разрешая спор, суд первой инстанции, руководствуясь положениями ст.ст. 395, 1102 и 1107 ГК РФ, установив, что 7 октября 2020 г. ответчиками истцу переведено 480 291 руб. с указанием назначения платежа — частичный возврат долга по предварительному договору купли-продажи от 3 августа 2014 г. и компенсация расходов на проект канализации и работы по ее устройству, пришел к выводу о наличии оснований для частичного удовлетворения иска.

Довод ответчиков о пропуске срока исковой давности судом отклонен со ссылкой на то, что при наличии соглашения о возврате аванса после продажи имущества третьему лицу о нарушении своего права истец могла узнать не ранее марта 2020 г. — с момента продажи ответчиками объектов недвижимости третьему лицу.

Судом апелляционной инстанции такие выводы относительно срока исковой давности признаны правильными.

Кассационный суд посчитал выводы судов об исковой давности ошибочными, сославшись на то, что А. является стороной предварительного договора от 3 августа 2014 г., приняла на себя обязательства внести по нему оплату до 1 мая 2016 г. и согласовала условие о заключении основного договора в срок до этой даты, в связи с чем о нарушении своего права должна была знать с 1 мая 2016 г., а в суд с иском обратилась 8 июля 2020 г.

Определив начало течения исковой давности таким образом, кассационный суд общей юрисдикции указал, что уплата ответчиками

7 октября 2020 г. части долга не могла являться основанием для перерыва течения срока исковой давности по другой части долга и другим платежам, требования о взыскании которых заявлены истцом.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, не согласившись с выводами кассационного суда общей юрисдикции о начале течения срока исковой давности по требованиям о возврате уплаченных А. денежных средств, отменила кассационное определение и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Пунктом 1 ст. 450 ГК РФ установлено, что изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон, если иное не предусмотрено данным Кодексом, другими законами или договором.

Исследовав и оценив доказательства, суд первой инстанции установил, что соглашением сторон обязанности по предварительному договору от 3 августа 2014 г. были прекращены, при этом стороны согласовали возврат уплаченных истцом денежных сумм после продажи ответчиками имущества третьим лицам за счет полученных от продажи денежных средств.

Применяя положения п. 1 ст. 200 ГК РФ, суд первой инстанции исчислял срок исковой давности с того момента, когда истцу стало или должно было стать известно о нарушении ответчиками этого соглашения.

Кроме того, из разъяснений, данных в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 43 “О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности”, следует, что течение срока исковой давности прерывается совершением обязанным лицом действий, свидетельствующих о признании долга.

К действиям, свидетельствующим о признании долга, в целях перерыва течения срока исковой давности, в частности, могут относиться: признание претензии; изменение договора уполномоченным лицом, из которого следует, что должник признает наличие долга, равно как и просьба должника о таком изменении договора (например, об отсрочке или о рассрочке платежа); акт сверки взаимных расчетов, подписанный уполномоченным лицом. Ответ на претензию, не содержащий указания на признание долга, сам по себе не свидетельствует о признании долга. Признание части долга, в том числе путем уплаты его части, не свидетельствует о признании долга в целом, если иное не оговорено должником.

Из приведенных положений закона и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что в случае признания ответчиком долга срок исковой давности прерывается и начинает течь заново, поскольку истец, добросовестно полагаясь на такое признание, вправе, не обращаясь в суд, ожидать исполнения ответчиком своих обязанностей.

В силу этого действия ответчика по признанию долга должны быть ясными и недвусмыс-

ленными. Молчание ответчика или его бездействие не могут считаться признанием долга.

Из этого же следует, что уплата ответчиком какой-либо суммы, относящейся к предполагаемому долгу, по умолчанию не означает признание им остальной части долга.

Вместе с тем, уплачивая часть долга, ответчик может заявить об отсутствии у него долговых обязательств в остальной части либо, напротив, совершить действия по признанию и остальной части долга.

Установление факта признания остальной части долга или отсутствия такого признания относится к исследованию и оценке доказательств, а также к установлению фактических обстоятельств дела.

Исследовав и оценив доказательства, в частности объяснения Б., данные ею сотрудникам полиции, а также указание о назначении платежа в размере 480 291 руб. как частичной уплаты долга, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, посчитал факт признания ответчиками остальной части долга установленным.

Данные обстоятельства кассационный суд общей юрисдикции не учел, в связи с чем неправильно применил положения норм материального права об исковой давности и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Определение № 127-КГ23-1-К4

8. Нормы гражданского законодательства о неосновательном обогащении не подлежат применению к регулируемым специальными нормами отношениям между участниками долевой собственности по владению и пользованию земельными участками.

20 апреля 2020 г. П. с соистцами обратились в суд с иском к обществу о взыскании неосновательного обогащения в размере стоимости арендной платы за землю и процентов за пользование чужими денежными средствами, ссылаясь на то, что истцам принадлежат 313/696 доли в праве общей долевой собственности на 28 земельных участков сельскохозяйственного назначения, а ответчику — остальные доли в праве собственности на эти участки. Ответчик длительное время использовал эти земельные участки в своей хозяйственной деятельности, на что истцы согласия не давали, при этом договор аренды сторонами не заключался, плата за землю не вносилась.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции сослался на то, что общество (ответчик), являясь сельскохозяйственной организацией и участником долевой собственности на спорные земельные участки, пользовалось ими в соответствии с разрешенным видом их использования. Также суд исходил из отсутствия доказательств как получения ответчиком прибыли от использования общего имущества, так и несения истцами каких-либо расходов по его содержанию, кроме того, суд указал на то, что соглашение о пользовании земельными участками, находящимися в долевой собственности, сторонами не достигнуто.

Отменяя решение суда первой инстанции и частично удовлетворяя иск, суд апелляционной инстанции пришел к выводам о том, что общество пользовалось земельными участками истцов в отсутствие соответствующего решения общего собрания участников долевой собственности, а потому с ответчика в пользу истцов подлежит взысканию неосновательное обога-

шение в размере арендной платы, определенной экспертным путем.

При этом суд апелляционной инстанции сослался на то, что отсутствие раздела или выделения земельных участков в счет земельных долей не является основанием для безвозмездного пользования ответчиком имуществом истцов. Суд апелляционной инстанции также исходил из того, что при определении размера неосновательного обогащения не учитываются расходы ответчика на содержание общего имущества.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил апелляционное определение без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов апелляционной и кассационной инстанций ошибочными.

Согласно п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 этого же Кодекса.

Между тем по данному делу истцами заявлено требование о взыскании с ответчика неосновательного обогащения, которое определено как доход, полученный последним посредством экономии арендной платы за пользование земельными участками сельскохозяйственного назначения, находящимися в долевой собственности сторон.

Порядок владения и пользования имуществом, находящимся в долевой собственности, урегулирован положениями ст. 247 ГК РФ.

Согласно указанной статье владение и пользование имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляются по соглашению всех ее участников, а при недостижении согласия — в порядке, устанавливаемом судом. Участник долевой собственности имеет право на предоставление в его владение и пользование части общего имущества, соразмерной его доле, а при невозможности этого вправе требовать от других участников, владеющих и пользующихся имуществом, приходящимся на его долю, соответствующей компенсации.

Статьей 248 ГК РФ предусмотрено, что плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в долевой собственности, поступают в состав общего имущества и распределяются между участниками долевой собственности соразмерно их долям, если иное не предусмотрено соглашением между ними.

Кроме того, ст. 249 ГК РФ предусмотрено, что каждый участник долевой собственности обязан соразмерно со своей долей участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по общему имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению.

Правоотношения сторон по владению и пользованию имуществом, находящимся в долевой собственности, прямо урегулированы нормами права, поэтому требования истцов о применении к спорным правоотношениям норм законодательства о неосновательном обогащении не основаны на законе.

Более того, п. 3 ст. 3 ЗК РФ предусмотрено, что имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными

участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами.

Оборот земель сельскохозяйственного назначения регулируется Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения” (п. 6 ст. 27 ЗК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 12 этого Закона к сделкам, совершаемым с долями в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения, применяются правила Гражданского кодекса РФ. В случае, если число участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения превышает пять, правила Гражданского кодекса РФ применяются с учетом особенностей, установленных данной статьей, а также ст.ст. 13 и 14 этого же Закона.

Без выделения земельного участка в счет земельной доли такой участник долевой собственности по своему усмотрению вправе завещать свою земельную долю, отказаться от права собственности на земельную долю, внести ее в уставный (складочный) капитал сельскохозяйственной организации, использующей земельный участок, находящийся в долевой собственности, или передать свою земельную долю в доверительное управление либо продать или подарить ее другому участнику долевой собственности, а также сельскохозяйственной организации или гражданину — члену крестьянского (фермерского) хозяйства, использующим земельный участок, находящийся в долевой собственности. Участник долевой собственности вправе распорядиться земельной долей по своему усмотрению иным образом только после выделения земельного участка в счет земельной доли.

С учетом приведенных выше положений истцы, являясь участниками долевой собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения, не могли самостоятельно распорядиться спорными земельными участками путем передачи их в аренду без выделения соответствующих участков в счет земельных долей. До выделения земельных участков, если иное не предусмотрено соглашением между участниками долевой собственности, истцы имеют право на доходы (прибыль) от использования земли соразмерно их долям.

Таким образом, принадлежность земельных участков к землям сельскохозяйственного назначения предопределяет необходимость применения при разрешении данного спора положений Гражданского кодекса РФ о порядке владения и пользования имуществом, находящимся в общей долевой собственности, а также положений Федерального закона “Об обороте земель сельскохозяйственного назначения”, что судом апелляционной инстанции не учтено.

Кассационный суд общей юрисдикции ошибки суда апелляционной инстанции в применении норм права не устранил.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 37-КГ22-4-К1

9. Сообщение произведения в эфир, переработка и использование произведения в составе сложного объекта являются самостоятельными способами использования результатов интеллектуальной деятельности.

П. и Р. обратились в суд с иском к федеральному телевизионному каналу (далее — телеканал) о запрете совершать действия по неправомерному использованию музыкального произведения, включая текст песни и музыкальное сопровождение, возложении обязанности прекратить неправомерное использование музыкального произведения путем удаления всех материалов, содержащих музыкальное произведение, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, взыскании в пользу каждого истца компенсации и судебной неустойки за каждый день просрочки исполнения обязанности прекратить неправомерное использование данного музыкального произведения.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу, что включение музыкальных произведений в состав телепередачи не является самостоятельным способом их использования. Сообщение музыкальных произведений в эфир в составе телепередачи подразумевает факт включения данных произведений в состав телепередачи, следовательно, разрешение на такое использование предоставляется в соответствии с договором с Российским авторским обществом (далее — РАО). Поскольку между телеканалом (вещатель) и РАО заключен лицензионный договор и спорное произведение из реестра РАО не исключено, то ответчик получил разрешение на его использование.

С учетом того, что ответчик приобрел права на телепередачу как результат интеллектуальной деятельности у общества (лицензиар) на основании лицензионного договора, суд отказал в удовлетворении исковых требований Р., предъявленных к телеканалу, поскольку последний является обладателем исключительных прав на телепередачу, автором (организатором) создания которой он (телеканал) не является, а потому в силу ст. 1240 ГК РФ не относится к субъектам нарушения авторских прав, допущенного при создании сложного объекта.

С такими выводами согласился суд апелляционной инстанции, дополнительно указав, что телеканал вправе получать разрешение на использование спорного музыкального произведения с выплатой вознаграждения через организацию по управлению правами на коллективной основе, получившую государственную аккредитацию на осуществление деятельности в этой сфере коллективного управления.

Кассационный суд общей юрисдикции решение суда и апелляционное определение оставил без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами судебных инстанций не согласилась, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 1270 ГК РФ автору произведения или иному правообладателю принадлежит исключительное право использовать произведение в соответствии со ст. 1229 данного Кодекса в любой форме и любым не противоречащим закону способом (исключительное пра-

во на произведение), в том числе способами, указанными в п. 2 этой статьи. Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на произведение.

В соответствии с п. 1 ст. 1240 ГК РФ лицо, организовавшее создание сложного объекта, включающего несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (кинофильма, иного аудиовизуального произведения, театрально-зрелищного представления, мультимедийного продукта, базы данных), приобретает право использования указанных результатов на основании договоров об отчуждении исключительного права или лицензионных договоров, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав на соответствующие результаты интеллектуальной деятельности.

Лицензионный договор, предусматривающий использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, заключается на весь срок и в отношении всей территории действия соответствующего исключительного права, если договором не предусмотрено иное.

В силу п. 2 ст. 1240 ГК РФ условия лицензионного договора, ограничивающие использование результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, недействительны.

При использовании результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта за автором такого результата сохраняются право авторства и другие личные неимущественные права на такой результат (п. 3 ст. 1240 ГК РФ).

В силу п. 1 ст. 1263 ГК РФ аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеофильмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации.

При публичном исполнении либо сообщении в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, аудиовизуального произведения авторы музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном произведении, сохраняют право на вознаграждение за указанные виды использования их музыкального произведения (п. 3 ст. 1263 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 113 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 “О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации”, возможность организации эфирного или кабельного вещания самостоятельно определять содержание радио- и телепередач (ст. 1329 ГК РФ) подразумевает самостоятельность такой организации в выборе предлагаемых ею программ, но не предполагает права этой организации свободно использовать произведения любым способом (в том числе путем переработки, использования в составе сложного объекта) и в любой форме без согласия правообладателя.

Сообщение произведения в эфир, переработка и использование произведения в составе сложного объекта являются самостоятельными способами использования произведения (ст. 1270 ГК РФ) и требуют получения соответствующего разрешения у правообладателя.

Приведенные правовые нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ предусматривают, что лицо, организовавшее создание сложного объекта (в том числе телепередачи) и (или) распространяющее такой сложный объект, не освобождено от обязанности соблюдения требований ст. 1240 ГК РФ по заключению лицензионных договоров или договоров об отчуждении исключительного права с обладателями исключительного права на все результаты интеллектуальной деятельности, включенные в такой объект (телепередачу), несоблюдение которой является нарушением исключительного права правообладателя и служит основанием для привлечения нарушителя к предусмотренной законом ответственности.

Включение произведения в состав сложного объекта (телепередачи) при его создании предшествует последующему сообщению в эфир этой телепередачи, указанные этапы являются последовательными по отношению друг к другу и представляют собой самостоятельные способы использования результатов интеллектуальной деятельности.

В силу п. 1 ст. 1244 ГК РФ организация по управлению правами на коллективной основе может получить государственную аккредитацию на осуществление деятельности в следующих сферах коллективного управления: 1) управление исключительными правами на обнародованные музыкальные произведения (с текстом или без текста) и отрывки музыкально-драматических произведений в отношении их публичного исполнения, сообщения в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции (подп. 6—8¹ п. 2 ст. 1270 ГК РФ); 2) осуществление прав авторов музыкальных произведений (с текстом или без текста), использованных в аудиовизуальном произведении, на получение вознаграждения за публичное исполнение либо сообщение в эфир или по кабелю, в том числе путем ретрансляции, такого аудиовизуального произведения (п. 3 ст. 1263 ГК РФ).

Между тем при разрешении данного спора суды исходили из того, что имело место не публичное исполнение, сообщение в эфир или по кабелю музыкального произведения, а использование его при создании сложного объекта и последующее сообщение в эфир этого сложного объекта.

При таких обстоятельствах ссылка на положения ст. 1244 ГК РФ и на наличие лицензионного договора между телеканалом и РАО признана Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ ошибочной.

Определение № 5-КГ22-117-К2

10. При разрешении вопроса о снижении размера неустойки на основании ст. 333 ГК РФ суду необходимо учитывать, что неустойка должна стимулировать должника к исполнению обязательства, делая его неисполнение невыгодным для должника, и что для отношений по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств законодателем в целях защиты прав потерпевших специально установлен повышенный размер неустойки.

К. в интересах несовершеннолетнего М. обратилась в суд с иском к Российскому Союзу Автостраховщиков (далее — РСА) о взыскании компенсационной выплаты, неустойки, штрафа и судебных расходов, ссылаясь на то, что 19 мая 2020 г. Н., управляя автомобилем, совершила наезд на пешехода — несовершеннолетнего М. (2014 года рождения), причинив ему тяжкий вред здоровью. Гражданская ответственность причинителя вреда по договору ОСАГО на момент происшествия застрахована не была.

Страховая организация, уполномоченная РСА на осуществление компенсационных выплат, отказала истцу в выплате, ссылаясь на недостаточность представленных документов.

В досудебном порядке требования истца ответчиком добровольно не удовлетворены.

Суд первой инстанции, исследовав и оценив доказательства, признал обращение истца в страховую компанию надлежащим, а отказ в компенсационной выплате незаконным, и взыскал с РСА в пользу К. компенсационную выплату в размере 75 000 руб. и неустойку за период с 16 сентября по 24 ноября 2020 г. в размере 52 500 руб., а также неустойку за период с 25 ноября 2020 г. по дату фактического исполнения решения суда в размере 1% от компенсационной выплаты в 75 000 руб. за каждый день просрочки с учетом взысканной суммы неустойки 52 500 руб.

Кроме того, с РСА в пользу К. взысканы штраф и судебные расходы, а также взыскана государственная пошлина в бюджет городского округа.

Соглашаясь с выводами суда первой инстанции о незаконности отказа в компенсационной выплате и об обязанности ответчика уплатить неустойку по день фактического исполнения решения суда, суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения ст. 333 ГК РФ, ограничил размер подлежащей уплате на будущее время неустойки пределом в 22 500 руб., в связи с чем изменил и размер взысканной с ответчика государственной пошлины.

С определением суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции об ограничении размера неустойки не соответствующими нормам действующего законодательства по следующим основаниям.

По смыслу положений ст. 309, п. 1 ст. 329, п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойка как обеспечение исполнения обязательства должна стимулировать должника к исполнению обязательства, делая его неисполнение невыгодным для него.

Если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку (п. 1 ст. 333 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 58 “О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств”, применение ст. 333 ГК РФ об уменьшении судом неустойки возможно лишь в исключительных случаях, когда подлежащие уплате неустойка, финансовая санкция и штраф

явно несоразмерны последствиям нарушенного обязательства. Уменьшение неустойки, финансовой санкции и штрафа допускается только по заявлению ответчика. В решении должны указываться мотивы, по которым суд пришел к выводу, что уменьшение их размера является допустимым.

На основании подп. “а” ст. 7 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ “Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств” (далее — Закон об ОСАГО) страховая сумма, в пределах которой страховщик при наступлении каждого страхового случая (независимо от их числа в течение срока действия договора обязательного страхования) обязуется возместить потерпевшим причиненный вред, составляет в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, 500 000 руб.

Согласно п. 2 ст. 12 Закона об ОСАГО размер страховой выплаты в части возмещения необходимых расходов на восстановление здоровья потерпевшего определяется в соответствии с нормативами и в порядке, которые установлены Правительством РФ, в зависимости от характера и степени повреждения здоровья потерпевшего в пределах страховой суммы, установленной подп. “а” ст. 7 данного Федерального закона.

В соответствии с п. 1 ст. 19 Закона об ОСАГО рассматривать требования о компенсационных выплатах, осуществлять компенсационные выплаты и реализовывать право требования, предусмотренное ст. 20 указанного Закона, могут страховщики, действующие за счет профессионального объединения страховщиков на основании заключенных с ним договоров.

К отношениям между лицами, указанными в п. 2 ст. 18 Закона об ОСАГО, и профессиональным объединением страховщиков по поводу компенсационных выплат по аналогии применяются правила, установленные законодательством Российской Федерации для отношений между выгодоприобретателем и страховщиком по договору обязательного страхования.

В силу п. 2 ст. 19 Закона об ОСАГО компенсационные выплаты осуществляются в части возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью каждого потерпевшего, в размере не более 500 000 руб. с учетом требований п. 7 ст. 12 данного Закона.

За несоблюдение профессиональным объединением страховщиков срока осуществления компенсационной выплаты п. 4 ст. 19 Закона об ОСАГО установлена неустойка (пени) за каждый день просрочки в размере одного процента от определенного в соответствии с указанным законом размера компенсационной выплаты по виду причиненного вреда. При этом общий размер неустойки (пени), подлежащей выплате профессиональным объединением страховщиков, не может превышать определенный в соответствии с Законом об ОСАГО размер компенсационной выплаты по виду причиненного вреда.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 4 марта 2015 г., разъяснено, что в силу указания, сделанного в п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО, размер неустойки (пени) рассчитывается от установленной ст. 7 Закона об ОСАГО предель-

ной страховой суммы по виду возмещения вреда каждому потерпевшему (вопрос № 2).

В данном случае согласно п. 2 ст. 19 Закона об ОСАГО размер компенсационной выплаты по виду причиненного вреда не может превышать 500 000 руб. Соответственно, предельный размер неустойки за просрочку компенсационных выплат в данном случае составляет также 500 000 руб.

Таким образом, снижая предельный размер неустойки с 500 000 руб. до 75 000 руб. (52 500 руб. + 22 500 руб.), в том числе неустойки на будущее время до 22 500 руб., суд апелляционной инстанции не учел, что данная неустойка специально установлена законодателем в таком размере, а ее предел связан не с суммой компенсационной выплаты по конкретному случаю, а с предельным размером компенсационной выплаты по виду причиненного вреда. При этом суд апелляционной инстанции не привел каких-либо исключительных обстоятельств для снижения неустойки на основании ст. 333 ГК РФ и не привел мотивов, по которым он посчитал установленную законодателем неустойку чрезмерной или неразумной.

Кроме того, из обстоятельств дела следует, что предельная сумма неустойки, определенная судом апелляционной инстанции, соответствует 30 дням просрочки компенсационной выплаты в 75 000 руб. ($75\,000 \times 1\% \times 30$), в то время как с момента вынесения решения суда до вынесения апелляционного определения прошло более пяти месяцев, т.е. суд апелляционной инстанции фактически прекратил взыскание неустойки на будущее время.

Кассационный суд общей юрисдикции допущенные судом апелляционной инстанции нарушения не исправил.

Поскольку судом первой инстанции при принятии решения о взыскании неустойки на будущее время, а также при определении размера государственной пошлины установлены все необходимые обстоятельства дела и не допущено каких-либо существенных нарушений норм материального или процессуального права, а у суда апелляционной инстанции отсутствовали основания для отмены или изменения решения суда в этой части, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное и кассационное определения в данной части, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 58-КГ22-10-К9

Разрешение споров, связанных с защитой нематериальных благ

11. Наличие в высказывании оценочных суждений, выражающих субъективное мнение автора, не исключает содержание в нем утверждений о фактах, по отношению к которым автор высказывает свое мнение и соответствие действительности которых можно проверить.

М. обратилась в суд с иском к А. и обществу о защите чести, достоинства, деловой репутации и компенсации морального вреда, ссылаясь на то, что она работает врачом в городской поликлинике, и 19 июня 2018 г. в 13 час. 16 мин. в сети “Интернет” на сайте <https://prodoctorov.ru>, принадлежавшем ответчику, был размещен анонимный негативный отзыв об истце как о враче. 2 октября 2018 г. А. пришла на прием и лично сообщила, что данный отзыв написала она. Истец просила при-

знать распространенные в отношении ее сведения не соответствующими действительности, порочащими ее честь, достоинство и деловую репутацию, обязать А. опровергнуть данные сведения, а общество удалить эти сведения с сайта, также просила взыскать компенсацию морального вреда с А. в размере 150 000 руб., с общества — 3 000 000 руб.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции сослался на то, что содержащиеся в тексте отзыва высказывания представляют собой субъективное мнение пациента, которое сформировалось под влиянием несогласия с осуществляемой М. деятельностью врача и качеством оказанных медицинских услуг. Кроме того, суд указал, что истцом не представлено доказательств, подтверждающих распространение этих сведений А.

С выводами суда первой инстанции согласился суд апелляционной инстанции, который также исходил из того, что негативная информация в отзыве выражена в форме субъективных суждений (мнения-оценки автора отзыва), при этом указал, что эмоциональная составляющая мнения автора не влияет на оценку размещенных на сайте сведений, поскольку они могут быть как положительными, так и отрицательными.

Суд апелляционной инстанции указал, что истец правом на проведение лингвистической экспертизы на предмет установления характера спорных сведений, а также оценки их восприятия не воспользовалась.

С выводами судов первой и апелляционной инстанций согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, руководствуясь положениями ч. 3 ст. 17, ч. 1 ст. 23, ч. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации, а также п. 1 ст. 150, пп. 5 и 8 ст. 152 ГК РФ, ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, правовыми позициями Конституционного Суда РФ, содержащимися в Постановлениях от 25 мая 2021 г. № 22-П, от 9 июля 2013 г. № 18-П, разъяснениями, данными в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 “О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц”, указала следующее.

При рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации одним из юридически значимых обстоятельств, подлежащих установлению, является характер распространенной информации, т.е. установление того, является ли эта информация утверждением о фактах либо оценочным суждением, мнением, убеждением.

При этом наличие в каком-либо высказывании субъективной оценки само по себе не исключает присутствия в нем утверждений о факте. Так, выражение негативного отношения к нарушению другим лицом закона, к совершению им нечестного поступка, к нарушению деловой этики и т.д. может не исключать, а, напротив, содержать утверждение о том факте, по отношению к которому высказывается мнение.

Однако при рассмотрении дела это судами учтено не было.

Из обжалуемых судебных постановлений следует, что согласно размещенному на сайте общества отзыву врач М. отказывалась принимать пациента, заявляла о том, что ее рабочее время закончилось, испортила (“запоролла”) больничный лист, указав ошибочную дату его закрытия, а также назначила пациенту лекарства вопреки информации о наличии у пациента аллергии. В отзыве также указывается, что истец во время приема вела себя неэтично по отношению к пациенту, нарушала деловую этику.

Отказывая в удовлетворении требований о признании данной информации не соответствующей действительности, суды первой и апелляционной инстанций указали, что перечисленные в отзыве высказывания являются эмоциональным выражением субъективного мнения пациента о враче и об оказанной им медицинской помощи.

При этом суды не дали оценки тому, могут ли содержащиеся в исследуемом отзыве высказывания, в том числе о нарушении истцом графика приема пациентов, о неправильном оформлении листа нетрудоспособности, о назначении лекарств вопреки представленным пациентом сведениям об аллергии, о нарушении врачебной этики, быть проверены на предмет соответствия действительности.

Вместо этого, отказывая в иске, суд первой инстанции сослался только на то, что оспариваемые фразы не подлежат проверке на соответствие действительности, поскольку являются субъективным мнением пациента о враче М., а суд апелляционной инстанции указал также на отсутствие доказательств, которые могли бы послужить основанием для удовлетворения иска, и на то, что истец не воспользовался правом на заявление ходатайства о проведении судебной лингвистической экспертизы.

Судебная коллегия также отметила, что по смыслу ст. 79 ГПК РФ при возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в области оценочной деятельности, суд назначает экспертизу по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по своей инициативе. Если при рассмотрении дела возникли вопросы, для разъяснения которых требуются специальные знания, и согласно положениям Гражданского процессуального кодекса РФ экспертиза не может быть назначена по инициативе суда, то при отсутствии ходатайства или согласия на назначение экспертизы со стороны лиц, участвующих в деле, суд разъясняет им возможные последствия непроведения экспертизы.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные о том, что в ходе рассмотрения дела М. разъяснялось ее право заявить ходатайство о проведении лингвистической экспертизы, а равно не имеется данных и о том, что судом по собственной инициативе с учетом положений ст.ст. 56, 57, 79 ГПК РФ ставился на обсуждение сторон спора вопрос о назначении такой экспертизы и обсуждался ли вопрос об истребовании дополнительных доказательств с учетом предусмотренного законодательством об охране здоровья особого порядка предоставления сведений, содержащих врачебную тайну, исключающего возможность самостоятельного получения их сторонами.

Определение № 5-КГ22-147-К2

Разрешение споров, связанных с социальными, трудовыми и пенсионными отношениями

12. Инвалиды боевых действий (инвалиды войны), нуждающиеся в улучшении жилищных условий и вставшие на учет до 1 января 2005 г., имеют право на получение за счет средств федерального бюджета безвозмездной субсидии на приобретение жилья в рамках специального правового регулирования, предусмотренного Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ “О ветеранах”. Расчет размера безвозмездной субсидии на приобретение жилья с учетом членов семьи указанной категории граждан в рамках специального правового регулирования не предусмотрен.

Г. 28 июня 2021 г. обратился в суд с иском к министерству труда и социального развития субъекта Российской Федерации о перерасчете размера безвозмездной субсидии на приобретение жилья, ссылаясь на то, что 30 марта 2021 г. ответчиком Г. как инвалиду боевых действий в Афганистане выдано свидетельство о предоставлении безвозмездной субсидии на приобретение жилья в размере 571 932 руб.

По мнению Г., ответчиком был неверно определен размер безвозмездной субсидии на приобретение жилья исходя из общей площади жилого помещения только на Г. (18 кв.м) без учета совместно проживающих с ним пятерых членов семьи (супруги и детей — 1987, 1994, 1996 и 1997 годов рождения), которые вместе с Г. 1 апреля 1998 г. были поставлены местной администрацией на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий ввиду отсутствия собственного жилья, и они, так же как и Г., имеют право на обеспечение жильем за счет средств федерального бюджета.

Разрешая спор и принимая решение об удовлетворении исковых требований Г. о перерасчете размера безвозмездной субсидии, выделенной на приобретение жилья, суд первой инстанции исходил из того, что, поскольку супруга и четверо сыновей Г. администрацией муниципального образования субъекта Российской Федерации были в установленном порядке признаны нуждающимися в улучшении жилищных условий и до 1 января 2005 г. поставлены на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий в качестве членов семьи Г., ответчиком допущено нарушение прав Г. при выделении ему денежных средств на приобретение жилья в форме безвозмездной субсидии без учета членов семьи.

При этом суд первой инстанции полагал, что при разрешении вопроса о праве Г. на получение безвозмездной субсидии на приобретение жилья с учетом членов его семьи подлежат применению статьи, регламентирующие порядок принятия на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставления указанной категории граждан жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда по договору социального найма.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления и направляя дело

на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указала на неправильное толкование и применение судами норм права, регулирующих спорные отношения.

Правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации установлены Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ “О ветеранах” (далее также — Закон “О ветеранах”).

Подпунктом 2 ст. 4 Закона “О ветеранах” к инвалидам Великой Отечественной войны и инвалидам боевых действий (далее также — инвалиды войны) отнесены военнослужащие, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных при защите Отечества или исполнении обязанностей военной службы на фронте, в районах боевых действий в периоды, указанные в данном Законе.

Подпунктом 4 п. 1 ст. 14 Закона “О ветеранах” предусмотрено, что такая мера социальной поддержки, как обеспечение за счет средств федерального бюджета жильем, предоставляется инвалидам боевых действий, нуждающимся в улучшении жилищных условий и вставшим на учет до 1 января 2005 г., которое осуществляется в соответствии с положениями ст. 23² данного Закона. Инвалиды боевых действий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 1 ст. 23² Закона “О ветеранах” Российская Федерация передает для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации в том числе полномочия по обеспечению жильем в соответствии со ст.ст. 14, 16 и 21 этого Закона категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и вставших на учет до 1 января 2005 г.

Средства на реализацию передаваемых органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий по предоставлению мер социальной поддержки такой категории граждан, как инвалиды боевых действий, предусматриваются в федеральном бюджете в виде субвенций. Объем субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации по обеспечению жильем инвалидов боевых действий определяется исходя из числа лиц, имеющих право на указанные меры социальной поддержки, общей площади жилья 18 кв.м и средней рыночной стоимости 1 кв.м общей площади жилья по субъекту Российской Федерации, устанавливаемой федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ. Субвенции зачисляются в установленном для исполнения федерального бюджета порядке на счета бюджетов субъектов Российской Федерации. Порядок расходования и учета средств на предоставление субвенций устанавливается Правительством РФ (приведенное правовое регулирование следует из п. 2, подп. 3 п. 3, пп. 4, 5 ст. 23² Закона “О ветеранах”).

Форма предоставления мер социальной поддержки по обеспечению жильем в соответствии со ст.ст. 14, 16 и 21 Закона “О ветеранах” категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и вставших на учет до 1 января 2005 г., в том числе инвалидов боевых действий, в силу положений п. 6 ст. 23² данного За-

кона определяется нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации.

Предоставление субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации в целях реализации мер социальной поддержки по обеспечению жильем в соответствии с федеральными законами “О ветеранах” и “О социальной защите инвалидов в Российской Федерации” граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, вставших на учет до 1 января 2005 г., а также вставших на учет ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, членов семей погибших (умерших) инвалидов и участников Великой Отечественной войны осуществляется в порядке, определенном Правилами предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, утвержденными постановлением Правительства РФ от 15 октября 2005 г. № 614 (п. 1 данных Правил).

Законодательством субъекта Российской Федерации, где проживает и поставлен на регистрационный учет администрацией муниципального образования Г., установлено, что формой предоставления меры социальной поддержки по обеспечению жильем нуждающихся в улучшении жилищных условий и вставших на учет до 1 января 2005 г. инвалидов боевых действий является предоставление им безвозмездной субсидии на приобретение жилья.

Исходя из подлежащего применению правового регулирования мера социальной поддержки по обеспечению жильем за счет средств федерального бюджета в форме безвозмездной субсидии на приобретение жилья предоставляется инвалидам боевых действий (инвалидам войны), нуждающимся в улучшении жилищных условий и вставшим на учет до 1 января 2005 г. В целях реализации мер социальной поддержки по обеспечению жильем указанной категории граждан из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации предоставляются субвенции на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации. Субъектами Российской Федерации данные полномочия реализуются в пределах поступивших из федерального бюджета денежных средств, размер которых определен исходя из числа лиц, имеющих право на меры социальной поддержки, общей площади жилья 18 кв.м и средней рыночной стоимости 1 кв.м общей площади жилья по субъекту Российской Федерации, устанавливаемой федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным Правительством РФ (Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации). Инвалиды боевых действий, вставшие на учет после 1 января 2005 г., обеспечиваются жильем в соответствии с жилищным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, в соответствии с Законом “О ветеранах”, Правилами предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, утвержденными постановлением Правитель-

ства РФ от 15 октября 2005 г. № 614, право на получение за счет средств федерального бюджета меры социальной поддержки в форме безвозмездной субсидии на приобретение жилья имеют инвалиды боевых действий (инвалиды войны), нуждающиеся в улучшении жилищных условий и вставшие на учет до 1 января 2005 г. Расчет размера безвозмездной субсидии на приобретение жилья с учетом членов семьи указанной категории граждан названными нормативными правовыми актами не предусмотрен.

Судами не принято во внимание, что мера социальной поддержки по обеспечению жильем за счет средств федерального бюджета предоставлена Г. не на общих основаниях в соответствии с жилищным законодательством, а в форме безвозмездной субсидии на приобретение жилья как нуждающемуся в улучшении жилищных условий и вставшему на учет до 1 января 2005 г. инвалиду боевых действий в рамках реализации им права на обеспечение жильем, закрепленного Законом “О ветеранах”, т.е. в рамках специального правового регулирования. Следовательно, при решении вопроса о порядке, условиях и размере предоставления Г. безвозмездной субсидии на приобретение жилья применению подлежали нормы указанного Закона, которыми при обеспечении жильем инвалида боевых действий в такой форме учет членов его семьи не предусмотрен.

Судебная коллегия также обратила внимание на то, что в нарушение положений абз. 2 ч. 3 ст. 40 ГПК РФ и разъяснений, изложенных в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 “О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству”, судом первой инстанции не был разрешен вопрос о привлечении к участию в деле в качестве соответчика Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, которое в соответствии с Положением о Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1038, и Правилами предоставления субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию передаваемых полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, является главным распорядителем и получателем средств федерального бюджета, предусмотренных на реализацию переданных субъектам Российской Федерации полномочий по обеспечению жильем ветеранов, инвалидов и семей, имеющих детей-инвалидов, а также органом, на который возложена функция по контролю за реализацией субъектами Российской Федерации переданных полномочий Российской Федерации по обеспечению жильем указанной категории граждан.

При таких обстоятельствах вывод судебных инстанций о возложении на министерство труда и социального развития субъекта Российской Федерации обязанности произвести перерасчет размера безвозмездной субсидии, выделенной Г. на приобретение жилья, признан Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и

сделан с существенным нарушением норм процессуального права, в связи с чем не может быть признан соответствующим закону.

Определение № 20-КГ22-20-К5

13. Положения ч. 6 ст. 43 Федерального закона “О полиции”, предусматривающие возможность взыскания с виновных лиц в порядке регресса сумм ежемесячной денежной компенсации, выплаченных сотруднику территориальным органом МВД России, не подлежат применению в случае, если вред здоровью сотрудника, приведший впоследствии к его увольнению со службы, установлению инвалидности вследствие военной травмы, исключившей возможность дальнейшего прохождения им службы в полиции, был причинен в период действия Закона РФ “О милиции”.

Территориальный орган МВД России 4 июня 2020 г. обратился в суд с иском к А. о взыскании в порядке регресса сумм ежемесячной денежной компенсации в размере 282 613 руб., выплаченных сотруднику К. за период с 29 марта 2019 г. по 30 июня 2020 г.

В обоснование исковых требований истец указывал, что 7 ноября 2008 г. А. причинил вред здоровью сотруднику милиции К., находившемуся при исполнении своих должностных обязанностей.

Вступившим в законную силу приговором суда от 19 августа 2009 г. А. признан виновным в причинении вреда здоровью сотруднику милиции К.

К. уволен из органов внутренних дел с 18 января 2019 г. по п. 1 ч. 3 ст. 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ “О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (в связи с болезнью — на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел).

В связи с увольнением по болезни, установлением инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы, К. территориальным органом МВД России выплачивается ежемесячная денежная компенсация на основании ч. 6 ст. 43 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ “О полиции”.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования территориального органа МВД России о взыскании с А. в порядке регресса сумм ежемесячной денежной компенсации, выплаченных К., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что имеются необходимые условия для возложения на А., причинившего вред сотруднику милиции К., обязанности по данному требованию, а именно: выплата территориальным органом МВД России К. ежемесячных сумм в счет возмещения вреда здоровью, противоправность деяния А., причинная связь между противоправным деянием А. и наступлением вреда, причиненного К. при исполнении служебных обязанностей, вина А. в причинении вреда К.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции правильными.

Суды первой и апелляционной инстанций отклонили доводы А., приведенные в возражениях на иск и в апелляционной жалобе, о том, что ч. 4 ст. 29 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-I “О милиции”, действовавшего на момент причинения вреда здоровью сотруднику милиции К. (7 ноября 2008 г.), не предусматри-

вала возможность последующего взыскания суммы выплаченной сотруднику милиции ежемесячной денежной компенсации с виновных лиц. По мнению судебных инстанций, поскольку К. был признан негодным к службе и уволен со службы в органах внутренних дел 18 января 2019 г. в период действия Федерального закона “О полиции”, в соответствии с которым ему и производились выплаты в целях возмещения вреда, причиненного в связи с выполнением служебных обязанностей, и после того, как Закон РФ “О милиции” утратил силу с 1 марта 2011 г. в связи с принятием Федерального закона “О полиции”, имеются основания для взыскания с виновного лица А. выплаченной К. суммы ежемесячной денежной компенсации на основании ч. 6 ст. 43 Федерального закона “О полиции”.

Кассационный суд общей юрисдикции, соглашаясь с выводами судебных инстанций, сослался на положения ст.ст. 1064, 1081, 1084 ГК РФ и оставил без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установив нарушения ими норм материального и процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала, что выводы кассационного суда общей юрисдикции основаны на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения, а также сделаны с существенным нарушением норм процессуального права ввиду следующего.

Оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций и делая вывод о правильном применении судами норм материального и процессуального права, кассационный суд общей юрисдикции не рассмотрел довод кассационной жалобы А. о том, что судами первой и апелляционной инстанций не был применен к спорным отношениям закон, подлежащий применению, — Закон РФ “О милиции”, действовавший на дату совершения А. противоправного деяния в отношении сотрудника милиции К. (7 ноября 2008 г.), а применен закон, не подлежащий применению, — Федеральный закон “О полиции”, вступивший в силу с 1 марта 2011 г.

Часть 3 ст. 29 Закона РФ “О милиции”, действовавшего до 1 марта 2011 г., предусматривала, что при получении сотрудником милиции в связи с осуществлением служебной деятельности телесных повреждений, исключаящих для него возможность дальнейшего прохождения службы, ему выплачивается единовременное пособие в размере пятилетнего денежного содержания из средств соответствующего бюджета с последующим взысканием этой суммы с виновных лиц.

В случае причинения увечья или иного повреждения здоровья сотруднику милиции в связи с осуществлением им служебной деятельности денежная компенсация в размере, превышающем сумму назначенной пенсии по указанному в ст. 29 основаниям, выплачивается за счет средств соответствующего бюджета либо средств организаций, заключивших с милицией договоры (ч. 4 ст. 29 Закона РФ “О милиции”).

Из содержания положений ст. 29 Закона РФ “О милиции” следует, что ее ч. 4 не было предусмотрено последующего взыскания выплаченной сотруднику милиции суммы денежной компенсации с виновных лиц. Такая возмож-

ность устанавливалась ч. 3 данной статьи, однако эта норма касалась только взыскания с виновных лиц выплаченного сотруднику милиции единовременного пособия и предполагала наличие причинно-следственной связи между виновными действиями лица, направленными на причинение вреда сотруднику милиции при осуществлении им служебной деятельности, и невозможностью в связи с этим дальнейшего прохождения данным сотрудником службы в милиции.

С 1 марта 2011 г. введен в действие Федеральный закон “О полиции”, согласно ч. 6 ст. 43 которого при установлении гражданину Российской Федерации, уволенному со службы в полиции, инвалидности вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в полиции, ему выплачивается ежемесячная денежная компенсация с последующим взысканием выплаченных сумм указанной компенсации с виновных лиц в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Размер ежемесячной денежной компенсации исчисляется исходя из размера оклада месячного денежного содержания и размера ежемесячной надбавки к окладу месячного денежного содержания за стаж службы (выслугу лет), принимаемых для исчисления пенсий, с применением следующих коэффициентов: 1) в отношении инвалида I группы — 1; 2) в отношении инвалида II группы — 0,5; 3) в отношении инвалида III группы — 0,3.

Действие приведенной нормы в силу ч. 2 ст. 56 Федерального закона “О полиции” распространяется на сотрудников органов внутренних дел, не являющихся сотрудниками полиции.

Таким образом, ч. 6 ст. 43 Федерального закона “О полиции” установлено последующее взыскание с виновных лиц выплаченных в пользу сотрудника полиции сумм ежемесячной денежной компенсации в отличие от не предусматривавшей такой возможности ранее действовавшей нормы ч. 4 ст. 29 Закона РФ “О милиции”, в соответствии с которой выплата денежной компенсации сотруднику милиции производилась за счет средств соответствующего бюджета либо средств организаций, заключивших с милицией договоры.

Часть 1 ст. 54 Конституции Российской Федерации провозглашает, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Статьей 4 ГК РФ, закрепляющей общий принцип действия гражданского законодательства во времени, определено, что акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

По отношениям, возникшим до введения в действие акта гражданского законодательства, он применяется к правам и обязанностям, возникшим после введения его в действие.

Исходя из приведенных нормативных положений во взаимосвязи с правовой позицией Конституционного Суда РФ (в частности, выраженной в п. 5 Постановления от 21 января 2010 г. № 1-П) общим принципом существова-

ния закона во времени является его действие на будущее время, придание закону обратной силы относится к исключительному праву законодателя, при этом недопустимо придание обратной силы нормам, ухудшающим положение лиц, на которых распространяется их действие.

Федеральный закон “О полиции” не содержит положений о распространении действия его норм в части взыскания с виновных лиц выплаченных в пользу сотрудника полиции сумм ежемесячной денежной компенсации на отношения, возникшие до введения в действие данного Закона (1 марта 2011 г.), т.е. законодателем не придана обратная сила нормам этого Закона, устанавливающим последующее взыскание с виновных лиц выплаченных органом внутренних дел сумм ежемесячной денежной компенсации сотруднику полиции, уволенному со службы вследствие военной травмы, полученной в связи с выполнением своих служебных обязанностей и исключившей возможность дальнейшего прохождения службы в полиции.

Поскольку А. причинен вред участковому уполномоченному отдела внутренних дел К. при исполнении служебных обязанностей 7 ноября 2008 г., т.е. в период действия Закона РФ “О милиции”, ч. 4 ст. 29 которого не предусматривала последующее взыскание с виновных лиц сумм ежемесячной денежной компенсации, выплаченных органом внутренних дел сотруднику милиции, а в ч. 6 ст. 43 Федерального закона “О полиции” установлена такая ответственность виновных лиц за причинение вреда сотруднику полиции, то исходя из конституционного принципа недопустимости придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность, ч. 6 ст. 43 Федерального закона “О полиции” не подлежала применению к спорным отношениям, возникшим в момент причинения вреда сотруднику милиции — 7 ноября 2008 г.

При таких обстоятельствах вывод кассационного суда общей юрисдикции о том, что судами первой и апелляционной инстанций были правильно применены к спорным отношениям нормы материального права, сделан без учета нормативных положений, определяющих действие закона во времени.

Судебная коллегия признала ошибочной ссылку кассационного суда общей юрисдикции, согласившегося с выводами судов первой и апелляционной инстанций о наличии оснований для возложения на А. ответственности по требованию о взыскании в пользу территориального органа МВД России в порядке регресса выплаченных К. ежемесячных сумм в счет возмещения вреда здоровью, только на нормы Гражданского кодекса РФ, так как в данном случае к спорным отношениям положения ст.ст. 1064 (общие основания ответственности за причинение вреда), 1081 (право регресса к лицу, причинившему вред), 1084 (возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных либо иных обязательств) ГК РФ следовало применять во взаимосвязи с нормами специального законодательства — нормами Закона РФ “О милиции” и Федерального закона “О полиции”, что кассационным судом общей юрисдикции сделано не было.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от-

менила судебное постановление кассационного суда общей юрисдикции и направила дело на новое кассационное рассмотрение.

Определение № 18-КГ22-168-К4

14. Если стороны срочного трудового договора к моменту окончания срока его действия не выразили намерения прекратить трудовые отношения и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, такой трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок.

Г. 22 января 2021 г. обратился в суд с иском к акционерному обществу “Первый канал” (далее также — общество, работодатель) о признании срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок, признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, об оплате за время вынужденного прогула, о компенсации морального вреда.

В обоснование исковых требований Г. указал, что 19 ноября 2018 г. между ним и обществом был заключен трудовой договор, по условиям которого Г. принят на работу в дирекцию программ на должность первого выпускающего отдела эфира. В связи с творческим характером выполняемой работы трудовой договор был заключен на срок с 19 ноября по 31 декабря 2018 г. После 31 декабря 2018 г. работодателем составлялись дополнительные соглашения к данному трудовому договору, касающиеся определения срока его действия. Дополнительным соглашением от 1 января 2019 г. срок трудового договора установлен с 19 ноября 2018 г. по 31 декабря 2019 г., дополнительным соглашением от 1 января 2020 г. срок трудового договора установлен с 19 ноября 2018 г. по 31 декабря 2020 г.

Приказом генерального директора общества от 30 декабря 2020 г. Г. уволен с работы 31 декабря 2020 г. на основании п. 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (в связи с истечением срока трудового договора).

По мнению Г., его увольнение по данному основанию является неправомерным, поскольку условие о срочном характере трудового договора, заключенного между ним и обществом 19 ноября 2018 г., с 1 января 2019 г. утратило силу, так как после истечения срока действия этого трудового договора (31 декабря 2018 г.) он не был прекращен и Г. продолжил работу в той же должности, в том же структурном подразделении общества, а дополнительные соглашения, устанавливающие новый срок окончания трудового договора, оформлены работодателем и подписаны Г. уже после того, как закончился первоначальный срок его действия, в связи с чем трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок.

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований Г. о признании срочного трудового договора заключенным на неопределенный срок, признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, об оплате за время вынужденного прогула, о компенсации морального вреда, суд первой инстанции исходил из того, что занимаемая Г. должность отнесена к должностям творческих работников, с которыми может быть заключен срочный трудовой договор по соглашению сторон, установленные законом условия для признания срочного трудового договора с Г. заключенным на неопределенный срок отсутствуют, а потому не имеется оснований для признания незаконным увольнения Г. по п. 2

ч. 1 ст. 77 ТК РФ в связи с истечением срока трудового договора.

Суд первой инстанции также указал на то, что поскольку работодатель своевременно потребовал расторжения срочного трудового договора, то условие о срочном характере трудового договора не утратило силу. Суд первой инстанции не установил нарушения работодателем требований ст. 58 ТК РФ (срок трудового договора) при составлении дополнительных соглашений к трудовому договору об изменении срока его окончания, отметив, что Г. в момент заключения дополнительных соглашений знал о срочном характере его трудовых отношений с обществом.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Кассационный суд общей юрисдикции оставил судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделанными с существенным нарушением норм материального и процессуального права, и они выразились в следующем.

Трудовые договоры могут заключаться как на неопределенный срок, так и на определенный срок не более пяти лет (срочный трудовой договор), если иной срок не установлен Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами (ч. 1 ст. 58 ТК РФ).

Срочный трудовой договор заключается, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, а именно в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 59 ТК РФ. В случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 59 данного Кодекса, срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон трудового договора без учета характера предстоящей работы и условий ее выполнения (ч. 2 ст. 58 ТК РФ).

Если в трудовом договоре не оговорен срок его действия, то договор считается заключенным на неопределенный срок (ч. 3 ст. 58 ТК РФ).

В случае, когда ни одна из сторон не потребовала расторжения срочного трудового договора в связи с истечением срока его действия и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, условие о срочном характере трудового договора утрачивает силу и трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок (ч. 4 ст. 58 ТК РФ).

В ч. 2 ст. 59 ТК РФ закреплена перечень случаев, когда срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон. Среди них — возможность заключения срочного трудового договора по соглашению сторон с творческими работниками средств массовой информации, организаций кинематографии, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иными лицами, участвующими в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений, в соответствии с перечнями работ, профессий, должностей этих работников, утверждаемыми Правительством РФ с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (абз. 7 ч. 2 ст. 59 ТК РФ).

Пунктом 2 ч. 1 ст. 77 ТК РФ предусмотрено, что истечение срока трудового договора (ст. 79 данного Кодекса), за исключением случаев, когда трудовые отношения фактически продолжают и ни одна из сторон не потребовала их прекращения, является основанием для прекращения трудового договора.

В силу ч. 1 ст. 79 ТК РФ срочный трудовой договор прекращается с истечением срока его действия. О прекращении трудового договора в связи с истечением срока его действия работник должен быть предупрежден в письменной форме не менее чем за три календарных дня до увольнения, за исключением случаев, когда истекает срок действия срочного трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей отсутствующего работника.

Из приведенных нормативных положений Трудового кодекса РФ следует, что, по общему правилу, срочные трудовые договоры могут заключаться только в случаях, когда трудовые отношения с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения не могут быть установлены на неопределенный срок, а также в других случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами. Трудовым кодексом РФ предусмотрены случаи, когда срочный трудовой договор может заключаться по соглашению сторон, в частности, по соглашению сторон срочный трудовой договор может заключаться с творческими работниками средств массовой информации.

Истечение срока трудового договора относится к числу оснований для прекращения трудовых отношений. При этом по смыслу положений ст. 79 ТК РФ одного факта истечения срока действия трудового договора недостаточно для прекращения действия трудового договора, этот факт должен быть дополнен соответствующим волеизъявлением либо работника, либо работодателя. Если прекращение трудового договора вызвано волеизъявлением работодателя, работодатель обязан предупредить работника в письменной форме о расторжении трудового договора в связи с истечением срока его действия не менее чем за три календарных дня до увольнения (за исключением случаев, когда истекает срок действия срочного трудового договора, заключенного на время выполнения обязанностей отсутствующего работника). Однако в тех случаях, когда срок трудового договора истек, но ни одна сторона этого договора — ни работник, ни работодатель — не потребовала его расторжения, а работник продолжает выполнять трудовые функции по трудовому договору и после истечения установленного в трудовом договоре срока, условие о срочном характере трудового договора утрачивает силу, трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок и последующее его прекращение возможно лишь на общих основаниях. То есть работодатель не вправе расторгнуть с работником трудовой договор в связи с истечением его срока в случае, если он не выразил своего желания прекратить трудовые отношения с работником до истечения срока трудового договора, а работник продолжает работу и после истечения срока трудового договора.

Нормативные положения Трудового кодекса РФ об условиях прекращения трудового договора, заключенного между работником и работодателем на определенный срок по соглашению сторон, а также об обстоятельствах, при

которых условие о срочном характере трудовых отношений утрачивает силу и трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок, судами первой и апелляционной инстанций к спорным отношениям применены неправильно, вследствие чего их вывод об отсутствии установленных законом условий для признания срочного трудового договора с Г. заключенным на неопределенный срок противоречит этим положениям.

Суды первой и апелляционной инстанций, сославшись в обоснование такого вывода на то, что работодателем не нарушены требования ст. 58 ТК РФ (срок трудового договора) при составлении дополнительных соглашений к трудовому договору об изменении срока его окончания, а Г. в момент заключения дополнительных соглашений знал о срочном характере его трудовых отношений с обществом, не учли, что срок действия трудового договора, заключенного 19 ноября 2018 г. работодателем с Г., истек 31 декабря 2018 г., до этой даты стороны трудового договора (Г. и общество) не потребовали его расторжения, Г. продолжил исполнять свои трудовые обязанности по должности первого выпускающего, дополнительные соглашения к трудовому договору от 19 ноября 2018 г. были заключены сторонами (Г. и обществом) 1 января 2019 г. и 1 января 2020 г., т.е. за пределами срока действия трудового договора от 19 ноября 2018 г.

Суды первой и апелляционной инстанций не приняли во внимание нормативные предписания ч. 4 ст. 58 ТК РФ, по смыслу которых, если стороны к моменту окончания срока действия трудового договора не выразили намерения прекратить трудовые отношения и работник продолжает работу после истечения срока действия трудового договора, такой трудовой договор считается заключенным на неопределенный срок с момента его заключения. Изменение срока действия трудового договора в этом случае возможно только при его расторжении (прекращении) и заключении сторонами нового трудового договора с установлением срока его действия в порядке ст.ст. 58, 59 ТК РФ.

На данные обстоятельства, а именно на то, что Г. в письменной форме не менее чем за три календарных дня не был предупрежден работодателем о прекращении заключенного с ним 19 ноября 2018 г. трудового договора в связи с истечением 31 декабря 2018 г. срока его действия и после указанной даты он продолжил исполнение трудовых обязанностей по занимаемой должности, в связи с чем полагал, что трудовой договор от 19 ноября 2018 г. считается заключенным на неопределенный срок, Г. указывал в исковом заявлении, в судебном заседании суда первой инстанции, а также при рассмотрении его апелляционной жалобы судом апелляционной инстанции.

Однако этим доводам Г. и приводимым в их обоснование обстоятельствам и доказательствам суды первой и апелляционной инстанций в нарушение норм ст.ст. 56, 67, 196 ГПК РФ (о доказательствах и доказывании, об оценке доказательств) надлежащей правовой оценки не дали.

Кассационный суд общей юрисдикции, проверяя по кассационной жалобе Г. законность решения суда первой инстанции и апелляционного определения суда апелляционной

инстанции, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования ст. 379⁶ и чч. 1—3 ст. 379⁷ ГПК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, направив дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 5-КГ22-131-К2

15. Решение работодателя о невозможности выполнения работником трудовой функции по занимаемой им должности и о его последующем увольнении при отказе работника от перевода на другую работу, необходимого ему по состоянию здоровья, принимается по результатам проводимой в специализированной медицинской организации экспертизы профессиональной пригодности работника к выполнению отдельных видов работ, зафиксированным в медицинском заключении установленной формы.

Д. 25 сентября 2020 г. обратилась в суд с иском к медицинской организации (работодателю) о восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда. В обоснование иска Д. указала, что с 5 ноября 2001 г. она состояла в трудовых отношениях с ответчиком в должности врача-стоматолога-терапевта. 20 марта 2020 г. бюро медико-социальной экспертизы (далее — МСЭ) Д. была установлена II группа инвалидности по причине общего заболевания на срок до 1 апреля 2021 г., для Д. разработана индивидуальная программа реабилитации инвалида.

Приказом от 16 сентября 2020 г. на основании ст. 76 ТК РФ, справки об установлении Д. инвалидности и индивидуальной программы реабилитации инвалида Д. была отстранена работодателем от выполнения трудовых обязанностей.

16 сентября 2020 г. работодатель ознакомил Д. с перечнем вакантных должностей, не противопоказанных ей для работы по состоянию здоровья (оператор ЭВМ, уборщик служебных помещений в различных структурных подразделениях, дворник, машинист по стирке и ремонту спецодежды), согласия на замещение которых Д. не выразила.

16 сентября 2020 г. работодателем издан приказ об увольнении Д. с занимаемой должности по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (в связи с отказом работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением).

Д. полагала отстранение от работы и увольнение незаконными, поскольку справка об установлении ей инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида не являются документами, подтверждающими ее профессиональную непригодность для работы в должности врача-стоматолога-терапевта, на медицинскую экспертизу по вопросу о пригодности к выполнению работы по должности врача-стоматолога-терапевта работодатель ее не направил.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования Д. о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе, суд первой инстанции с учетом положений ст.ст. 73, 77, 212 ТК РФ, ст.ст. 58, 63 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”, а также Порядка проведения экспертизы

профессиональной пригодности и формы медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ, утвержденных приказом Минздрава России от 5 мая 2016 г. № 282н, исходил из того, что основанием для увольнения работника по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ может являться только медицинское заключение о непригодности работника к выполнению отдельных видов работ. Поскольку справка об инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида, выданные Д. 20 марта 2020 г., не содержат выводов о профессиональной непригодности Д. по занимаемой должности, в них приведены лишь противопоказания к работе при определенных условиях, а доказательств, подтверждающих наличие медицинского заключения врачебной комиссии о пригодности или непригодности истца к выполнению отдельных видов работ, ответчиком не представлено, суд первой инстанции признал незаконными приказы работодателя об отстранении Д. от работы и о ее увольнении с работы по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

Отменяя решение суда первой инстанции и отказывая Д. в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что справка об установлении инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида, выданные Д. по результатам проведения медико-социальной экспертизы, являются тем медицинским заключением, которое позволяет работодателю уволить работника по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (в связи с отказом работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением).

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу апелляционное определение и постановление кассационного суда общей юрисдикции, оставив в силе решение суда первой инстанции, разрешившего спор в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям нормами материального права и установленными обстоятельствами, указав на следующее.

Согласно ч. 3 ст. 73 ТК РФ, если в соответствии с медицинским заключением работник нуждается во временном переводе на другую работу на срок более четырех месяцев или в постоянном переводе, при его отказе от перевода либо отсутствии у работодателя соответствующей работы трудовой договор прекращается в соответствии с п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

Абзац 5 ч. 1 ст. 76 ТК РФ устанавливает обязанность работодателя отстранить от работы работника при выявлении в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, противопоказаний для выполнения работником работы, обусловленной трудовым договором.

Пункт 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ предусматривает возможность прекращения трудового договора в случае отказа работника от перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами

Российской Федерации, либо отсутствия у работодателя соответствующей работы.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, возможность прекращения трудового договора в случае отказа работника от постоянного или временного (на срок более четырех месяцев) перевода на другую работу, необходимого ему в соответствии с медицинским заключением, либо отсутствия у работодателя соответствующей работы направлена на охрану здоровья работника. Необходимость перевода работника на другую работу должна быть установлена специализированным органом и зафиксирована в медицинском заключении, выданном в порядке, установленном федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, что предполагает использование объективных критериев при установлении указания факта и исключает произвольное применение данного основания прекращения трудового договора (Определения Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2010 г. № 1090-О-О и № 1114-О-О, от 14 июля 2011 г. № 887-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2301-О).

Экспертиза профессиональной пригодности проводится врачебной комиссией медицинской организации с привлечением врачей-специалистов по результатам предварительных медицинских осмотров и периодических медицинских осмотров. По результатам экспертизы профессиональной пригодности врачебная комиссия выносит медицинское заключение о пригодности или непригодности работника к выполнению отдельных видов работ (ч. 2 ст. 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности, форма медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (ч. 3 ст. 63 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Приказом Минздрава России от 5 мая 2016 г. № 282н утверждены Порядок проведения экспертизы профессиональной пригодности и форма медицинского заключения о пригодности или непригодности к выполнению отдельных видов работ.

Согласно пп. 3, 4 указанного Порядка экспертизы профессиональной пригодности проводится в медицинской организации или структурном подразделении медицинской организации либо иной организации независимо от организационно-правовой формы, имеющей лицензию на осуществление медицинской деятельности по экспертизе профессиональной пригодности.

Для проведения экспертизы профессиональной пригодности в медицинской организации формируется постоянно действующая врачебная комиссия.

Из нормативных положений Трудового кодекса РФ в их взаимосвязи с нормативными предписаниями законодательства в сфере охраны здоровья граждан, позицией Конституционного Суда РФ следует, что невозможность выполнения работником трудовой функции по занимаемой им должности и необходимость перевода такого работника по состоянию здоро-

вья на другую работу должны быть установлены специализированной медицинской организацией и зафиксированы в медицинском заключении предусмотренной формы о соответствии состояния здоровья работника возможности выполнять им отдельные виды работ (профессиональной пригодности работника), выданном в установленном порядке, т.е. специализированной медицинской организацией по результатам экспертизы профессиональной пригодности.

Проверяя законность обжалуемых судебных постановлений, принятых судами апелляционной и кассационной инстанций, Судебная коллегия пришла к выводу, что нормативные положения, устанавливающие порядок признания работника непригодным по состоянию здоровья к выполнению отдельных видов работ, а также условия, при наличии которых работник может быть уволен по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, этими судебными инстанциями к спорным отношениям применены не были, вследствие чего их вывод об отказе в удовлетворении исковых требований Д. о признании незаконным приказа об увольнении, восстановлении на работе нельзя признать правомерным.

Суды апелляционной и кассационной инстанций неправильно определили цели и задачи экспертизы профессиональной пригодности и медико-социальной экспертизы, а также предназначение индивидуальной программы реабилитации инвалида, ошибочно полагая, что справка об установлении инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида являются единственными документами, выдаваемыми учреждением медико-социальной экспертизы по результатам проведения такой экспертизы, позволяющими работодателю уволить работника по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ.

Судебная коллегия указала, что цели проведения экспертизы профессиональной пригодности и медико-социальной экспертизы различны. В отличие от экспертизы профессиональной пригодности работника, которая направлена на определение пригодности или непригодности работника к выполнению им отдельных видов работ, целью проведения медико-социальной экспертизы является определение в установленном порядке потребностей гражданина в мерах социальной защиты и мерах социальной поддержки на основе оценки ограничения его жизнедеятельности, вызванного стойким расстройством функций организма. Выдаваемые гражданину, признанному инвалидом, документы по результатам медико-социальной экспертизы (справка об инвалидности, индивидуальная программа реабилитации инвалида) не содержат выводов о признании такого гражданина непригодным (временно или постоянно) по состоянию здоровья к выполнению отдельных видов работ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ согласилась с выводом суда первой инстанции о незаконности приказов работодателя об отстранении Д. от работы и о ее увольнении с работы по п. 8 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, который исходил из того, что справка об инвалидности и индивидуальная программа реабилитации инвалида, выданные Д., не содержат сведений о ее профессиональной непригодности к работе в занимаемой должности врача-стоматолога-терапевта, а доказательств, подтверждающих наличие

медицинского заключения о пригодности или непригодности Д. к выполнению отдельных видов работ, ответчиком представлено не было.

Определение № 4-КГ22-53-К1

16. Отсутствие у работника спортивного образовательного учреждения (тренера) специального (профессионального) образования не может являться безусловным основанием для прекращения с ним трудовых отношений по данной причине в случае, если он обладает достаточным практическим опытом и компетентностью, выполняет качественно и в полном объеме возложенные на него должностные обязанности, и это подтверждено результатами соответствующей аттестации.

Ш. 29 ноября 2021 г. обратился в суд с иском к спортивному образовательному учреждению (далее также — спортивная школа, работодатель) о признании незаконным приказа работодателя о прекращении (расторжении) трудового договора, восстановлении его на работе, взыскании среднего заработка за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда, указав, что на основании трудового договора от 1 августа 2014 г., заключенного на неопределенный срок, он был принят на работу в спортивную школу олимпийского резерва по хоккею с мячом в отдел учебно-спортивной работы на должность тренера-преподавателя.

23 января 2018 г. с Ш. заключено дополнительное соглашение к трудовому договору о переводе его на постоянную работу в отдел по спортивной подготовке на должность тренера.

Приказом директора спортивной школы от 16 ноября 2021 г. трудовой договор с Ш. прекращен по п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (нарушение установленных Трудовым кодексом РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность продолжения работы (ст. 84 ТК РФ) и Ш. уволен с занимаемой должности.

Причиной увольнения по названному основанию послужило отсутствие у Ш. соответствующего среднего профессионального или высшего образования.

По мнению Ш., отсутствие у него на момент заключения трудового договора в 2014 году необходимого среднего профессионального или высшего образования не может служить достаточным основанием для его увольнения по п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, поскольку за время работы Ш. дважды проходил аттестацию на соответствие занимаемым должностям тренера-преподавателя и тренера. Распоряжениями министра физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации в 2016 и 2018 годах на основании решений аттестационных комиссий Ш. была установлена первая квалификационная категория соответственно по должности “тренер-преподаватель” и тренера по виду спорта (хоккей с мячом) сроком на 5 лет. Кроме того, при увольнении Ш. работодателем не учтено, что за время работы он неоднократно поощрялся, в том числе губернатором субъекта Российской Федерации и мэром города, является мастером спорта СССР по хоккею с мячом, обладает большим профессиональным опытом в области спортивной подготовки (более 35 лет), за время работы его воспитанники достигли высоких спортивных результатов при участии в различных соревнованиях.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Ш., суд первой ин-

станции исходил из того, что для занятия как должности тренера-преподавателя, так и должности тренера Ш. в спортивной школе необходимо было иметь высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта.

Поскольку у Ш. при поступлении на работу на должность тренера-преподавателя и в дальнейшем при переводе его на должность тренера высшее или среднее специальное образование в области физической культуры и спорта отсутствовало, документ о наличии такого образования Ш. работодателю не представлен и порядок увольнения истца ответчиком соблюден, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что увольнение истца было произведено в соответствии с действующим трудовым законодательством.

Суд первой инстанции признал необоснованными доводы Ш. о том, что соответствие его занимаемой должности подтверждено по итогам аттестации. По мнению суда первой инстанции, аттестация Ш. в 2016, 2018 годах не является основанием для возникновения у него права осуществлять тренерскую деятельность в отсутствие специального образования, так как порядок проведения аттестации работников, осуществляющих спортивную подготовку в краевых государственных учреждениях, подведомственных министерству физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации, не возлагает на аттестационную комиссию данного министерства обязанность по проверке наличия у аттестуемого специального образования, а оценке подлежат достижения аттестуемого в работе (тренерской деятельности) на основании волеизъявления самого работника.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Определением кассационного суда общей юрисдикции судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, и сделанными с существенным нарушением норм процессуального права ввиду следующего.

Главой 11 ТК РФ определены правила заключения трудового договора (ст.ст. 63—71).

Одним из элементов процедуры заключения трудового договора является предъявление работодателю лицом, поступающим на работу, документов, необходимых для трудоустройства.

Согласно ч. 1 ст. 65 ТК РФ, если иное не установлено названным Кодексом, другими федеральными законами, при заключении трудового договора лицо, поступающее на работу, предъявляет работодателю в том числе документ об образовании и (или) о квалификации или наличии специальных знаний — при поступлении на работу, требующую специальных знаний или специальной подготовки.

Нарушение установленных Трудовым кодексом РФ или иным федеральным законом правил заключения трудового договора, если это нарушение исключает возможность про-

должения работы (ст. 84 ТК РФ), является одним из оснований для прекращения трудового договора (п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ).

Частью 1 ст. 84 ТК РФ предусмотрено, что трудовой договор прекращается вследствие нарушения установленных названным Кодексом или иным федеральным законом правил его заключения (п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ), если нарушение этих правил исключает возможность продолжения работы, в случаях, названных в этой статье. Один из таких случаев — отсутствие соответствующего документа об образовании и (или) о квалификации, если выполнение работы требует специальных знаний в соответствии с федеральным законом или иным нормативным правовым актом (абз. 4 ч. 1 ст. 84 ТК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 84 ТК РФ в случаях, предусмотренных ч. 1 этой статьи, трудовой договор прекращается, если невозможно перевести работника с его письменного согласия на другую имеющуюся у работодателя работу (как вакантную должность или работу, соответствующую квалификации работника, так и вакантную нижестоящую должность или нижеоплачиваемую работу), которую работник может выполнять с учетом его состояния здоровья.

Особенности регулирования труда спортсменов, тренеров устанавливаются трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями, а также локальными нормативными актами, принимаемыми работодателями в соответствии с требованиями ст. 8 ТК РФ с учетом норм, утвержденных общероссийскими спортивными федерациями, и мнения выборного органа первичной профсоюзной организации (ч. 3 ст. 348¹ ТК РФ).

Требования к образованию указанных работников определяются на основании положений соответствующих профессиональных стандартов, а также разделов Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденных соответственно приказами Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 15 августа 2011 г. № 916н (раздел “Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта”) и от 26 августа 2010 г. № 761н (раздел “Квалификационные характеристики должностей работников образования”).

Согласно названным разделам Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих тренер, тренер-преподаватель должен иметь высшее профессиональное образование или среднее профессиональное образование в области физической культуры и спорта без предъявления требований к стажу работы.

Вместе с тем согласно положениям Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих претендующие на работу в качестве тренера, тренера-преподавателя лица, не имеющие специальной подготовки, но обладающие достаточным практическим опытом и компетентностью, могут быть назначены на соответствующие должности по рекомендации аттестационной комиссии (п. 6 раздела I “Общие положения” раздела

“Квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта”, п. 9 раздела I “Общие положения” раздела “Квалификационные характеристики должностей работников образования”) или по результатам аттестации, осуществляемой общероссийской спортивной федерацией по соответствующим виду или видам спорта (абз. 4 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52 “О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров”).

Конституционный Суд РФ в абз. 5 п. 6.2 Постановления от 14 ноября 2018 г. № 41-П “По делу о проверке конституционности статьи 46 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки И.В. Серегиной” указал, что как цель введения профессиональных стандартов, в частности в сфере образования, так и их предназначение в механизме правового регулирования не предполагали увольнения с работы лиц, не соответствующих в полной мере квалификационным требованиям к образованию, но успешно выполняющих свои трудовые обязанности, в том числе воспитателей дошкольных образовательных организаций. Решение вопроса о продолжении профессиональной деятельности должно осуществляться с учетом длящегося характера трудовых отношений на основе осуществляемой в ходе аттестации оценки способности работника выполнять порученную ему работу.

Изложенная правовая позиция Конституционного Суда РФ об оценке работодателем результатов профессиональной деятельности не имеющего специальной подготовки работника образовательной организации, его отношения к труду и его деловых качеств при решении вопроса о возможности продолжения с ним трудовых отношений по должности, требующей наличия определенного образования, которое у работника отсутствует, может быть применена к спорным отношениям по данному делу.

Соответственно, с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм материального права, изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ отсутствие у тренера спортивного образовательного учреждения требуемого профессионального образования не может являться безусловным основанием для прекращения с ним трудовых отношений по данной причине, если это не исключает возможности продолжения им работы по занимаемой должности.

Положения норм права, регулирующих спорные отношения, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по их применению и правовая позиция Конституционного Суда РФ судами первой и апелляционной инстанций применены неправильно.

Отказывая Ш. в удовлетворении исковых требований, судебные инстанции, по сути, ограничились ссылкой на то, что у Ш. отсутствовало специальное образование в области физической культуры и спорта, не дав в нарушение ст.ст. 67, 71, ч. 4 ст. 198, п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ какой-либо правовой оценки доводам Ш. о том, что его компетентность и наличие достаточного профессионального и практического опыта для замещения должности тренера, соот-

ветствие его занимаемой должности было подтверждено результатами аттестаций, проведенных в отношении его в 2016 и 2018 годах аттестационной комиссией министерства физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации, а также иным доводам Ш. о профессиональном уровне его работы и достигнутых результатах.

Суждение судов первой и апелляционной инстанций о том, что аттестация Ш. в 2016, 2018 годах, проведенная аттестационной комиссией министерства физической культуры и спорта субъекта Российской Федерации, не является основанием для возникновения у него права осуществлять тренерскую деятельность в отсутствие специального образования, ошибочно.

Судами первой и апелляционной инстанций не принято во внимание, что в силу действующего правового регулирования аттестация работников, трудовая функция которых состоит в проведении со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществлении руководства их составительной деятельностью (тренеры), по результатам которой им устанавливается соответствующая квалификационная категория, проводится с целью оценки результатов профессиональной деятельности таких работников по занимаемой должности тренера, следовательно, результаты такой аттестации должны учитываться работодателем при решении вопроса о возможности продолжения работником трудовой деятельности в занимаемой должности.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении исковых требований Ш. о признании незаконным приказа работодателя о прекращении (расторжении) с ним трудового договора по п. 11 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда не соответствующими закону, отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 58-КГ22-13-К9

17. Суду при разрешении заявления должника-пенсионера о снижении размера ежемесячных удержаний из страховой пенсии по старости следует исходить из необходимости обеспечения баланса интересов сторон, принципа исполнимости судебных решений и установления пределов удержаний, позволяющих сохранить должнику-пенсионеру необходимый уровень существования.

Ш. 30 августа 2021 г. обратилась в суд в порядке ст. 434 ГПК РФ с заявлением о снижении размера ежемесячных удержаний из ее страховой пенсии по старости с сохранением ей дохода в размере величины прожиточного минимума, установленного по Иркутской области, ссылаясь на то, что на основании решений суда в отношении ее возбуждены исполнительные производства по взысканию задолженности по кредитным договорам в пользу взыскателей (банка-1 и банка-2). Судебным приставом-исполнителем взыскание обращено на страховую пенсию по старости Ш.

В обоснование заявления Ш. указывала, что она находится в трудной жизненной ситуации, у нее отсутствует финансовая возможность осу-

ществлять выплаты по решениям суда, после удержания из страховой пенсии по старости Ш. (12 561 руб.) денежных средств в порядке исполнения решений суда у нее остается сумма меньше установленной в Иркутской области величины прожиточного минимума пенсионеров (10 540 руб.), которой недостаточно для проживания и питания.

Кроме того, Ш. является инвалидом II группы, вынуждена передвигаться с помощью инвалидного кресла-коляски, в связи с чем нуждается в постоянном постороннем уходе, осуществляемом проживающим совместно с ней сыном В., сын ввиду этого не работает, собственного дохода не имеет, пенсионным органом В. производится компенсационная выплата по уходу за нетрудоспособным лицом, установленная с 1 марта 2021 г. в размере 1440 руб. Ее семья признана малоимущей, получаемая Ш. страховая пенсия по старости и назначенная к этой пенсии ежемесячная компенсационная выплата ее сыну в размере 1440 руб. являются для ее семьи единственным источником средств к существованию.

Отказывая в удовлетворении заявления Ш. о снижении размера удержания из ее страховой пенсии, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что основания для снижения размера удержаний из пенсии должника должны носить действительно исключительный характер, однако приведенные Ш. обстоятельства относительно ее имущественного положения являются обычной жизненной ситуацией и не свидетельствуют о наличии у Ш. препятствий для исполнения решений суда, соответственно не могут служить основанием для снижения размера удержаний из ее пенсии.

Кассационный суд общей юрисдикции, оставая без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установил нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами судебных инстанций не согласилась, признала их сделанными с существенным нарушением норм права ввиду следующего.

Согласно положениям чч. 1—3 ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях” удержания из страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии в том числе производятся на основании исполнительных документов. Удержание производится в размере, исчисляемом из размера установленной страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии). Удержано может быть не более 50%, а в установленных законодательством Российской Федерации случаях не более 70% страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии (с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии).

Одним из принципов исполнительного производства является принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи (п. 4 ст. 4 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” в редакции, действовавшей на день обращения Ш. в суд с заявлением об из-

менении способа исполнения решения суда — 30 августа 2021 г.¹⁾.

В соответствии со ст. 434 ГПК РФ при наличии обстоятельств, затрудняющих исполнение судебного постановления или постановлений иных органов, взыскатель, должник, судебный пристав-исполнитель вправе поставить перед судом, рассмотревшим дело, или перед судом по месту исполнения судебного постановления вопрос об отсрочке или о рассрочке исполнения, об изменении способа и порядка исполнения, а также об индексации присужденных денежных сумм. Такие заявления сторон и представление судебного пристава-исполнителя рассматриваются в порядке, предусмотренном ст.ст. 203 и 208 указанного Кодекса.

Суд, рассмотревший дело, по заявлениям лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя исходя из имущественного положения сторон или других обстоятельств вправе отсрочить или рассрочить исполнение решения суда, изменить способ и порядок его исполнения (ст. 203 ГПК РФ).

Из приведенных нормативных положений следует, что по заявлению лиц, участвующих в деле, суд вправе решить вопрос об изменении способа и порядка исполнения решения при наличии установленных законом оснований и исходя из совокупности представленных сторонами доказательств. Основанием для изменения способа и порядка исполнения решения являются неустранимые на момент обращения в суд обстоятельства, свидетельствующие о невозможности или крайней затруднительности исполнения должником-гражданином решения суда. К числу указанных обстоятельств может быть отнесено, в частности, тяжелое имущественное положение должника. Суд при рассмотрении заявления об изменении способа и порядка исполнения решения суда в каждом конкретном случае должен установить наличие или отсутствие таких обстоятельств, а также обеспечить соблюдение двух основополагающих положений — конституционного принципа исполнимости судебных решений и установления пределов возможного взыскания, не затрагивающего основное содержание прав должника, с тем чтобы сохранить должнику-гражданину необходимый уровень существования.

Судебная коллегия указала, что судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении заявления Ш. об изменении способа исполнения решения суда путем снижения размера ежемесячных удержаний из страховой пенсии по старости положения чч. 1—3 ст. 29 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ “О страховых пенсиях”, положения Федерально-

го закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ “Об исполнительном производстве” и нормы ст.ст. 203 и 434 ГПК РФ не применены с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ, согласно которой, если пенсия является для должника-гражданина единственным источником существования, необходимость обеспечения баланса интересов кредитора и должника-гражданина требует защиты прав последнего путем сохранения для него и лиц, находящихся на его иждивении, необходимого уровня существования, с тем чтобы не оставить их за пределами социальной жизни (Постановление Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П, Определения Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2006 г. № 104-О, от 17 января 2012 г. № 14-О-О, от 19 июля 2016 г. № 1713-О и др.).

Судебная коллегия отметила, что суды первой и апелляционной инстанций не учли доводы Ш., касающиеся ее имущественного положения, обусловленного трудной жизненной ситуацией, обстоятельства, связанные с ее материальным положением, то, что пенсия является для нее единственным источником существования, и, как следствие, в результате неприменения подлежащих применению норм материального права не определили приведенные обстоятельства в качестве юридически значимых при решении вопроса о возможности изменения способа исполнения судебных постановлений путем снижения размера ежемесячных удержаний из страховой пенсии по старости с сохранением Ш. дохода в размере величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации.

При оценке названных Ш. обстоятельств, затрудняющих исполнение ею судебных постановлений по причине отсутствия у нее какого-либо минимального уровня материальной обеспеченности после осуществления удержаний в счет выплат взыскателям (в данном случае юридическим лицам — банкам), судам первой и апелляционной инстанций надлежало исходить из необходимости соблюдения баланса интересов взыскателей и должника как участников исполнительного производства с учетом гарантированного каждому ст. 39 Конституции Российской Федерации в соответствующих случаях (возраст, болезнь, инвалидность и др.) права на социальное обеспечение, а также следовало принять во внимание, что при защите прав взыскателя не должны нарушаться конституционные права должника-гражданина, с тем чтобы сохранить должнику необходимый уровень существования.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций и направила материал по заявлению Ш. об изменении способа исполнения решения суда на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 66-КГ22-12-К8

Процессуальные вопросы

18. Расходы, связанные с хранением имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу, признаются процессуальными издержками и подлежат возмещению по правилам, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Общество обратилось в суд с иском к осужденному Т. (признанному виновным в неправомерном завладении автомобилем без цели хи-

¹С 1 февраля 2022 г. данный пункт действует в редакции Федерального закона от 29 июня 2021 г. № 234-ФЗ, согласно которой исполнительное производство осуществляется на принципе неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи, в том числе сохранения заработной платы и иных доходов должника-гражданина ежемесячно в размере прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации по месту жительства должника-гражданина для соответствующей социально-демографической группы населения, если величина указанного прожиточного минимума превышает величину прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации).

шения) и потерпевшему П. (владельцу автомобиля) о взыскании в солидарном порядке расходов Общества по хранению автомобиля на специализированной стоянке.

Суд первой инстанции, установив, что данный автомобиль признан вещественным доказательством по уголовному делу и постановлением дознавателя передан на ответственное хранение потерпевшему П., взыскал с П. задолженность за перемещение автомобиля на специализированную стоянку и его хранение там с 1 сентября 2018 г. по 7 декабря 2019 г.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания платы за хранение транспортного средства на специализированной стоянке с 1 сентября 2018 г. по 28 февраля 2019 г. и прекращая производство по делу в этой части, суд апелляционной инстанции исходил из того, что в этот период имело место хранение в силу закона, поэтому расходы на хранение вещественного доказательства по уголовному делу являются процессуальными издержками и подлежат возмещению в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Сославшись на то, что 1 марта 2019 г. транспортное средство на основании постановления дознавателя передано на ответственное хранение П., который забрал его со специализированной стоянки только 7 декабря 2019 г., суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что между сторонами в период с 1 марта по 7 декабря 2019 г. сложились правоотношения, регулируемые главой 47 ГК РФ, в связи с чем взыскал с П. расходы по хранению автомобиля.

С выводами суда апелляционной инстанции согласился кассационный суд общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала вывод суда апелляционной инстанции о взыскании с П. задолженности по оплате хранения транспортного средства за период с 1 марта по 7 декабря 2019 г. ошибочным в связи со следующим.

Согласно ст. 905 ГК РФ общие положения о хранении применяются к отдельным его видам, если правилами об отдельных видах хранения, содержащимися в ст.ст. 907–926 данного Кодекса и в других законах, не установлено иное.

Частью 3 ст. 81 УПК РФ установлено, что вопрос о судьбе вещественных доказательств подлежит разрешению при вынесении приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела.

В соответствии с подп. “а” п. 1 ч. 2 ст. 82 УПК РФ вещественные доказательства должны храниться при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передаваться вместе с уголовным делом, за исключением случаев, предусмотренных названной статьей.

В п. 6 ч. 2 ст. 131 УПК РФ предусмотрено, что суммы, израсходованные на хранение, пересылку и перевозку (транспортировку) вещественных доказательств, относятся к процессуальным издержкам и возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства.

Положения ст.ст. 299, 309, 396 и 397 УПК РФ указывают на обязательность разрешения судом при вынесении приговора или по ходатайству заинтересованной стороны после про-

возглашения приговора вопроса о том, на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки.

Постановлением Правительства РФ от 8 мая 2015 г. № 449 “Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам” утверждены Правила хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам.

В п. 10 данных Правил установлено, что передача вещественных доказательств на хранение юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю на основании договора хранения осуществляется должностным лицом уполномоченного органа, в производстве которого находится уголовное дело, и оформляется актом приема-передачи, составленным в 3 экземплярах, один из которых приобщается к материалам уголовного дела, другой — передается представителю юридического лица или индивидуальному предпринимателю, третий — в дело (наряд).

Из абз. 1 п. 2 этих же Правил следует, что возврат вещественных доказательств в виде денег и ценностей их законному владельцу осуществляется на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя или решения (определения, постановления, приговора) суда (судьи), о чем составляется акт приема-передачи вещественных доказательств по форме согласно приложению № 1.

Как разъяснено в п. 3 Определения Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 367-О “По жалобе общества с ограниченной ответственностью “Маршалл” на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации”, определяя перечень видов судебных издержек и устанавливая порядок их взыскания, уголовно-процессуальный закон исходит из необходимости возмещения понесенных затрат гражданам и юридическим лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство в качестве участников или иным образом привлекаемым к решению стоящих перед ним задач.

Основанием для возникновения гражданско-правового обязательства граждан или юридических лиц по хранению вещественных доказательств является исполнение публично-правовой обязанности, возлагаемой на них в силу закона решением дознавателя, следователя, прокурора или суда. Разрешение вопроса о том, кому и в каких размерах должны быть возмещены расходы, понесенные в связи с хранением вещественных доказательств, а также какие законодательные нормы подлежат при этом применению, относится к ведению судов общей юрисдикции, на которые в этом случае возлагается обеспечение гарантированного ст. 46 Конституции Российской Федерации права каждого на судебную защиту.

Таким образом, уполномоченные лица органов предварительного следствия и дознания, ответственные за расследование уголовного дела, самостоятельно решают вопрос о признании тех или иных предметов вещественными доказательствами, об их изъятии и удержании в режиме хранения, о способе такого хранения либо об их возвращении законному владельцу на ответственное хранение (об отказе от их изъятия) до принятия окончательного решения по уголовному делу (до вступления приговора в за-

конную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела) или на иной вытекающий из закона срок.

Хранение вещественных доказательств, имеющих определенные характеристики, может осуществляться на основании договора хранения, заключаемого уполномоченным органом с юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем.

Расходы, связанные с хранением, учетом и передачей вещественных доказательств, подлежат возмещению за счет и в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных органам, осуществляющим предварительное расследование по уголовным делам.

При этом возврат вещественных доказательств их законному владельцу осуществляется на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя или решения (определения, постановления, приговора) суда (судьи), о чем составляется акт приема-передачи вещественных доказательств по установленной форме.

В обоснование вывода о наличии правовых оснований для взыскания задолженности за хранение транспортного средства на специализированной стоянке за период с 1 марта по 7 декабря 2019 г. суд апелляционной инстанции сослался на то, что постановлением дознавателя от 1 марта 2019 г. ответственным хранителем определен потерпевший П., который забрал автомобиль 7 декабря 2019 г.

Между тем из установленных по делу обстоятельств не следует, что транспортное средство действительно было возвращено П. 1 марта 2019 г. Какие-либо сведения об этом, в том числе о составлении акта приема-передачи вещественного доказательства владельцу по установленной форме, в материалах дела отсутствуют.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и кассационного суда общей юрисдикции, направив дело на новое апелляционное рассмотрение.

Определение № 56-КГ23-2-К9

19. Солидарное взыскание судебных издержек по делу с нескольких лиц возможно в случае, если они являются солидарными должниками или солидарными кредиторами.

Конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о солидарном взыскании с К. и Д. в пользу общества судебных расходов на оплату юридических услуг, понесенных при рассмотрении дела по его иску к К. и Д. о признании недействительными торгов и договора купли-продажи, а также о применении последствий недействительности сделки.

Определением суда заявление удовлетворено.

Апелляционным определением определение суда первой инстанции отменено в части, вопрос разрешен по существу, заявление удовлетворено частично, судебные расходы на оплату юридических услуг взысканы солидарно с К. и Д., в остальной части заявление оставлено без удовлетворения.

Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные постановления оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала постановления судебных инстанций вынесенными с существ-

ственным нарушением норм права по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

В силу ст. 94 названного Кодекса к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся, в частности, расходы на оплату услуг представителей.

Стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 данного Кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в данной статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано (ч. 1 ст. 98 ГПК РФ).

В соответствии с ч. 1 ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Как разъяснено в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 “О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела”, при предъявлении иска совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (процессуальное соучастие) распределение судебных издержек производится с учетом особенностей материального правоотношения, из которого возник спор, и фактического процессуального поведения каждого из них (ст. 40 ГПК РФ).

Если лица, не в пользу которых принят судебный акт, являются солидарными должниками или кредиторами, судебные издержки возмещаются указанными лицами в солидарном порядке (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, ст.ст. 323, 1080 ГК РФ).

Таким образом, возложение на нескольких ответчиков обязанности возместить судебные издержки по делу солидарно возможно в том случае, если они являются солидарными должниками или солидарными кредиторами.

Согласно п. 1 ст. 322 ГК РФ солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникает, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законом, в частности при неделимости предмета обязательства.

В силу абз. 1 ст. 1080 ГК РФ лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно.

Между тем по данному делу не установлено, что ответчики являются солидарными должниками. Солидарное взыскание с них судебных расходов в нарушение требования ч. 4 ст. 198 ГПК РФ судами не мотивировано.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления, дело направила на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 46-КГ22-46-К6

20. Конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать постановление суда общей юрисдикции, которым разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса РФ.

К. и организация обратились в кассационный суд общей юрисдикции с кассационной жалобой на определение суда об утверждении мирового соглашения по делу о взыскании долга по договору займа, заключенному между обществом (займодавцем) и обществом (заемщиком), обеспеченному поручительством Д., по условиям которого погашение обязательств заемщика производит поручитель путем перечисления денежных средств на расчетный счет займодавца.

Возвращая без рассмотрения кассационные жалобы заявителей, кассационный суд общей юрисдикции сослался на то, что обжалуемым определением суда не был разрешен вопрос о правах и обязанностях данных лиц, поэтому они не имеют права на его обжалование в кассационном суде общей юрисдикции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводом суда кассационной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

Решением арбитражного суда общество (заемщик) признано несостоятельным (банкротом), в отношении его открыто конкурсное производство. К. и организация (кассаторы) являются конкурсными кредиторами общества, их требования включены в третью очередь реестра кредиторов должника.

В силу п. 3 ст. 100 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве) конкурсный кредитор, требования которого включены в реестр кредиторов, наделяется правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2015 г., разъяснено, что Закон о банкротстве в п. 2 ст. 71, п. 3 ст. 100 наделяет конкурсных кредиторов, уполномоченный орган и арбитражного управляющего правом заявлять возражения относительно требований других кредиторов, предъявленных в деле о банкротстве.

Вместе с тем в соответствии с п. 10 ст. 16 Закона о банкротстве разногласия по требованиям кредиторов или уполномоченных органов, подтвержденным вступившим в законную силу решением суда в части их состава и размера, не подлежат рассмотрению арбитражным судом в деле о банкротстве, за исключением разногласий, связанных с исполнением судебных актов или их пересмотром.

Из приведенных норм права и акта их толкования следует, что, если судебным актом суда общей юрисдикции, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование другого кредитора, разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, участвующих в деле о банкротстве, конкурсные кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий вправе обжаловать указанный судебный акт в соответствии с нормами Гражданского процессуального кодекса РФ.

В соответствии с ч. 11 ст. 153¹⁰ ГПК РФ определение об утверждении мирового соглашения апелляционному обжалованию не подлежит и может быть обжаловано только в суд кассационной инстанции.

Как разъяснено в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г.

№ 17 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции”, если жалоба подается лицом, не привлеченным к участию в деле, судье кассационного суда общей юрисдикции надлежит проверить, содержится ли в жалобе указание на то, какие права или законные интересы заявителя нарушены обжалуемым судебным постановлением (ч. 4 ст. 378 ГПК РФ). При отсутствии такого указания судья в соответствии с ч. 1 ст. 378² ГПК РФ оставляет кассационную жалобу без движения. В случае неустранения недостатка кассационная жалоба подлежит возвращению в силу п. 2 ч. 1 ст. 379¹ ГПК РФ.

Если по результатам рассмотрения дела кассационным судом общей юрисдикции будет установлено, что обжалуемым судебным постановлением не нарушены права и (или) законные интересы лица, не привлеченного к участию в деле, кассационный суд общей юрисдикции оставляет его кассационную жалобу без рассмотрения по существу применительно к п. 6 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ.

Признание прав и (или) законных интересов лица, не привлеченного к участию в деле, нарушенными обжалуемыми судебными постановлениями является основанием для их отмены (п. 4 ч. 4 ст. 379⁷, п. 2 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ).

Обращаясь с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции, заявители указывали, что мировое соглашение, утвержденное оспариваемым ими определением суда, содержит условие об увеличении размера процентов, подлежащих уплате займодавцу, до 72% годовых (т.е. в 2 раза), что привело к включению в реестр требований кредиторов общества излишней задолженности.

Кроме того, взыскатель является залоговым кредитором, требования которого в силу закона удовлетворяются в преимущественном порядке.

Доводы кассационной жалобы заявителей о том, что с учетом изложенного условия мирового соглашения нарушают их имущественные права как конкурсных кредиторов, а потому они вправе обжаловать определение суда первой инстанции, которым утверждено мировое соглашение, в кассационном порядке, надлежащей оценки со стороны суда кассационной инстанции не получили.

Кроме того, Судебная коллегия признала ошибочным вывод суда о том, что судебный акт может быть признан вынесенным о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, лишь в том случае, если им устанавливаются права этого лица относительно предмета спора либо возлагаются обязанности на это лицо, а сама по себе заинтересованность в исходе дела у лица, не привлеченного к участию в нем, не наделяет его правом кассационного обжалования судебного акта.

Судом не учтено, что предписания вступившего в законную силу судебного акта могут ставить одного из кредиторов должника в более выгодное положение по отношению к другим кредиторам. Так, взыскание судебным актом задолженности может изменить очередность удовлетворения требований в деле о банкротстве одного из кредиторов, который до этого находился в равных с остальными условиях, что может привести впоследствии к невозможности

удовлетворения их требований в связи с отсутствием у должника денежных средств.

В такой ситуации права лица, не привлеченного к участию в деле, могут быть нарушены, например в случае недобросовестности участников процесса или ошибки суда при разрешении спора, что не учтено кассационным судом общей юрисдикции при оставлении без рассмотрения по существу кассационных жалоб заявителей.

Определение № 35-КГ22-8-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о юридических лицах

21. Продавец долей в уставном капитале общества, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности этого общества, отвечает перед покупателем за негативные последствия таких нарушений, выявленных впоследствии уполномоченными органами.

Покупатель приобрел по договорам купли-продажи от 30 августа 2018 г. у компании и у физических лиц (продавцы) 100% долей в уставном капитале общества, о чем внесена запись в Единый государственный реестр юридических лиц.

При отчуждении долей в уставном капитале общества граждане-продавцы, выступающие ответчиками, заверили покупателя в том, что к юридическому лицу не будут предъявлены претензии в отношении его финансово-хозяйственной деятельности и названный хозяйствующий субъект будет соответствовать всем лицензионным требованиям для осуществления деятельности форекс-дилера (далее — заверения).

Впоследствии на основании приказа Центрального банка Российской Федерации у общества была аннулирована лицензия профессионального участника рынка ценных бумаг в связи с допущенными в течение 2018 года нарушениями требований законодательства.

Покупатель обратился в арбитражный суд с иском к продавцам — физическим лицам о взыскании неустойки за недостоверные заверения об обстоятельствах по договору купли-продажи.

Отказывая в удовлетворении требований, арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций исходили из того, что заверения могут быть даны только о конкретных свершившихся фактах, за достоверность которых сторона и должна нести ответственность перед контрагентом, а все последствия от результатов деятельности хозяйственного общества, не связанные с деятельностью продавцов долей участия в обществе, возникают у покупателя, который в таком случае не вправе требовать уплаты неустойки.

В отношении заверений, данных в договоре, судами указано, что на момент заключения соглашения и до дня перехода права собственности на доли в уставном капитале к покупателю общество обладало действующей лицензией Банка России на ведение деятельности форекс-дилера и соответствовало лицензионным требованиям для осуществления указанной деятельности. На момент совершения сделки по отчуждению долей в уставном капитале к обществу со стороны Банка России не были

предъявлены претензии в отношении предшествующей деятельности юридического лица.

Допущенные обществом нарушения, приведшие к отзыву лицензии, являлись малозначительными и не рассматривались Банком России в качестве самостоятельного основания для аннулирования лицензии до момента совершения сделки с долями в уставном капитале юридического лица, которое в целях восстановления прав могло обжаловать действия Банка России, связанные с аннулированием лицензии, но не воспользовалось данным механизмом.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ пришла к выводу, что обжалуемые судебные акты подлежат отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Определенный ст. 431² ГК РФ механизм ответственности за договорные заверения основывается на том, что предоставление лицом определенной информации может влиять на намерение другого лица установить обязательства.

Применение данного механизма позволяет одной из сторон сделки взять на себя особую ответственность за предоставление информации другой стороне и тем самым в том числе распределить риски наступления нежелательных имущественных последствий между сторонами (например, передать соответствующий риск лицу, которое предоставило значимую для совершения сделки информацию).

С учетом природы рассматриваемого института заверение в том числе может даваться в отношении оснований (причин) возникновения обстоятельства, которое способно проявиться в будущем и в таком случае может стать причиной имущественных потерь лица, полагавшегося на заверения. В предпринимательских отношениях ответственность лица, давшего заверения, наступает за объективный факт — несоответствие заверений действительности.

Судами установлено, что заверения об обстоятельствах имеют непосредственное отношение к предмету договора купли-продажи долей в уставном капитале общества (“продажа бизнеса”).

Продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности общества, по общему правилу, отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на отсутствии причинно-следственной связи между его поведением и возникновением (выявлением) соответствующих нарушений, неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки, и т.п.

Указанные условия договора свидетельствуют о том, что ответчики — продавцы долей в уставном капитале предоставили покупателю информацию о соответствии общества обязательным (лицензионным) требованиям на момент совершения сделки, дав заверения о достоверности этой информации. Указанные заверения относятся к предмету договора.

Следовательно, последующий отзыв у общества лицензии на ведение деятельности форекс-дилера в связи с нарушениями, допущенными до перехода прав на доли в уставном капитале к покупателю, образует основания для предъявления к продавцам долей соответствующих требований в силу пп. 1, 2 ст. 431² ГК РФ.

Покупатель долей в уставном капитале хозяйствующего субъекта, полагавшийся на заверения предыдущих владельцев предприятия (участников общества), обезопасил себя от неблагоприятных имущественных последствий в силу самого факта получения заверений и, соответственно, не обязан обеспечивать оспаривание претензий, предъявленных контрагентами или органами публичной власти за счет общества и (или) за свой счет, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из содержания заверения.

При этом неуведомление предоставившего заверение лица о таких претензиях и непривлечение его в соответствующую административную процедуру или судебный процесс могут служить основанием для снижения его ответственности (ст. 404 ГК РФ), если аналогично правовому механизму, предусмотренному ст. 462 ГК РФ (п. 1 ст. 6 ГК РФ), будет доказано, что, приняв участие в деле и обосновав в нем соответствие заверения действительности полностью или в части, предоставившее заверение лицо могло бы предотвратить или уменьшить потери лица, которому было адресовано заверение.

В данном случае в договоре об отчуждении долей в уставном капитале отсутствует условие о том, что требования, вытекающие из несоответствия действительности заверений, данных гражданами-продавцами, могут быть предъявлены продавцом только при условии оспаривания в судебном порядке актов контролирующих органов, в том числе Банка России.

Предположения относительно возможного исхода судебного разбирательства в случае оспаривания обществом приказа Банка России об отзыве лицензии, с учетом малозначительности выявленных нарушений, не могли служить основанием для отказа в иске по данному делу.

Определение № 305-ЭС22-17862

22. В случае совершения участником общества с ограниченной ответственностью сделки по отчуждению доли в уставном капитале без согласия других участников, получение которого является обязательным согласно уставу общества, последние вправе потребовать в судебном порядке передачи доли обществу.

Участник общества с ограниченной ответственностью, обладающий 75% долей в уставном капитале, направил в адрес общества, а также двух других участников (с долей в уставном капитале общества в размере 12,5% у каждого) уведомления о продаже третьим лицам по 3% долей в уставном капитале.

Участники общества отказали в даче согласия на отчуждение принадлежащих заявителю долей в пользу третьих лиц.

Несмотря на полученный отказ, между участником (продавец) и двумя физическими лицами (покупатели) заключен договор купли-продажи доли, по условиям которого продавец передал каждому из покупателей по 3% доли в уставном капитале общества.

Указанные действия послужили основанием для обращения другого участника общества

в арбитражный суд с иском о признании договора купли-продажи недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Как указано в п. 2 ст. 93 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ “Об обществах с ограниченной ответственностью” (далее — Закон № 14-ФЗ), продажа либо отчуждение иным образом доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам допускается с соблюдением требований, предусмотренных вышеназванным Законом, если это не запрещено уставом общества.

В случае, если уставом общества отчуждение доли или части доли, принадлежащих участнику общества, третьим лицам запрещено и другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие предусмотрена уставом общества, общество обязано приобрести по требованию участника общества принадлежащую ему долю или часть доли (п. 3 ст. 93 ГК РФ, абз. 1 п. 2 ст. 23 Закона № 14-ФЗ).

Из приведенных норм вытекает, что право участника общества на отчуждение доли в уставном капитале может быть ограничено уставом общества в целях сохранения персонального состава участников и исключения тем самым рисков произвольного вмешательства третьих лиц в ведение общего дела, что имело бы место в случае изменения состава участников общества волей одного участника без согласования с интересами других участников.

При наличии в уставе общества запрета на отчуждение доли (части доли) или при установлении в уставе особого порядка ее отчуждения, предполагающего получение согласия других участников, он, по общему правилу, распространяется на все способы отчуждения доли (части доли) третьим лицам.

При рассмотрении дела судами установлено, что согласно уставу общества продажа или уступка иным образом участником общества своей доли или части доли в уставном капитале третьим лицам допускается с согласия остальных участников.

Двое других участников общества отказались давать согласие участнику на продажу 6% от принадлежащих ему 75% долей в уставном капитале общества, полагая, что с учетом принятого в обществе порядка голосования на собрании участников каждый участник имеет один голос и, следовательно, любое изменение состава участников приведет к переходу корпоративного контроля.

В силу положений абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона № 14-ФЗ в случае отчуждения доли или части доли в уставном капитале общества третьим лицам с нарушением порядка получения согласия участников общества участник общества вправе потребовать в судебном порядке передачи доли или части доли обществу.

Поскольку судами не были разрешены вопросы, касающиеся передачи доли обществу от приобретателей, возмещения приобретателям

доли уплаченной ими цены и иных расходов, понесенных в связи с ее приобретением, за счет продавца, а также выплаты участнику (продавцу) действительной стоимости отчужденных им долей, как того требуют положения абз. 3 п. 18 ст. 21 Закона № 14-ФЗ, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС22-24465

Практика применения законодательства о вещных правах и земельного законодательства

23. В силу Федерального закона от 29 июня 2018 г. № 171-ФЗ “Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия “Почта России”, основах деятельности акционерного общества “Почта России” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” акционерное общество “Почта России” вправе предъявлять иски о защите вещных прав только в отношении недвижимого имущества, которое находилось в пользовании предприятия “Почта России” и право собственности Российской Федерации в отношении которого было прекращено после 1 января 2009 г.

Акционерное общество “Почта России” (далее — общество “Почта России”) обратилось в арбитражный суд с иском к публичному акционерному обществу “Ростелеком” (далее — общество “Ростелеком”) о признании права собственности Российской Федерации на нежилые помещения.

В обоснование иска акционерное общество указало, что с 1967 года спорные нежилые помещения использовал правопреемник истца для размещения отделения почтовой связи.

В 1992 году произошло разделение единого предприятия почтовой связи на самостоятельные юридические лица почтовой и электрической связи. В 1994 году имущество предприятия электрической связи было приватизировано, в состав приватизированного имущества вошло здание, в котором расположены помещения почты. На основании плана приватизации право собственности на здание в 2014 году зарегистрировано за обществом “Ростелеком”, которое передало спорные помещения правопреемнику в пользование на основании договора аренды.

По мнению истца, в отсутствие раздельного баланса, составленного в соответствии с приказом Минсвязи России от 24 ноября 1992 г. № 433, предприятие электрической связи не имело оснований регистрировать за собой право собственности на здание вместе с помещениями, занимаемыми предприятием почтовой связи.

Истец сослался на положения ст. 20 Федерального закона от 29 июня 2018 г. № 171-ФЗ “Об особенностях реорганизации федерального государственного унитарного предприятия “Почта России”, основах деятельности акционерного общества “Почта России” и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 171-ФЗ), согласно которой все объекты недвижимости, находившиеся в пользовании предприятия “Почта России” на любых основаниях, вне зависимости от факта регистрации права собственности муниципального образования или субъекта Российской Федерации,

должны быть учтены в качестве дополнительного вклада Российской Федерации в уставный капитал общества “Почта России”.

Суд удовлетворил иск, с ним согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, признав доводы общества “Почта России” обоснованными.

При этом суды сделали вывод о том, что в силу самого факта использования спорного имущества обществом “Почта России” для предоставления услуг почтовой связи это имущество подлежит передаче в собственность Российской Федерации для дальнейшего внесения его в качестве вклада в уставный капитал истца.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ признала неправильным вывод судов о том, что общество “Почта России” вправе на основании Закона № 171-ФЗ заявлять требования, касающиеся имущества, переданного Российской Федерации в порядке законодательства о приватизации в частную собственность, отменила принятые по делу судебные акты и отказала обществу “Почта России”, указав следующее.

После образования Российской Федерации порядок разграничения государственного имущества был установлен Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-I (далее — Постановление № 3020-I), а основы передачи государственного и муниципального имущества при преобразовании государственных и муниципальных предприятий регулировались Законом РФ от 3 июля 1991 г. № 1531-I “О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации”.

На момент принятия Постановления № 3020-I спорные помещения в составе здания находились на балансе и во владении единой организации почтовой и телефонной (электрической) связи.

В соответствии с приказом Минсвязи России от 24 ноября 1992 г. № 433 произведено разделение почтовой и электрической связи с отнесением почтовой связи к ведению Федерального управления почтовой связи при Министерстве связи РФ, а электрической связи — к ведению предприятия “Россвязьинформ” с передачей основных и оборотных средств во вновь создаваемые структурные подразделения почтовой и электрической связи по раздельному балансу с расшифровкой по всем выделенным структурам.

План приватизации предприятия “Россвязьинформ” утвержден 24 мая 1994 г. Здание, в котором расположены спорные нежилые помещения, включено в план приватизации предприятия “Россвязьинформ” и передано в уставный капитал образованного в результате приватизации акционерного общества открытого типа “Электросвязь”.

Таким образом, при разделе основных средств между организациями почтовой и электрической связи все здание, в том числе спорные помещения, оставлено на балансе общества “Электросвязь”, указанные помещения в состав имущества почтовой связи не вошли.

Из изложенного следует, что Российская Федерация как собственник, включив в план приватизации предприятия “Россвязьинформ” указанное здание, выразила свою волю на отчуждение спорного имущества в порядке прива-

тизации в собственность общества “Электро-связь”, правопреемником которого является ответчик — общество “Ростелеком”, и, следовательно, с указанного момента утратила на него право собственности.

Ни Российская Федерация, ни предприятие “Почта России” (правопредшественник общества “Почта России”) более 25 лет не оспаривали правомерность приватизации спорного имущества обществом “Ростелеком”.

Ответчик доказал законность возникновения у него права собственности на спорные помещения (ст. 12 ГК РФ, п. 59 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав”). Оснований, предусмотренных ст. 235 ГК РФ, для прекращения возникшего в результате приватизации федерального имущества (ст. 217 ГК РФ) права собственности общества “Ростелеком” на спорные помещения не имеется.

В силу чч. 24 и 25 ст. 19 Закона № 171-ФЗ, определяющего особенности правового регулирования отношений в области организации, создания основ деятельности общества “Почта России”, в состав имущественного комплекса предприятия “Почта России”, подлежащего передаче обществу “Почта России” в качестве вклада Российской Федерации в уставный капитал, подлежали включению объекты недвижимого имущества, находящиеся только в собственности Российской Федерации и предоставленные Российской Федерацией предприятию на праве аренды.

Данным специальным законом (ч. 36 ст. 19 Закона № 171-ФЗ) предусмотрено право общества “Почта России” на предъявление исков о праве только в отношении недвижимого имущества, которое находилось в пользовании предприятия “Почта России” и право собственности Российской Федерации в отношении которого было прекращено после 1 января 2009 г.

Определение № 305-ЭС22-26784

24. Лицо, которому вступившим в законную силу решением суда отказано в виндикации объекта недвижимого имущества, вправе обратиться с заявлением о регистрации прекращения зарегистрированного за ним права на такое имущество.

Общество обратилось к Управлению Росреестра (далее — управление) с заявлением о снятии с государственного кадастрового учета и государственной регистрации прекращения его права собственности в отношении нежилого здания.

Управление отказало в снятии с государственного кадастрового учета и прекращении права собственности общества на объект недвижимости в связи с непредставлением регистрирующему органу решения суда о признании права заявителя отсутствующим.

При этом обществом ранее в отношении спорного имущества, на которое за ним зарегистрировано право собственности, был заявлен иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения предприятия. Вступившим в законную силу решением суда в удовлетворении заявленных требований обществу отказано.

Полагая, что отказ управления не соответствует закону и нарушает его права и законные

интересы, общество обратилось в арбитражный суд.

Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции сделал вывод и с ним согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, что заявителем не представлены документы, необходимые для снятия спорного объекта недвижимости с кадастрового учета и прекращения права собственности общества на него, заявителем избран неверный способ защиты своих прав и законных интересов, а у регистрирующего органа отсутствуют правовые основания для совершения указанных действий.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Рассматривая заявление по данному делу, суды установили наличие в Едином государственном реестре недвижимости сведений о зарегистрированном праве собственности общества и права федеральной собственности на один и тот же объект недвижимости.

Отказывая в удовлетворении иска общества об истребовании имущества из чужого незаконного владения предприятия, которому спорное имущество передано, суд установил, что оно относится к федеральной собственности, на него возникло право хозяйственного ведения предприятия, оно фактически находится во владении предприятия и во владение общества никогда не поступало.

Таким образом, отказом в иске, заявленном обществом на основании ст. 301 ГК РФ, был разрешен материальный спор о принадлежности имущества и его правообладателе.

Обеспечение принципа достоверности сведений Единого государственного реестра недвижимости, закрепленного в ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ “О государственной регистрации недвижимости”, является необходимым условием стабильности гражданского оборота и защиты вещных прав управомоченных лиц. Достоверность публичного реестра о правах на недвижимое имущество обеспечивает интерес не только третьих лиц, заинтересованных в получении информации об объектах недвижимости, но и самих правообладателей, в отношении которых внесены сведения о принадлежности им имущества.

Соглашаясь с отказом управления, суды не учли, что обществом было оспорено зарегистрированное право федеральной собственности по иску о виндикации спорного имущества, избранный способ защиты прав соответствует ст. 12 ГК РФ, материальный спор между сторонами разрешен судом, признавшим надлежащим собственником имущества Российскую Федерацию, а предприятие — субъектом права хозяйственного ведения.

Поскольку спор о правах на недвижимость по существу исчерпан, основной целью обращения общества в управление было погашение, по сути, недостоверной записи о принадлежности спорного имущества обществу, основания для исправления которой возникли после результатов разрешенного спора о правах на недвижимость, поскольку на одно и то же имущество были зарегистрированы права разных лиц, а это является недопустимым.

С учетом того, что с актом государственной регистрации прав на недвижимое имущество закон связывает возникновение вещных прав у лиц, сведения о которых внесены как об управомоченных лицах, приобретающих в связи с этим права и обязанности, предусмотренные для собственника, отказ в изменении сведений в реестре по установленным по данному делу основаниям нарушает права как надлежащего собственника имущества, так и общества, не являющегося им в материальном смысле и заинтересованного в изменении сведений о нем.

Изложенный подход направлен на устранение наличия в реестре прав на недвижимое имущество недостоверной записи, внесенной до разрешения спора о правах разных лиц на один объект.

Таким образом, лицо, которому вступившим в законную силу решением суда отказано в виндикации объекта недвижимого имущества, вправе обратиться с заявлением о регистрации прекращения права на такое имущество.

Определение № 302-ЭС23-5987

Споры, возникающие из обязательственных отношений

25. Лизингодатель отвечает за убытки, причиненные лизингополучателю в случае, если предварительная оплата за предмет лизинга произведена с нарушением порядка, согласованного с лизингополучателем, и предмет лизинга не передан лизингополучателю.

Между истцом (лизингополучатель) и ответчиком (лизингодатель) заключен договор лизинга, по условиям которого лизингодатель обязался приобрести и передать лизингополучателю самоходную технику.

Для приобретения техники лизингополучатель перечислил предусмотренный договором лизинга авансовый платеж.

Во исполнение договора лизинга лизингодатель обратился к продавцу для заключения договора купли-продажи и на основании выставленного счета перечислил продавцу технику предварительную оплату.

Впоследствии товар продавцом поставлен не был, что послужило основанием для обращения лизингополучателя в суд с иском к лизингодателю о возврате уплаченного авансового платежа.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требования о взыскании авансового платежа отказано по тому основанию, что в силу п. 2 ст. 22 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ “О финансовой аренде (лизинге)” (далее — Закон о лизинге) риск неисполнения продавцом обязанностей по договору купли-продажи предмета лизинга и связанные с этим убытки несет сторона договора лизинга, которая выбрала продавца, т.е. в данном случае — истец.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

Из положений ст.ст. 2 и 4 Закона о лизинге, п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 17 “Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга” следует, что функция

лизингодателя в договоре лизинга не предполагает самостоятельного использования им предмета лизинга в своей предпринимательской деятельности, а состоит в финансовом посредничестве — приобретении необходимого лизингополучателю имущества за счет средств, полученных от лизингополучателя (авансовый платеж по договору лизинга), а также за счет финансирования, предоставленного самим лизингодателем.

При выплате продавцу средств, полученных от лизингополучателя, лизингодатель во всяком случае обязан действовать, проявляя разумную заботливость об интересах лизингополучателя. Если лизингодателем не была проявлена должная осмотрительность на стадии заключения договора с продавцом, на основании п. 1 ст. 393 ГК РФ лизингополучатель вправе требовать возмещения обусловленных этим нарушением убытков, в том числе в размере уплаченного лизингодателю авансового платежа.

В соответствии с условиями договора купли-продажи права и обязанности сторон по нему возникают с момента подписания договора и предусмотренная договором предварительная оплата должна быть перечислена в течение пяти дней со дня возникновения прав и обязанностей по договору. Договор купли-продажи должен быть подписан представителями продавца, лизингодателя и лизингополучателя и составляется в четырех подлинных экземплярах (по одному для продавца и лизингополучателя, один — для лизингодателя, один — для совершения регистрационных действий в уполномоченных государственных органах), имеющих одинаковую юридическую силу.

Истец получил от лизингодателя для подписания все экземпляры договора купли-продажи, не содержащие подписей продавца, после чего подписанные со стороны лизингополучателя экземпляры договора были переданы лизингодателю. Однако со стороны продавца указанные экземпляры договора так и не были подписаны.

При этом из материалов дела не следует, что, совершая действия, отклоняющиеся от требований должной заботливости и осмотрительности (в частности, направляя продавцу предварительную оплату до завершения оформления договора купли-продажи и без какого-либо обеспечения исполнения обязательств со стороны последнего), лизингодатель получил одобрение лизингополучателя на совершение названных действий.

Таким образом, предварительная оплата продавцу фактически была произведена за счет средств, полученных от лизингополучателя, в нарушение порядка заключения договора купли-продажи, согласованного с лизингополучателем и без проявления необходимой осмотрительности, в связи с чем выводы судов об отказе в удовлетворении иска о возмещении убытков в размере уплаченного лизингополучателем авансового платежа не могут быть признаны обоснованными.

Определение № 305-ЭС22-27168

26. Навязанное лизингополучателю при заключении договора условие о значительной неустойке, начисляемой за нарушение дополнительной обязанности лизингополучателя и не направленной на компенсацию каких-либо имущественных потерь лизингодателя, признается судом ничтожным.

Общество (лизингодатель) и предприниматель (лизингополучатель) заключили договор финансовой аренды (лизинга) автомобиля. Впоследствии общество направило предпринимателю уведомление о расторжении договора в связи с допущенной просрочкой в уплате лизинговых платежей и изъяло предмет лизинга.

Предприниматель обратился в арбитражный суд с иском о признании недействительным договора лизинга и с учетом уплаченных ежемесячных лизинговых платежей, авансового платежа, страховой премии и оплаты сервисного обслуживания на стороне лизингодателя возникло неосновательное обогащение.

Суд первой инстанции, определив сальдо встречных обязательств сторон (при расчете сальдо суды учли стоимость возвращенного предмета лизинга, сумму предоставленного лизингополучателю финансирования, плату за названное финансирование, а также начисленные лизингодателем штрафные санкции), сделал вывод об отсутствии на стороне лизингодателя неосновательного обогащения и отказал в удовлетворении иска (с этим согласились суды апелляционной и кассационной инстанций). Суды указали, что при заключении договора истец должен был предвидеть наступление установленных Правилами лизинга транспортных средств, опубликованными на сайте лизингодателя (далее — правила лизинга) и являющимися неотъемлемой частью договора, неблагоприятных последствий в случае нарушения договорных обязательств; условия о безакцептном списании и применении штрафной неустойки сформулированы в договоре ясно, не были сокрыты от лизингополучателя, им не оспаривались.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

При реализации права на получение неустойки, как и при осуществлении любого иного гражданского права, в силу положений п. 3 ст. 1, п. 1 ст. 10 и п. 3 ст. 307 ГК РФ сторона обязательства должна действовать добросовестно — учитывать права и законные интересы другой стороны, воздерживаться от намеренного причинения вреда.

Суд вправе отказать в присуждении неустойки в пользу лица, действия которого носят заведомо недобросовестный характер, в частности, если лицо утратило интерес к обязательству, в отношении которого установлена неустойка, но продолжает требовать ее уплаты.

В данном случае неустойка начислена лизингодателем за неисполнение лизингополучателем обязанности обеспечить более выгодные условия безакцептного списания денежных средств с банковского счета на случай просрочки в уплате платежей: если в соответствии с п. 1 ст. 13 Федерального закона от 29 октября 1998 г. № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)» право на безакцептное списание возникает у лизингодателя при двукратной просрочке в уплате лизинговых платежей, то согласно условиям договора право безакцептного списания должно быть обеспечено уже при однократной просрочке.

Законный интерес кредитора в получении возможности безакцептного списания денеж-

ных средств со счета должника состоит в преимущественном оперативном удовлетворении его требований по сравнению с требованиями других кредиторов. Однако право на безакцептное списание, даже если оно было бы предоставлено кредитору, не гарантирует устранения имущественных потерь. Данное право фактически может быть реализовано только при наличии денежных средств на счете должника в соответствующем размере.

При рассмотрении дела не установлено, что в течение всего периода исполнения договора общество сталкивалось с необходимостью безакцептного списания денежных средств с банковского счета предпринимателя. После возникновения просрочки в уплате лизинговых платежей общество в одностороннем порядке отказалось от исполнения договора, изъяло у лизингополучателя предмет лизинга и продало его, т.е. имевшиеся у лизингодателя требования были удовлетворены за счет выручки, поступившей от продажи предмета лизинга, без необходимости прибегать к безакцептному списанию денежных средств со счета.

При этом в связи с допущенной просрочкой в уплате лизинговых платежей на основании п. 9.1 правил лизинга общество начислило неустойку, которая, как предполагается, направлена на компенсацию имущественных потерь лизингодателя, связанных с неисполнением денежного обязательства в срок.

Не заявляя в течение более чем двух лет о наличии у лизингополучателя обязанности по заключению соглашения с банком и уплате неустойки, начисленной на основании условий договора, лизингодатель способствовал увеличению (накоплению) суммы неустойки. В результате начисленная сумма неустойки превысила стоимость предмета лизинга (неустойка в данном размере впервые отражена лизингодателем в расчете сальдо лишь после предъявления предпринимателем иска в суд).

Судебная коллегия пришла к выводу о том, что данная неустойка установлена лизингодателем за неисполнение дополнительной (вспомогательной) обязанности и не имеет прямого отношения к пользованию денежными средствами при исполнении договора лизинга.

При этом с учетом расторжения договора поведение лизингодателя свидетельствует о том, что при начислении неустойки он не имел в действительности какого-либо интереса в защите своего права на безакцептное списание денежных средств, а действовал во вред лизингополучателю, стремясь избежать выплаты причитающихся ему денежных средств, т.е. исключительно с намерением обогатиться за счет другой стороны обязательства.

Определение № 307-ЭС23-5453

Практика применения законодательства об энергоснабжении и оказании коммунальных услуг

27. Временное технологическое присоединение, инициированное в целях осуществления мероприятий по технологическому присоединению с применением постоянной схемы электроснабжения, не подлежит оплате по стандартизированной тарифной ставке.

Между обществом (сетевой организацией) и заявителем 24 марта 2021 г. заключен договор об осуществлении постоянного технологического присоединения к электрическим сетям

энергопринимающих устройств. По условиям договора плата за технологическое присоединение составила 550 руб.

Впоследствии заявитель 5 апреля 2021 г. подал заявку о технологическом присоединении того же объекта по временной схеме электрообеспечения, по результатам рассмотрения которой стоимость такого присоединения составила 39 652 руб. 18 коп.

Департамент государственного регулирования тарифов (далее — департамент), рассмотрев обращение заявителя, своим приказом определил, что плата за технологическое присоединение энергопринимающих устройств заявителя к электрическим сетям общества должна составлять 550 руб.

Несогласие общества с вынесенным департаментом приказом послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что оспариваемый приказ соответствует положениям законодательства, регулирующего спорные отношения, не нарушает права общества, и отказали в удовлетворении заявленных требований.

Отменяя судебные акты и удовлетворяя заявленные обществом требования, арбитражный суд округа исходил из того, что одновременное получение льготной цены за временное и постоянное технологическое присоединение противоречит п. 17 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее — Правила № 861). Суд отметил, что в данном случае повторное предоставление льготы по заявке от 5 апреля 2021 г. на временное технологическое присоединение к электрическим сетям при наличии находящегося на исполнении заключенного договора от 24 марта 2021 г. на постоянное технологическое присоединение того же объекта, по которому установлен льготный размер платы за технологическое присоединение в размере 550 руб., направлено на злоупотребление правом со стороны потребителя, поскольку изменение договора от 24 марта 2021 г. в части цены уже невозможно, а в силу абз. 5 п. 9 Методических указаний по определению размера платы за технологическое присоединение к электрическим сетям, утвержденных приказом Федеральной антимонопольной службы от 29 августа 2017 г. № 1135/17, в границах муниципальных районов, городских округов и на внутригородских территориях федерального значения одно и то же лицо может осуществить технологическое присоединение в размере, не превышающем 550 руб., не более одного раза в течение 3 лет со дня подачи заявителем заявки на технологическое присоединение до дня подачи следующей заявки.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления арбитражного суда округа, судебные акты первой и апелляционной инстанций оставила в силе, указав следующее.

Согласно ст. 26 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ “Об электроэнергетике” технологическое присоединение к объек-

там электросетевого хозяйства энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, в том числе объектов микрогенерации, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, осуществляется в порядке, установленном Правительством РФ, и носит однократный характер.

Порядок технологического присоединения установлен Правилами № 861.

Согласно п. 2 Правил № 861 технологическое присоединение энергопринимающих устройств осуществляется с применением временной или постоянной схемы электроснабжения.

Временная схема электроснабжения согласно п. 53 Правил № 861 осуществляется до наступления срока технологического присоединения с применением постоянной схемы электроснабжения, установленного договором.

В данном случае временное технологическое присоединение инициировано заявителем в отношении объекта, технологическое присоединение энергопринимающих устройств которого с применением постоянной схемы электроснабжения являлось предметом договора от 24 марта 2021 г., в целях исполнения обязательств именно по этому договору; величина запрашиваемой мощности, категория надежности (третья) совпадали.

Применительно к данному случаю временное технологическое присоединение к электрическим сетям обусловлено осуществлением мероприятий по технологическому присоединению по постоянной схеме, не является самостоятельным и влечет фактическое подключение энергопринимающих устройств потребителя к сетям сетевой организации на постоянной основе только в результате исполнения договора технологического присоединения по постоянной схеме, имеющего однократный и бессрочный характер.

Применение предусмотренного абз. 8 п. 17 Правил № 861 ограничения к договорам временного технологического присоединения, заключаемым на период осуществления мероприятий по технологическому присоединению энергопринимающих устройств с использованием постоянной схемы электроснабжения, нивелирует смысл предоставления указанной льготы, поскольку работы, проводимые в рамках временной схемы электроснабжения, как правило, направлены на создание условий осуществления технологического присоединения по постоянной схеме электроснабжения и (или) являются частью этих работ.

В связи с этим судами первой и апелляционной инстанций сделан правильный вывод об отсутствии оснований для взимания с потребителя платы за временное технологическое присоединение по стандартизированной тарифной ставке.

Определение № 308-ЭС22-28041

28. Заключение между собственниками помещений в многоквартирном доме (в случае отсутствия в нем централизованного горячего водоснабжения) и ресурсоснабжающей организацией прямых договоров на поставку тепловой энергии для приготовления горячей воды законодательством не предусмотрено.

В управлении общества находится многоквартирный дом (далее — МКД), в котором отсутствует централизованное горячее водоснабжение, а приготовление горячей воды осуществ-

вляется с использованием индивидуального теплового пункта, входящего в состав общего имущества собственников помещений в МКД, путем подогрева холодной воды, поставляемой водоканалом.

Между компанией (ресурсоснабжающая организация; единая теплоснабжающая организация) и обществом (исполнитель) заключен договор, в соответствии с которым компания обязалась поставлять коммунальный ресурс — горячую воду, используемую для предоставления коммунальных услуг, а общество — оплачивать коммунальный ресурс и обеспечивать безопасную эксплуатацию и исправность внутридомовых инженерных систем, с использованием которых осуществляется потребление коммунального ресурса собственниками помещений в МКД.

Впоследствии общим собранием собственников помещений в МКД принято решение о заключении собственниками помещений прямых договоров с ресурсоснабжающими организациями на поставку коммунальных ресурсов — водоснабжения, водоотведения, электроснабжения, теплоснабжения.

Компания уведомила общество о том, что договор о предоставлении коммунальной услуги «отопление» будет заключен с собственниками помещений в МКД с 1 июля 2021 г.

За поставленную в МКД в период с 1 августа 2021 г. по 30 сентября 2021 г. тепловую энергию (теплоноситель) в целях приготовления горячей воды компания выставила обществу счета-фактуры, отказ от оплаты которых послужил основанием для обращения компании в арбитражный суд с иском о взыскании с общества задолженности.

Отказывая в иске, арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу о том, что договор между истцом и ответчиком в части поставки в МКД тепловой энергии для приготовления горячей воды на индивидуальные нужды прекратил свое действие в силу принятия общим собранием собственников помещений в МКД решения о переходе на прямые договоры с истцом, от заключения которых последний не вправе был уклониться, тогда как свои обязательства по оплате тепловой энергии на приготовление горячей воды в целях содержания общего имущества в МКД общество исполнило в полном объеме.

При этом довод истца о невозможности перехода на прямые договоры по горячему водоснабжению при нецентрализованной системе горячего водоснабжения (далее — ГВС) отклонен судами со ссылкой на то, что в п. 1 ч. 1 ст. 157² ЖК РФ не установлено ограничений для перехода на такие договоры в отношении МКД, не оборудованного централизованной системой ГВС.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшийся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Исчерпывающий перечень видов предоставляемых потребителям коммунальных услуг содержится в п. 4 Правил предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 6 мая 2011 г. № 354 (далее — Правила № 354). При этом предостав-

ление коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в МКД осуществляется исполнителем коммунальных услуг, которым в соответствии с п. 9 Правил № 354 может выступать управляющая организация, товарищество или кооператив, созданные в МКД, или ресурсоснабжающая организация.

В случае отсутствия в МКД централизованного горячего водоснабжения снабжение горячей водой потребителей в таком доме осуществляется исполнителем путем самостоятельного производства и предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению с использованием оборудования, входящего в состав общего имущества собственников помещений в МКД (подп. «б» п. 4, п. 54 Правил № 354).

Действующее жилищное законодательство (п. 4⁴ ч. 2 ст. 44, п. 1 ч. 1 ст. 157² ЖК РФ) предусматривает возможность перехода собственников и пользователей помещений в МКД на прямые договоры с ресурсоснабжающими организациями только в отношении строго определенного перечня коммунальных услуг (коммунальных ресурсов). Поскольку поставляемая компанией в спорный МКД «тепловая энергия на подогрев воды» не относится к коммунальным услугам, а входящее в состав общего имущества собственников помещений в МКД оборудование не использовалось компанией для самостоятельного приготовления горячей воды (п. 4 Правил № 354), вывод судов о том, что жилищное законодательство не устанавливает ограничений для перехода на прямые договоры собственников помещений с ресурсоснабжающими организациями в отношении МКД, не оборудованных централизованной системой ГВС, является ошибочным. Иной подход означал бы возложение на ресурсоснабжающую организацию в отсутствие какого-либо правового основания (договоров аренды, оказания услуг и т.п.) бремени содержания и ремонта внутридомового оборудования, с помощью которого готовится горячая вода, а также обязанностей по приобретению необходимой для оказания услуги по ГВС холодной воды и по контролю качества коммунальной услуги и его соответствия жилищному законодательству.

Из систематического толкования п. 1 ч. 1 ст. 157² ЖК РФ, пп. 4 и 54 Правил № 354 следует, что коммунальная услуга по ГВС в МКД с нецентрализованной системой ГВС может быть предоставлена только исполнителем, осуществляющим эксплуатацию относящегося к общему имуществу собственников помещений в МКД внутридомового оборудования, с помощью которого приготавливается горячая вода, и, следовательно, заключение собственниками помещений прямых договоров с ресурсоснабжающей организацией, поставляющей только один из необходимых для приготовления горячей воды компонентов (тепловую энергию), не допускается. Таким образом, отказ компании от перехода на прямые договоры по поставке тепловой энергии на подогрев воды является правомерным.

С учетом изложенного у судов отсутствовали основания для вывода о том, что заключенный между истцом и ответчиком договор в части поставки в МКД тепловой энергии для приготовления горячей воды на индивидуальные нужды прекратил свое действие в силу принятия общим собранием собственников помеще-

ний в МКД решения о переходе на прямые договоры с истцом. Поскольку жилищное законодательство не предусматривает заключение таких прямых договоров, решение общего собрания собственников в этой части не повлекло никаких юридических последствий и не могло служить единственным основанием для отказа в иске.

Определение № 307-ЭС23-2986

Практика применения законодательства о налогах и сборах

29. Возврат сумм налогов, излишне внесенных в бюджет в результате издания незаконного нормативного правового акта в сфере налогообложения, осуществляется с выплатой налогоплательщику процентов в порядке и сроки, установленные для возврата излишне взысканных налогов.

Общество является плательщиком налога на имущество организаций в отношении принадлежащего ему на праве собственности здания, которое ежегодно включалось в Перечень объектов недвижимого имущества, утвержденный постановлением Правительства г. Москвы от 28 ноября 2014 г. № 700-ПП, в отношении которых налоговая база определяется как их кадастровая стоимость, в связи с чем налог на имущество за налоговые периоды 2017—2021 гг. исчислялся и уплачивался обществом с учетом особенностей, установленных ст. 378² НК РФ, а именно исходя из кадастровой стоимости имущества.

Впоследствии вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции отдельные положения указанного Перечня, в котором было обозначено принадлежащее налогоплательщику здание, признаны не действующими с момента начала того налогового периода, на который они изначально распространяли свое действие.

Общество обратилось в налоговый орган с заявлением о возврате образовавшейся переплаты по налогу на имущество с начислением процентов за период со дня, следующего за днем взыскания по день фактического возврата налога, по которому получило отказ в возврате.

Не согласившись с отказом налогового органа, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования общества удовлетворены.

Суд кассационной инстанции принятые судебные акты отменил, в удовлетворении требований отказал в связи с пропуском срока на возврат налога.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ, рассматривая жалобу на постановление кассационного суда, отметила следующее.

Законодательство о налогах и сборах устанавливает публично-правовые механизмы восстановления имущественного положения плательщика при излишней уплате или излишнем взыскании публичных платежей.

Из положений ст.ст. 78 и 79 НК РФ (в редакции, действовавшей в период возникновения спорных правоотношений до вступления в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ) следует, что первая регулирует порядок возврата излишне уплаченных сумм, а

вторая — излишне взысканных сумм налогов и сборов. В зависимости от того, имела место излишняя уплата либо допущено излишнее взыскание налога, законодателем решен вопрос о начислении процентов и периоде, за который они начисляются.

Если основанием для излишнего поступления налогов в бюджет послужило издание незаконного нормативного правового акта в сфере налогообложения (ст. 6 НК РФ), спорные суммы налогов должны рассматриваться как излишне взысканные с начислением процентов по соответствующим правилам. Такие суммы налогов не могут рассматриваться как излишне уплаченные, поскольку в упомянутой ситуации налогоплательщик не допустил ошибки, а исполнял требование нормативного правового акта, впоследствии признанного незаконным.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации применимы положения ст. 79 НК РФ, устанавливающие правила возврата сумм излишне взысканных налогов.

Вместе с тем возврат излишне взысканного налога с начислением процентов производится при условии, что налогоплательщик обратился с заявлением о возврате в течение трех лет со дня, когда ему стало известно о факте излишнего взыскания с него налога.

По своему буквальному содержанию данная норма связывает начало течения срока на обращение налогоплательщика за возвратом излишне взысканных сумм налогов и выплатой процентов с совокупностью двух обстоятельств: во-первых, сумма налога должна быть внесена в бюджет и, во-вторых, налогоплательщику должно быть ясно, что налог незаконно взимается с него в повышенном размере.

О возникновении в будущем оснований для взимания налога на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости налогоплательщик, как правило, узнает еще до наступления очередного налогового периода — из результатов проведенных уполномоченными органами мероприятий по определению вида фактического использования зданий (строений, сооружений) и нежилых помещений для целей налогообложения.

Следовательно, установленный п. 3 ст. 79 НК РФ трехлетний срок на обращение налогоплательщика за возвратом налога и выплатой процентов должен исчисляться со дня исполнения налоговой обязанности за налоговый (отчетный) период, в котором утверждена оспариваемая кадастровая стоимость.

С учетом изложенного Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и для установления обстоятельств, связанных с определением срока для возврата излишне взысканных налогов, направила дело на новое рассмотрение.

Определение № 305-ЭС23-2253

Процессуальные вопросы

30. Если расходы по уплате арбитражного сбора за рассмотрение дела третейским судом возникли после даты принятия заявления о банкротстве должника, то требование о выдаче исполнительного листа на принудительное взыскание таких расходов является текущим и может быть рассмотрено вне рамок дела о банкротстве.

Решением третейского суда с компании в пользу общества взысканы расходы по уплате арбитражного сбора.

Впоследствии определением арбитражного суда в отношении компании введена процедура банкротства — наблюдение.

Требования общества, являвшиеся предметом рассмотрения в ходе третейского разбирательства, включены в реестр требований кредиторов компании.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в части взыскания с компании расходов по уплате арбитражного сбора.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением суда кассационной инстанции, заявление оставлено без рассмотрения.

Суды указали, что на момент рассмотрения указанного заявления в отношении компании была введена процедура наблюдения в рамках дела о банкротстве, следовательно, заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда не подлежит рассмотрению в данном деле.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело для рассмотрения по существу, указав следующее.

В силу абз. 2 п. 1 ст. 63, абз. 2 п. 1 ст. 81, абз. 8 п. 1 ст. 94 и абз. 7 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон № 127-ФЗ) с даты введения наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены только в рамках дела о банкротстве в порядке ст. 71 или ст. 100 Закона № 127-ФЗ (п. 27 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2012 г. № 35 “О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве”).

В связи с этим все иски о взыскании с должника долга по денежным обязательствам и обязательным платежам, за исключением текущих платежей и неразрывно связанных с личностью кредитора обязательств должника-гражданина, поданные в день введения наблюдения или позднее во время любой процедуры банкротства, подлежат оставлению без рассмотрения на основании п. 4 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

К текущим платежам, предъявляемым кредиторами должнику, относятся, если иное не установлено Законом № 127-ФЗ, денежные обязательства, возникшие после даты принятия заявления о признании должника банкротом (ст. 5 Закона № 127-ФЗ, п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 июля 2009 г. № 63 “О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве” (далее — постановление № 63)).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 16 постановления № 63, обязанность по возмещению судебных расходов (расходов на оплату услуг представителя, государственной пошлины и т.д.), понесенных лицом, в пользу которого принят судебный акт, для целей квалификации в качестве текущего платежа

считается возникшей с момента вступления в законную силу судебного акта о взыскании указанных расходов.

Поскольку арбитражный сбор, исходя из его правовой природы, является расходами, понесенными в целях защиты нарушенного (оспоренного) права, указанное разъяснение применимо и к случаям, связанным с взысканием арбитражного сбора за рассмотрение дела третейским судом.

В рассматриваемом деле обязательство по уплате арбитражного сбора возникло после даты принятия заявления о признании компании банкротом, следовательно, требование о выдаче исполнительного листа на принудительное взыскание расходов по уплате арбитражного сбора является текущим и на него, в силу указанных выше положений Закона № 127-ФЗ и разъяснений высших судебных инстанций, не распространяется условие о предъявлении в рамках дела о банкротстве.

С учетом указанных обстоятельств, а также того, что суды не опровергли классификацию заявителя расходов по уплате арбитражного сбора как текущих платежей, но соответствующие нормы Закона № 127-ФЗ и разъяснения высших судебных инстанций не применили, оставление заявления без рассмотрения фактически привело к тому, что заявитель не смог реализовать право на судебную защиту.

Таким образом, у судов отсутствовали основания для оставления заявления общества без рассмотрения.

Определение № 305-ЭС22-28568

31. При разрешении вопроса о компетенции арбитражных судов Российской Федерации по экономическим спорам, осложненным иностранным элементом, судам в соответствии с принципом наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации следует учитывать фактическое место исполнения договора.

Администрация округа обратилась в арбитражный суд с иском к администрации муниципалитета (Литовская Республика) о взыскании задолженности, ссылаясь на неисполнение администрацией округа условий партнерского соглашения, заключенного между администрацией муниципалитета и администрацией округа, для реализации проекта Программы приграничного сотрудничества Литва — Россия на 2014—2020 гг.

Возвращая искомое заявление, суд первой инстанции, с выводами которого согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, счел спор неподсудным арбитражным судам Российской Федерации, основываясь на общих положениях ст. 247 АПК РФ, а также отметив отсутствие исключительной компетенции арбитражного суда на рассмотрение данного дела.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в арбитражный суд первой инстанции, указав следующее.

При решении вопроса о принятии (возврате) искового заявления по экономическому спору, возникающему из отношений, осложненных иностранным элементом, арбитражный суд проверяет, не относится ли рассмотрение такого спора к исключительной компетенции арбитражных судов Российской Федерации (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда

РФ от 27 июня 2017 г. № 23 “О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом” (далее — постановление № 23).

Из системного толкования п. 1 ч. 2, п. 1 ч. 3 ст. 248¹ АПК РФ и с учетом целей законодательного регулирования следует, что сам по себе факт введения в отношении российского лица мер ограничительного характера предполагается достаточным для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию в иностранном государстве.

Введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц поражает их в правах, как минимум, репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами.

В данном случае в ходе судебного разбирательства администрация округа последовательно ссыалась на фактически введенный властями Литовской Республики с 19 сентября 2022 г. запрет въезда на территорию Литовской Республики гражданам Российской Федерации, что в силу ч. 1 ст. 69 АПК РФ может быть отнесено к общеизвестным фактам, не требующим доказывания.

Суды не дали правовой оценки указанным доводам, хотя они свидетельствуют о том, что, по сути, Литовской Республикой в отношении неопределенного круга лиц — граждан Российской Федерации введены дискриминационные меры ограничительного характера, затрудняющие обращение в суды указанного иностранного государства ввиду невозможности осуществить представление интересов, что с очевидностью препятствует доступу к правосудию администрации округа как российскому юридическому лицу.

Приведенные администрацией округа доводы могут свидетельствовать о нарушении права администрации округа на личное участие в судебном заседании, являющегося неотъемлемым элементом принципа состязательности и равноправия сторон.

Следует также учесть, что распоряжением Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р утвержден Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия, в который входят государства — члены Европейского союза, в том числе Литовская Республика.

Вместе с тем въезд на территорию Российской Федерации гражданам Литовской Республики не запрещался, право на судебную защиту не ограничивалось, что также подтверждает возможность полноценного рассмотрения спора между сторонами именно российским арбитражным судом.

Суд первой инстанции в определении о возвращении искового заявления сослался на то, что администрацией округа не представлено соглашение сторон об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации в отношении возникшего спора. Суд также указал, что партнерское соглашение подписано на территории Литовской Республики и регулируется законодательством Литовской Республики.

При этом в партнерском соглашении стороны не определили страну, суд которой компетентен рассматривать возникающие по нему споры, какое-либо исполнимое соглашение о выборе определенных судов Российской Федерации или Литовской Республики, иных судебных органов между сторонами также отсутствует.

То обстоятельство, что партнерское соглашение регулируется законодательством Литовской Республики (п. 1 параграфа 19), не свидетельствует о неподсудности спора российскому суду, поскольку в силу ст. 14 АПК РФ арбитражный суд Российской Федерации вправе применять нормы иностранного права, если это необходимо для разрешения спора.

Таким образом, с учетом общеизвестного факта, не требующего доказывания, введения в отношении Российской Федерации ограничительных мер санкционного характера со стороны ряда иностранных государств, в том числе членов Европейского союза (Литовская Республика), что напрямую препятствует доступу к правосудию ее резидентов, инициированный органом местного самоуправления, подпадающим под сферу санкционного воздействия, экономический спор подлежал отнесению к юрисдикции российского арбитражного суда.

При указанных обстоятельствах факт заключения партнерского соглашения на территории Литовской Республики, а равно нахождение ответчика на территории этого иностранного государства или оговорка о применимом праве, вопреки мнению судов, не имеют решающего значения для определения суда, компетентного рассматривать спор между сторонами.

В интересах законности Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ полагает необходимым также обратить внимание на следующее.

На основании общего критерия международной юрисдикции, закрепленного в п. 10 ч. 1 ст. 247 АПК РФ, спор в любом случае может быть рассмотрен в арбитражном суде Российской Федерации, если имеет место тесная связь спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, вне зависимости от того, отнесено ли рассмотрение дела к исключительной подсудности.

Согласно п. 3 ч. 1 ст. 247 АПК РФ арбитражные суды Российской Федерации обладают компетенцией на рассмотрение экономического спора с участием иностранного лица, в частности, если на территории Российской Федерации исполнено или должно быть полностью либо частично исполнено обязательство из договора, являющегося предметом спора, т.е. спор возник из договора, по которому исполнение должно иметь место или имело место на территории Российской Федерации.

Подтверждением наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации, в частности, могут служить доказательства того, что территория Российской Федерации является местом, где должна быть исполнена значительная часть обязательств, вытекающих из отношений сторон; предмет спора наиболее тесно связан с территорией Российской Федерации; основные доказательства по делу находятся на территории Российской Федерации (п. 15 постановления № 23).

Таким образом, в данном случае при разрешении вопроса о компетенции арбитражных судов Российской Федерации по экономическим спорам, осложненным иностранным элементом, судам в соответствии с принципом наличия тесной связи спорного правоотношения с территорией Российской Федерации следовало учитывать фактическое место исполнения партнерского соглашения.

Однако условия партнерского соглашения, порядок его исполнения, а также обстоятельства обращения администрации округа в арбитражный суд судами не анализировались, что свидетельствует о существенном нарушении норм процессуального права о подсудности дел с участием стороны, находящейся в недружественном государстве, и сложившейся судебной практике их применения.

В данном случае у судов отсутствовали основания для возвращения искового заявления администрации округа ввиду неподсудности дела.

Определение № 307-ЭС23-4890

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

32. Действия осужденного обоснованно квалифицированы по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку действия всех участников организованной группы независимо от их роли в преступлении признаются соисполнительством.

По приговору Московского городского суда от 17 февраля 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) З. осужден в том числе по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ за умышленное причинение смерти другому человеку организованной группой, из корыстных побуждений.

По этому же делу осуждены А., Л. и М.

В кассационной жалобе осужденный З. утверждал, что его действия, связанные с убийством У., необоснованно квалифицированы по признаку совершения данного преступления организованной группой, ссылаясь на неосведомленность о планируемом убийстве, указывал, что действий, направленных на лишение У. жизни, не совершал, осуществлял лишь обязанности водителя, просил приговор и апелляционное определение в части его осуждения за убийство отменить в связи с непричастностью к совершению данного преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 28 июня 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения, указав следующее.

Выводы суда о виновности осужденного З. в совершении убийства организованной группой, из корыстных побуждений соответствуют фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, и подтверждаются исследованными в суде и приведенными в приговоре доказательствами.

Так, осужденный З. в ходе предварительного расследования, на допросах в качестве подозреваемого, обвиняемого не отрицал, что договаривался с Л., Д. и А. оформить доверенность на продажу квартиры от имени убитого У.

М. в своих показаниях подробно пояснял о роли каждого из осужденных, в том числе и З., в составе организованной группы.

Из показаний А. следует, что в июне 2017 г. она договорилась с Л., Д. и З. об убийстве У. с целью завладения его квартирой.

Судом первой инстанции установлено, что преступления совершены организованной группой, активным участником которой являлся и осужденный З., что подтверждается совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств, свидетельствующих о сплоченности группы, ее устойчивости, распределении ролей между участниками, о действиях членов группы по заранее разработанному плану и наличии в ее составе организатора.

Действия осужденного З., несмотря на то, что он непосредственного участия в лишении жизни У. не принимал, правильно квалифицированы по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку убийство совершено организованной группой и действия всех участников независимо от их роли в преступлении признаются соисполнительством.

Определение № 5-УД22-62-А1

33. Характер действий лиц, переместивших на тонкий лед реки избитого потерпевшего, который провалился под лед и утонул, свидетельствует об умысле осужденных на причинение ему смерти.

По приговору Тверского областного суда от 1 декабря 2020 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) А. осужден по п. “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ за убийство, совершенное группой лиц.

По данному делу также осужден Р.

В кассационной жалобе осужденный А. выражал несогласие с приговором и апелляционным определением, оспаривал вывод суда о том, что потерпевший после нанесения ему телесных повреждений и перед помещением его на лед реки не был способен оказывать сопротивление, указывал, что он и Р. не принимали активных мер к утоплению Н., который, провалившись под лед, сам не принял мер к сохранению жизни, поскольку находился в состоянии алкогольного опьянения. Как полагал А., его действия следует квалифицировать по ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 июня 2022 г. оставила обжалуемые судебные решения без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

Выводы суда о виновности А. в содеянном соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждаются совокупностью доказательств, исследованных в ходе судебного разбирательства.

Так, из показаний А. следует, что он и Р. избивали Н., при этом Р. также нанес металлическим прутком с крюком на конце 4—5 ударов в область затылка потерпевшего, от чего у Н. возникли повреждения в виде окровавленных полос. После этого Р. потащил Н. к реке, при этом попросил А. помочь ему. Полагая, что потерпевший мертв, А. помог Р. донести Н. до берега, где они с Р. поместили его на лед, который сразу же проломился, и Н. стал уходить под воду. Помогая Р., он понимал, что лед на реке тонкий и Н. утонет.

Данные показания, за исключением той части, где А. пояснил, что, перемещая Н., он

думал, что тот уже мертв, судом обоснованно признаны достоверными, поскольку, как правильно указал суд, они последовательны, подробны в деталях, подтверждены А. в ходе проверки показаний на месте, согласуются с иными исследованными по делу доказательствами, в частности с показаниями свидетеля К., являвшегося очевидцем происшедшего, пояснившего обстоятельства возникшего конфликта, сообщившего о предложении Р. побить Н., с чем согласился А., о примененном ими насилии в отношении Н., в том числе о нанесении ударов в область затылка Н. металлическим прутом, один конец которого имел форму крюка, перемещения Р. и А. на лед реки потерпевшего, который провалился под лед и ушел под воду; с протоколами осмотра места происшествия, в ходе которого на берегу реки был осмотрен извлеченный из реки труп Н. с телесными повреждениями, на берегу реки был обнаружен и изъят металлический пруток, один конец которого закруглен и образует форму крюка, на резиновом коврике багажного отделения автомобиля были обнаружены и изъяты вещества биологического происхождения (кровь человека); с заключением судебно-медицинской экспертизы и дополнением к нему; заключениями судебных медико-криминалистических экспертиз.

Кроме того, суд обоснованно дал критическую оценку показаниям А. в той части, где он пояснил, что, перемещая Н., он думал, что тот уже мертв, как не соответствующим фактическим обстоятельствам дела и опровергающимся доказательствами, т.е. его собственными показаниями, данными в ходе проверки показаний на месте, из которых следует, что при перемещении Н. к реке последний пытался невнятно что-то сказать, а оказавшись в воде, совершал какие-то движения руками; показаниями свидетеля К., который видел, как Н. пытался выбраться из воды, так как дважды из воды поднимались его руки, после чего Н. скрылся под водой; при этом приведенные показания А. и К. согласуются с выводами судебно-медицинского эксперта о том, что после причинения телесных повреждений Н. мог находиться в сознании.

Оценив исследованные по делу доказательства в соответствии с положениями ст. 88 УПК РФ с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, а в их совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела, при этом все приведенные в приговоре доказательства являлись предметом судебного разбирательства и получили надлежащую оценку суда, в том числе и показания осужденного Р., суд подробно мотивировал, почему он принимает во внимание одни доказательства и отвергает другие, правильно признал положенные в основу приговора доказательства допустимыми и достоверными, поскольку они получены в соответствии с требованиями уголовного-процессуального закона и соответствуют установленным фактическим обстоятельствам дела.

Таким образом, оценив надлежащим образом исследованные по делу доказательства, суд пришел к обоснованному выводу о виновности А. в совершении преступления, который основан на совокупности доказательств, исследованных в судебном заседании и подробно изложенных в приговоре.

Все обстоятельства, подлежащие доказыванию, приведенные в ст. 73 УПК РФ, в том числе описание преступного деяния, совершенного А., с указанием места, времени, способа, мотива его совершения, были установлены судом и приведены в описательно-мотивировочной части приговора. При этом суд установил, что совместный умысел осужденных на причинение смерти Н. возник «на фоне неприязненных отношений» с ним.

Юридическая оценка действиям А. судом дана правильно. О наличии умысла на причинение смерти Н. свидетельствует то, что после совместного нанесения Н. телесных повреждений, в том числе металлическим прутом, Р. стал перемещать потерпевшего на лед реки, имевший незначительную толщину, а А. присоединился к Р., чтобы помочь ему, в результате чего Н., неспособный защищать себя и оказывать им сопротивление, был перемещен на лед, который под весом его тела провалился, и потерпевший утонул. При этом А. и Р. не могли не осознавать общественную опасность своих действий, совершаемых в отношении потерпевшего, в результате чего он может погибнуть, утонув в реке.

Определение № 35-УД22-8-А1

34. Убийство в процессе совершения насильственных действий сексуального характера надлежит квалифицировать как два самостоятельных преступления: убийство, сопряженное с насильственными действиями сексуального характера, и совершение действий сексуального характера с применением насилия к потерпевшей.

Установлено, что Ч., находясь в состоянии алкогольного опьянения в лесополосе, вытащил из автомашины находившуюся с ним знакомую С. с целью удовлетворения своих половых потребностей, подавляя ее волю к сопротивлению, действуя с особой жестокостью, понимая, что причиняет потерпевшей особые страдания в виде физических мучений, нанес ей отверткой не менее 45 ударов по различным частям тела, совершил в отношении ее насильственные действия сексуального характера, а затем, используя брюки потерпевшей, накиннул их на шею С. и стал душить.

Смерть С. наступила от колотых ранений грудной клетки, проникающих в плевральную полость, с повреждением нижней доли левого легкого и левого желудочка сердца, обусловивших развитие массивной кровопотери. После этого Ч. перетащил труп потерпевшей в лесополосу и похитил принадлежащее С. имущество, причинив ущерб в размере 21 500 руб.

Действия Ч. квалифицированы судом по пп. «д», «к» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 132, ч. 1 ст. 158 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный Ч. просил изменить приговор, переквалифицировать его действия с ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ, отменить приговор в части его осуждения по п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ и прекратить уголовное дело ввиду отсутствия состава преступления, ссылаясь на то, что не имел умысла на убийство с особой жестокостью, указывая, что обвинительный приговор основан на предположениях и недопустимых доказательствах.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 2 июня 2022 г. оставила приговор и апелляционное определение без из-

менения, а кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

Выводы суда о виновности Ч. в содеянном при установленных судом обстоятельствах соответствуют фактическим обстоятельствам дела и подтверждаются совокупностью доказательств, исследованных в ходе судебного разбирательства: показаниями самого Ч. в ходе предварительного следствия и судебного заседания, не отрицавшего, что именно он нанес потерпевшей телесные повреждения, от которых она скончалась, а также похитил ее вещи, что совершил с потерпевшей половой акт в извращенной форме, утверждая только, что совершил его, когда С. была уже мертва, а также протоколами осмотров места происшествия, в ходе которых были обнаружены труп потерпевшей и разбросанная одежда, заключением судебно-медицинской экспертизы о тяжести и локализации телесных повреждений, установленных на трупе С., и причине ее смерти, показаниями потерпевшей Ж. и свидетелей, содержание которых подробно изложено в приговоре.

Утверждение осужденного о том, что половой акт был совершен им, когда потерпевшая была мертва, опровергнуто в суде заключением комиссионной судебно-медицинской экспертизы, согласно выводам которой все телесные повреждения, в том числе и установленные в области слизистой оболочки прямой кишки, являются прижизненными, что подтвердила в суде допрошенная по ходатайству стороны защиты эксперт А. Данные выводы согласуются с показаниями свидетеля Р. о сексуальных предпочтениях Ч.

Юридическая оценка действий Ч. основана на установленных судом фактических обстоятельствах дела и является верной.

Судом правильно установлено наличие в действиях осужденного квалифицирующего признака убийства и насильственных действий сексуального характера «с особой жестокостью». Нанесенные Ч. удары отверткой на значительную проникающую глубину не менее 8 см, их количество подтверждают вывод суда о том, что потерпевшая при их нанесении испытывала особые физические страдания.

Убийство в процессе совершения насильственных действий сексуального характера следует квалифицировать как два самостоятельных преступления: не только как убийство, сопряженное с насильственными действиями сексуального характера, но и как совершение действий сексуального характера с применением насилия к потерпевшей с особой жестокостью.

Определение № 35-УД22-9-А1

Назначение наказания

35. Суд не может назначить осужденному наказание в виде лишения права занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях, на унитарных предприятиях и в акционерных обществах, а также в государственных корпорациях и компаниях, поскольку запрет занимать указанные должности законом (ст. 47 УК РФ) не предусмотрен.

По приговору Каширского городского суда Московской области от 19 октября 2020 г., оставленному без изменения апелляционным постановлением и определением суда кассационной инстанции, К. осужден по ч. 2 ст. 292 УК РФ к двум годам лишения свободы, на основании ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком на два года, с лишением права занимать

должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, сроком на три года.

К. признан виновным в служебном подлоге, т.е. во внесении должностным лицом¹ в официальные документы заведомо ложных сведений, совершенном из личной заинтересованности, повлекшем существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

В кассационной жалобе адвокат, выступавший в защиту осужденного, оспаривал состоявшиеся судебные решения, в том числе в части квалификации действий К. как служебного подлога.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 25 января 2022 г. изменила приговор и последующие судебные решения, отметив следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 47 УК РФ наказание в виде лишения права занимать определенные должности состоит в запрещении занимать должности только на государственной службе или в органах местного самоуправления.

Как следует из приговора, наряду с основным наказанием в виде лишения свободы суд назначил К. дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям.

Между тем такого дополнительного наказания, указанного в приговоре, как запрет занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, ст. 47 УК РФ, с учетом положений Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации», не предусмотрено.

¹В соответствии с распоряжением руководителя администрации Каширского муниципального района и дополнительным соглашением к трудовому договору К. состоял на муниципальной службе в должности заместителя председателя Комитета по экономической политике — начальника отдела поддержки предпринимательства и услуг администрации Каширского муниципального района.

Указанное обстоятельство при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции и судебной коллегией по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции не было принято во внимание.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ определила: приговор, апелляционное постановление и кассационное определение в отношении К. изменить, исключить назначение осужденному дополнительного наказания в виде запрета занимать должности в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах.

Определение № 4-УД21-54-К1

36. Мнение потерпевшего о назначении строгого наказания не может учитываться судом при вынесении приговора.

По приговору Сузунского районного суда Новосибирской области от 28 апреля 2015 г. Б., несудимый, осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к девяти годам шести месяцам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ к одному году шести месяцам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний ему назначено десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 13 июля 2015 г. приговор в отношении Б. оставлен без изменения.

Постановлением президиума Новосибирского областного суда от 21 апреля 2017 г. приговор и апелляционное определение в отношении Б. оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Б. выражал несогласие с состоявшимися судебными решениями, считая их незаконными, вынесенными с существенными нарушениями уголовного и уголовно-процессуального законов, обращал внимание на то, что суд первой инстанции в нарушение требований закона учел мнение потерпевшего К. о назначении ему строгого наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 22 июня 2022 г. изменила обжалуемые судебные решения по следующим основаниям.

Согласно приговору при определении вида и размера наказания наряду с характером и степенью общественной опасности совершенных Б. преступлений, данными о личности виновного, который ранее не судим и впервые привлекается к уголовной ответственности, о состоянии его здоровья, признанием им в ходе предварительного расследования и судебного следствия вины в причинении потерпевшему телесных повреждений и действиях, направленных на угон автомобиля, суд учел позицию потерпевшего К. о назначении строгого наказания за совершение Б. убийства.

Обстоятельствами, смягчающими наказание, суд признал явку Б. с повинной и его молодой возраст.

В качестве обстоятельства, отягчающего наказание, суд учел совершение Б. преступлений в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя.

В силу ст. 6 УК РФ наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, при этом в соответствии с положениями ст. 60 УК РФ при назначении наказания судом учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Мнение потерпевшего о назначении строгого наказания не может учитываться судом при вынесении приговора.

При назначении Б. наказания суд в приговоре учел мнение потерпевшего К. о необходимости назначения подсудимому строгого наказания за содеянное, т.е. фактически признал мнение потерпевшего обстоятельством, отягчающим наказание, что противоречит положениям ст. 63 УК РФ, содержащей исчерпывающий перечень отягчающих наказание обстоятельств, который расширительному толкованию не подлежит.

Допущенные судом при постановлении приговора нарушения уголовно-процессуального и уголовного законов не были устранены при апелляционном и кассационном рассмотрении уголовного дела.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор, апелляционное определение и постановление президиума Новосибирского областного суда в отношении Б. изменила: исключила из приговора указание о назначении Б. по ч. 1 ст. 105 УК РФ наказания с учетом мнения потерпевшего К. о строгом наказании; смягчила назначенное Б. наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ до девяти лет трех месяцев лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных по ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 166 УК РФ наказаний назначила Б. девять лет шесть месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Определение № 67-УД22-12

37. Положения ч. 1 ст. 62 УК РФ не применяются, если соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ предусмотрены наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни.

По приговору Новосибирского областного суда от 11 августа 2021 г. П., несудимый, осужден по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ к шестнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на один год, по пп. "в", "г" ч. 3 ст. 158 УК РФ к трем годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний к семнадцати годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год с отбыванием основного наказания в исправительной колонии строгого режима; А., несудимая, осуждена по ч. 5 ст. 33, п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ к одиннадцати годам лишения свободы с ограничением свободы на один год с отбыванием в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 25 ноября

2021 г. приговор в отношении П. и А. оставлен без изменения.

В кассационных жалобах осужденная А., а также адвокат Т. и защитник И., действующие в интересах осужденного П., выражали несогласие с вынесенными судебными решениями ввиду допущенных существенных нарушений уголовного и уголовно-процессуального законов, повлиявших на исход дела. При этом осужденная А. указывала, что приговор является несправедливым вследствие чрезмерной суровости назначенного ей наказания.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 9 июня 2022 г. оставила кассационные жалобы на обжалуемые судебные решения без удовлетворения, указав следующее.

Назначенное П. и А. наказание является справедливым, поскольку соответствует характеру и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, обстоятельствам их совершения, их роли в убийстве и личности каждого из осужденных.

При этом судом были учтены все данные, влияющие на наказание, смягчающие обстоятельства, в том числе наличие у осужденных малолетних детей, состояние здоровья А., ее мамы и ребенка.

С учетом установленных смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных п. “и” ч. 1 ст. 61 УК РФ, положений ч. 2 ст. 57 УК РФ и отсутствия отягчающих обстоятельств суд назначил А. наказание по правилам ч. 1 ст. 62 УК РФ.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 62 УК РФ при назначении наказания П. суд обоснованно не применил правила ч. 1 ст. 62 УК РФ, поскольку санкция ч. 2 ст. 105 УК РФ предусматривает наказание в виде пожизненного лишения свободы, а в отношении ч. 3 ст. 158 УК РФ таких смягчающих наказание П. обстоятельств судом не установлено.

Оснований для смягчения назначенного осужденным наказания, в том числе применения к А. положений ч. 6 ст. 15, ст. 64, ст. 73 УК РФ и отсрочки отбывания наказания до достижения детьми четырнадцатилетнего возраста, не усматривается.

Определение № 67-УД22-13-А5

Процессуальные вопросы

38. В соответствии с ч. 4 ст. 281 УПК РФ заявленный в суде отказ свидетеля от дачи показаний не препятствует оглашению показаний, данных этим лицом в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу в отношении его.

По приговору Воронежского областного суда от 14 апреля 2021 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Э. осужден по п. “в” ч. 4 ст. 162, пп. “в”, “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат П. в интересах осужденного Э. выражал несогласие с приговором и апелляционным определением ввиду существенных нарушений уголовно-процессуального закона, допущенных судами, указывал помимо прочего, что показания, данные в качестве подозреваемого и обвиняемого В., ранее осужденного по приговору Воронежского областного суда от 22 декабря 2016 г. за те же преступления в отношении М., за которые осужден Э., были оглашены в судебном заседании

по делу в отношении Э. на основании ч. 3 ст. 281 УПК РФ, что следует из протокола судебного заседания, хотя суд апелляционной инстанции в своем определении указал на оглашение показаний В. в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 276 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 16 июня 2022 г., отвечая на доводы, изложенные в кассационной жалобе, указала следующее.

Как следует из протокола судебного заседания, судебное следствие проведено на основе принципа состязательности сторон, с учетом требований ст. 252 УПК РФ о пределах судебного разбирательства, главы 37 УПК РФ и положений ст. 335 УПК РФ об особенностях судебного следствия в суде с присяжными заседателями. С их участием исследовались лишь те доказательства, которые содержали данные о фактических обстоятельствах дела, подлежащих установлению присяжными заседателями, и были признаны судом допустимыми с точки зрения их соответствия требованиям закона. Это относится и к показаниям свидетеля В., данным в ходе предварительного расследования и оглашенным в судебном заседании с соблюдением требований ст.ст. 276 и 281 УПК РФ, допустимость которых оспаривается стороной защиты.

В судебном заседании исследованы полученные в соответствии с требованиями закона доказательства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела, стороны не были ограничены в праве их представления, заявленные сторонами ходатайства рассматривались с соблюдением процедуры, установленной уголовно-процессуальным законом.

Свидетель В. в судебном заседании был допрошен в соответствии с процессуальным статусом, которым он обладал по уголовному делу в отношении Э., с учетом особенностей его правового положения, обусловленных тем, что В., ранее осужденный, допрашивался по делу соучастника преступлений (Э.), выделенному в отдельное производство. В связи с этим, как следует из протокола судебного заседания, суд разъяснил В. права и обязанности, предусмотренные ст. 56 УПК РФ, ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также гражданскую обязанность давать суду правдивые показания. При этом В. с учетом особенностей его правового положения не предупреждался об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

В соответствии с требованиями закона заявленный в суде отказ В. от дачи показаний не препятствовал оглашению его показаний, данных в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовным делам в отношении его.

Определение № 14-УД22-4СП-А1

39. Нерассмотрение судом кассационной инстанции кассационной жалобы адвоката, поданной в установленном законом порядке, одновременно с жалобой осужденного, является основанием отмены кассационного определения ввиду нарушения требований ч. 3 ст. 401¹⁴ УПК РФ.

По приговору Буденновского городского суда Ставропольского края от 15 января 2021 г. (с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции) С. осужден по п. “з” ч. 2 ст. 111 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 30 ноября 2021 г. приговор и апелляционное определение оставлены без изменения.

В кассационной жалобе, именуемой заявлением, осужденный С. выражал несогласие в том числе с кассационным определением Пятого кассационного суда общей юрисдикции, указывая, что при рассмотрении дела судом кассационной инстанции нарушены требования уголовно-процессуального закона, поскольку судом не была рассмотрена кассационная жалоба адвоката Т.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 8 июня 2022 г. отменила кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции по следующим основаниям.

Согласно ч. 4 ст. 7 УПК РФ определения суда, постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

В соответствии с ч. 3 ст. 401¹⁴ УПК РФ определение и постановление суда кассационной инстанции должны соответствовать требованиям чч. 3 и 4 ст. 389²⁸ УПК РФ, согласно которым в судебном решении должны содержаться краткое изложение доводов лица, подавшего жалобу, мотивы принятого решения и основания, по которым приговор признается законным, обоснованным и справедливым, а жалоба или представление — не подлежащими удовлетворению, либо основания полной или частичной отмены или изменения обжалованного судебного решения.

Согласно ч. 1 ст. 401¹⁵ УПК РФ основаниями отмены или изменения приговора, определения или постановления суда при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке являются существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела.

Такие нарушения уголовно-процессуального закона были допущены судебной коллегией по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции при вынесении определения в отношении С.

Из материалов уголовного дела усматривается, что приговор и апелляционное определение были обжалованы в кассационном порядке осужденным С. и его защитником — адвокатом Т. При этом судом первой инстанции были выполнены требования ст. 401⁷ УПК РФ, и 12 августа 2021 г. кассационные жалобы осужденного С. и его защитника — адвоката Т. вместе с уголовным делом были направлены для рассмотрения в Пятый кассационный суд общей юрисдикции.

30 ноября 2021 г. состоялось кассационное рассмотрение уголовного дела в отношении С. лишь по кассационной жалобе осужденного, по итогам которого приговор и апелляционное определение оставлены без изменения, а кассационная жалоба — без удовлетворения.

Вместе с тем кассационная жалоба адвоката Т., переданная на рассмотрение суда кассационной инстанции одновременно с кассационной жалобой осужденного, как следует из материалов уголовного дела, не была рассмотрена судом кассационной инстанции. В определении судебной коллегии по уголовным делам Пятого кассационного суда общей юрисдикции

доводы, приведенные в кассационной жалобе адвоката Т., не отражены, ответы на них не даны, какое-либо решение по этой жалобе защитника судом кассационной инстанции не принято.

Таким образом, указанное кассационное определение не может быть признано законным и обоснованным, отвечающим требованиям ч. 4 ст. 7 и ч. 3 ст. 401¹⁴ УПК РФ.

Определение № 19-УД22-8-К5

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

40. При проверке законности и обоснованности решения о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации суд во избежание избыточного ограничения прав и свобод иностранного гражданина должен оценить необходимость такой меры и ее соразмерность допущенным нарушениям законодательства.

Г. — гражданка Республики Азербайджан, супруг которой умер и похоронен в Российской Федерации, согласно сведениям ФМС России, с июля 2011 г. неоднократно въезжала на территорию Российской Федерации, в том числе 1 октября 2014 г., где находилась непрерывно до 29 января 2018 г.

В Российской Федерации проживают взрослые дети Г.: дочь Л., на основании выданного вида на жительство, имеющая двух несовершеннолетних дочерей, гражданок Российской Федерации, сын С. — гражданин Российской Федерации.

25 ноября 2019 г. при въезде на территорию Российской Федерации для постоянного проживания, как указано в миграционной карте, Г. узнала о принятии ОМВД России по городскому округу в отношении ее решения о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации сроком до 29 января 2028 г. (далее — оспариваемое решение).

Решение принято на основании подп. 14 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” (далее — Федеральный закон № 114-ФЗ) в связи с тем, что Г. в нарушение установленного ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 115-ФЗ) в период своего временного пребывания находилась в Российской Федерации непрерывно свыше двухсот семидесяти суток со дня окончания предусмотренного названным Федеральным законом срока временного пребывания и не вышла своевременно из страны.

Считая оспариваемое решение неправильным, Г. обратилась в суд с административным иском о признании его незаконным и о его отмене.

Решением суда первой инстанции административный иск удовлетворен.

Суд первой инстанции, установив, что дети Г. длительное время проживают на территории Российской Федерации, являются российскими гражданами, пришел к выводу об обоснованности заявленных требований и признал оспариваемое решение незаконным, сделав заключение о чрезмерном ограничении права административного истца на уважение семейной жизни и

его несоразмерности тяжести совершенного ею проступка.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения кассационным судом общей юрисдикции, названный судебный акт отменен, принято новое решение об отказе в удовлетворении административного иска.

При этом суд апелляционной инстанции исходил из того, что Г. длительное время пребывала на территории Российской Федерации без законных оснований, доказательств невозможности покинуть Российскую Федерацию в установленный законом срок не представила, что свидетельствует о ее пренебрежительном отношении к законодательству Российской Федерации.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ определение суда апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции, указав следующее.

Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации, а также отношения между иностранными гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны, возникающие в том числе в связи с пребыванием (проживанием) иностранных граждан в Российской Федерации, регулируются Федеральным законом № 115-ФЗ.

В силу ст. 5 названного Закона по общему правилу срок временного пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина, прибывшего в порядке, не требующем получения визы, не может превышать девяносто суток суммарно в течение каждого периода в сто восемьдесят суток, а также в случае, если такой срок не продлен в соответствии с данным Законом. При этом непрерывный срок временного пребывания в Российской Федерации не может превышать девяносто суток (абз. 2 п. 1); временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин обязан выехать из страны по истечении срока действия его визы или иного срока временного пребывания, установленного этим Законом или международным договором Российской Федерации (п. 2).

Вопросы выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию, в том числе иностранных граждан, регулируются Федеральным законом № 114-ФЗ.

В соответствии с подп. 14 ч. 1 ст. 27 данного Закона въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину не разрешается в течение десяти лет со дня выезда из Российской Федерации в случае, если он в период своего предыдущего пребывания в Российской Федерации не выехал из Российской Федерации и находился в Российской Федерации непрерывно свыше двухсот семидесяти суток со дня окончания предусмотренного федеральным законом срока временного пребывания в стране.

Из положений ч. 1 ст. 27, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации следует, что любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель (обеспечение защиты основ конституционного строя, общественного спокойствия, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и

безопасности государства), являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из перечисленных критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что, оценивая нарушение тех или иных правил пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации как противоправное деяние, следовательно, требующее применения мер государственного принуждения, уполномоченные органы исполнительной власти и суды обязаны соблюдать вытекающие из Конституции Российской Федерации требования справедливости и соразмерности, которые предполагают дифференциацию публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обусловливающих индивидуализацию при применении взыскания.

Суды, рассматривая дела, связанные с нарушением иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, должны учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, обращение о приеме в российское гражданство. Уполномоченные органы обязаны избегать формального подхода при рассмотрении вопросов, касающихся в том числе и неразрешения въезда в Российскую Федерацию (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. № 5-П, Определение от 2 марта 2006 г. № 55-О).

Таким образом, необходимость ограничения прав и свобод человека должна быть обусловлена установленными фактическими обстоятельствами. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения при условии соблюдения баланса между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества.

В любом случае суды, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, должны исследовать и оценивать реальные обстоятельства, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного гражданина необходимыми и соразмерными; в противном случае это может привести к избыточному ограничению прав и свобод иностранных граждан.

Между тем, как усматривается из обжалуемых судебных актов, суды, сославшись на отсутствие сведений об уважительных причинах нахождения административного истца после истечения срока законного пребывания на территории Российской Федерации и обстоятельств, объективно препятствующих ей покинуть территорию страны, расценили ее поведение как сознательное пренебрежительное отношение к законодательству Российской Федерации, сделали вывод о соразмерности примененной административным ответчиком меры

ответственности в виде неразрешения въезда на территорию Российской Федерации, сочли оспариваемое решение в качестве адекватной меры реагирования государства на поведение Г., оставив без правовой оценки то обстоятельство, что запрет на въезд в Российскую Федерацию в течение длительного времени применен в отношении женщины, дети и внуки которой являются российскими гражданами, при отсутствии с ее стороны угрозы общественному порядку и общественной безопасности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ признала заслуживающим внимание факт захоронения умершего в 2013 году супруга Г. на территории Российской Федерации, где проживали и проживают близкие родственники административного истца, с которыми ввиду запрета на въезд она лишена возможности личного общения.

Суд апелляционной инстанции, признавая оспариваемое решение законным, не нарушающим прав административного истца, в нарушение ст. 311 КАС РФ, устанавливающей требования к принимаемому судом апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы судебному акту, не указал мотивы, по которым отклонил положенные в основу решения суда первой инстанции не опровергнутые административным ответчиком обстоятельства о том, что Г. вместе с семьей приехала из Республики Азербайджан и проживала в Российской Федерации с середины 1990-х годов, в связи с состоянием здоровья не работает, материально обеспечивает ее сын, вместе с которым она проживает на территории Российской Федерации.

Суд кассационной инстанции не устранил допущенные судом апелляционной инстанции нарушения норм процессуального права, отметив отсутствие полномочий по переоценке доказательств.

С учетом изложенного Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ определения суда апелляционной и кассационной инстанций отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции.

Определение № 4-КАД22-37-К1

41. При рассмотрении административного дела о признании незаконным распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащего освобождению из мест лишения свободы, суды не установили обстоятельства, имеющие существенное значение для дела (в частности, отношение административного истца к уплате российских налогов, наличие у него постоянного дохода, родственных связей, жилья на территории Российской Федерации, профессии).

О. обратился в суд с административным иском заявлением к ФСИН России о признании незаконным распоряжения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, подлежащего освобождению из мест лишения свободы (далее также — распоряжение о нежелательности пребывания), в обоснование которого указал, что оспариваемое распоряжение принято без учета его социальных и родственных связей, поскольку он приехал в Российскую Федерацию в одиннадцатилетнем возрасте, на территории данного государства проживают его мать и сестра, которые являются гражданами Российской Федера-

ции, какую-либо угрозу общественному порядку, правам и законным интересам граждан Российской Федерации не создаст.

Решением суда первой инстанции административные иски оставлены без удовлетворения.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено, распоряжение ФСИН России признано незаконным.

Разрешая заявленные требования и отказывая в их удовлетворении, суд первой инстанции указал на то, что распоряжение ФСИН России о нежелательности пребывания О. в Российской Федерации принято уполномоченным органом с соблюдением установленной законом процедуры, является оправданным, справедливым и соразмерным с учетом степени опасности совершенного административным истцом деяния. При этом суд отметил, что наличие у О. матери — гражданки Российской Федерации не является безусловным основанием для признания оспариваемого распоряжения нарушающим право истца на уважение личной и семейной жизни, поскольку, принимая данное распоряжение, административный ответчик исходил из приоритета большинства населения государства, чья безопасность не может быть поставлена в зависимость от наличия у лица без гражданства, имеющего непогашенную судимость, семейных связей на территории Российской Федерации.

Отменяя решение суда и удовлетворяя заявленные требования, суд апелляционной инстанции исходил из того, что О. является лицом без гражданства, родственных связей и жилья на территории иных государств не имеет, данные, свидетельствующие о том, что пребывание (проживание) административного истца на территории Российской Федерации создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку либо здоровью населения, отсутствуют.

Суд кассационной инстанции, признавая выводы суда апелляционной инстанции обоснованными, также указал, что распоряжение о нежелательности пребывания создает препятствия для реализации истцом права на семейную жизнь, так как мать административного истца страдает заболеванием и нуждается в уходе со стороны сына.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ определения судов апелляционной и кассационной инстанций отменила и дело направила на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Согласно подп. 3 ч. 1 ст. 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ “О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию” въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину не разрешается в случае, если иностранный гражданин имеет неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации.

О. с 2005 года проживает на территории Российской Федерации, гражданство Российской Федерации в установленном законом порядке не получал.

Вступившим в законную силу приговором суда О. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. “з” ч. 2 ст. 111

УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, с применением предметов, используемых в качестве оружия), и ему назначено наказание в виде лишения свободы.

На основании ч. 4 ст. 25¹⁰ Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ ФСИН России в отношении О., являющегося лицом без гражданства, совершившим тяжкое преступление, принято распоряжение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации сроком на восемь лет после отбытия наказания до момента погашения судимости в соответствии с ч. 3 ст. 86 УК РФ. На момент принятия данного распоряжения судимость О. погашена не была.

При таких обстоятельствах вопреки выводу судов апелляционной и кассационной инстанций факт наличия у административного истца непогашенной судимости за названное преступление служит основанием для оценки его личности как обладающей повышенной общественной опасностью, создающей угрозу правам и законным интересам других лиц, интересам правопорядка.

На основании ч. 1 ст. 27 Конституции Российской Федерации каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место жительства. Любое ограничение прав и свобод человека должно быть основано на федеральном законе, преследовать социально значимую, законную цель (обеспечение защиты основ конституционного строя, общественного спокойствия, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства), являться необходимым в демократическом обществе (пропорциональным преследуемой социально значимой, законной цели).

Несоблюдение одного из этих критериев представляет собой нарушение прав и свобод человека, которые подлежат судебной защите в установленном законом порядке.

Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что, оценивая нарушение тех или иных правил пребывания (проживания) иностранных граждан в Российской Федерации как противоправное деяние, а именно как административный проступок, требующий применения мер государственного принуждения, уполномоченные органы исполнительной власти и суды обязаны соблюдать вытекающие из Конституции Российской Федерации требования справедливости и соразмерности, которые предполагают дифференциацию публично-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания.

Суды, рассматривая дела, связанные с нарушением иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, должны учитывать обстоятельства, касающиеся длительности проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение

о приеме в российское гражданство (Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. № 5-П, Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 55-О).

Таким образом, необходимость ограничения прав и свобод человека должна быть обоснована исходя из установленных фактических обстоятельств. Ограничение прав и свобод человека допускается лишь в том случае, если имеются относимые и достаточные основания для такого ограничения, а также если соблюдается баланс между законными интересами лица, права и свободы которого ограничиваются, и законными интересами иных лиц, государства, общества. В любом случае суды, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, должны исследовать и оценивать реальные обстоятельства, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного гражданина необходимыми и соразмерными; в противном случае это может привести к избыточному ограничению прав и свобод иностранных граждан.

Согласно п. 7 ст. 6, ст. 14, ч. 1 ст. 63 КАС РФ достижение задач административного судопроизводства невозможно без соблюдения принципа состязательности и равноправия его сторон при активной роли суда.

Данный принцип выражается в том числе в принятии судом предусмотренных Кодексом административного судопроизводства РФ мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения административного дела.

В нарушение п. 5 ч. 2 ст. 311 и положений главы 34 КАС РФ суд апелляционной инстанции не исследовал и не установил обстоятельства, позволяющие надлежащим образом оценить соразмерность последствий принятого в отношении О. распоряжения о нежелательности пребывания, в числе которых — отношение административного истца к уплате российских налогов, наличие постоянного дохода, жилья на территории Российской Федерации, профессии, а также причин, по которым О. до указанного времени не легализовал свое нахождение на территории Российской Федерации и не обратился с заявлением о приеме в российское гражданство.

Признавая незаконным распоряжение о нежелательности пребывания, суд апелляционной инстанции указал на отсутствие у административного истца родственных связей и жилья на территории иных государств. Однако какими-либо данными такие выводы не подтверждены.

Кроме того, в материалах дела отсутствуют доказательства, подтверждающие наличие у трудоспособной матери административного истца заболевания и о ее нуждаемости в помощи других лиц. Судами не выяснялся вопрос о наличии у нее иных родственников помимо сына, тогда как в административном исковом заявлении и апелляционной жалобе О. ссылались на то, что на территории Российской Федерации проживает его сестра, являющаяся гражданкой данного государства.

Изложенное свидетельствует о том, что вывод суда апелляционной инстанции, с которым согласился кассационный суд общей юрисдик-

ции, о незаконности распоряжения о нежелательности пребывания основан на неправильном применении норм процессуального права, сделан преждевременно, без исследования и учета фактических обстоятельств по административному делу.

Определение № 18-КАД22-64-К4

42. Действующее уголовно-исполнительное законодательство исключает возможность индивидуального хранения и эксплуатации в исправительных учреждениях радиоприемников, в связи с чем суд первой инстанции правомерно отказал осужденному в удовлетворении административного иска о признании действий по изъятию радиоприемника незаконными.

Сотрудник отдела безопасности исправительного учреждения из посылки, адресованной отбывающему в учреждении наказание в виде лишения свободы осужденному Ч., изъясил радиоприемник как запрещенную вещь, составил соответствующий акт и внес об этом запись в журнал приема посылок и передач.

Ч. обратился в суд с административным исковым заявлением о признании указанных действий незаконными, возложении обязанности вернуть радиоприемник и взыскать сумму компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении в размере 20 000 руб.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска отказано.

При этом суд пришел к выводу, что радиоприемник относится к предметам, которые осужденным запрещено иметь при себе, поскольку он подлежит только коллективному использованию. Установив отсутствие обращений административного истца к начальнику исправительного учреждения об использовании данного технического средства для нужд отряда, суд признал оспариваемые действия уполномоченных должностных лиц исправительного учреждения правомерными, в связи с чем оснований для взыскания суммы компенсации в пользу осужденного не усмотрел.

Суд апелляционной инстанции названный судебный акт отменил и принял новое решение о частичном удовлетворении требований Ч.: действия сотрудников отдела безопасности исправительного учреждения по изъятию радиоприемника и полотенца из адресованной административному истцу посылки признаны незаконными; на исправительное учреждение возложена обязанность вернуть Ч. изъятый радиоприемник. В удовлетворении требования о компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении отказано. Суд указал на то, что какого-либо запрета на приобретение либо получение в посылке осужденными радиоприемников в п. 17 приложения 1 к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденным приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, действовавшим на момент возникновения спорных правоотношений (далее — Правила), не содержится, а в примечании 4 установлен лишь порядок пользования ими.

Кассационный суд общей юрисдикции апелляционное определение отменил в части отказа в удовлетворении требования о взыскании суммы компенсации за нарушение условий содержания Ч., административное дело направил на новое апелляционное рассмотрение в указанной части. Принятие такого решения мо-

тивировал суд тем, что судом апелляционной инстанции не дана правовая оценка доводам, изложенным в апелляционной жалобе, об отсутствии в исправительном учреждении возможности прослушивания радиопередач ввиду необорудования помещений отряда радиоточками.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила определения судов апелляционной и кассационной инстанций по следующим основаниям.

Федеральный законодатель в ст. 94 УИК РФ, регулируя, в частности, вопросы прослушивания осужденными к лишению свободы радиопередач, предусмотрел возможность приобретения осужденными и группами осужденных радиоприемников за счет собственных средств через торговую сеть либо получения их от родственников и иных лиц (ч. 3); разрешил прослушивание радиопередач в свободные от работы часы, кроме времени, отведенного распорядком дня для ночного отдыха, установил обязательность оборудования жилых помещений, комнат воспитательной работы и отдыха, рабочих помещений, камер штрафных и дисциплинарных изоляторов, помещений камерного типа, единых помещений камерного типа, одиночных камер радиоточками за счет средств исправительного учреждения (ч. 4).

Статья 82 названного Кодекса, регламентирующая вопросы режима в исправительном учреждении и его основные требования, закрепляет обязательность применения в исправительных учреждениях Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утверждаемых федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, по согласованию с Генеральной прокуратурой РФ (ч. 3); содержит положение, согласно которому перечень вещей и предметов, которые осужденным запрещается иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать, устанавливается Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений (ч. 8).

В приложении 1 к действовавшим на момент возникновения спорных правоотношений Правилам установлен перечень вещей и предметов, продуктов питания, которые осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать. В п. 17 упомянутого приложения поименована аудиотехника (кроме телевизионных приемников, радиоприемников общего пользования). В примечании 4 к названному пункту указано, что радиоприемники используются только для коллективного прослушивания и устанавливаются в местах, определенных администрацией исправительного учреждения.

Согласно п. 52 Правил запрещенные предметы, вещества и продукты питания, изъятые у осужденных, передаются на склад для хранения либо уничтожаются по постановлению начальника исправительного учреждения либо лица, его замещающего, о чем составляется соответствующий акт с ознакомлением осужденного под роспись.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации, имея своими целями

исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, установило, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. Определяя права и обязанности осужденных, исходя из порядка и условий отбывания конкретного вида наказания и возлагая на осужденных обязанность соблюдать требования федеральных законов, устанавливающих порядок и условия отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов, законодательство предусматривает, что при осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, ущемляться права и законные интересы других лиц (ч. 1 ст. 1, чч. 2 и 4 ст. 10, ч. 2 ст. 11, ч. 11 ст. 12 УИК РФ).

Приведенные законоположения свидетельствуют о необходимости применения норм уголовно-исполнительного законодательства в их системном единстве с учетом его целей и задач.

Так, п. 17 приложения 1 к Правилам, содержащий исключение из числа запрещенной видео-, аудиотехники телевизионных приемников, радиоприемников общего пользования, не может быть применен без неотъемлемой части названного приложения в виде примечания, в п. 4 которого содержится указание на использование радиоприемника только для коллективного пользования исключительно в местах, определенных администрацией исправительного учреждения, что исключает возможность нахождения указанного предмета в единоличном обладании осужденного, так как названные нормы действуют в неразрывной связи.

Такое толкование подзаконного нормативного правового акта согласуется с положениями ст. 94 УИК РФ, закрепляющими право осужденных на прослушивание радиопередач в свободные от работы часы, при соблюдении режима и при обеспечении аналогичных прав других осужденных, содержащихся в исправительном учреждении, т.е. реализуется в коллективе.

Таким образом, радиоприемники, поступившие осужденным в том числе в посылках, подлежат установлению в местах коллективного пользования, определяемых администрацией исправительного учреждения, по заявлению такого осужденного. При этом до момента подачи и удовлетворения заявления указанный предмет по постановлению начальника исправительного учреждения или лица, его замещающего, изымается и передается на склад хранения, о чем составляется соответствующий акт с ознакомлением осужденного под роспись.

Поскольку действующее уголовно-исполнительное законодательство исключает возможность индивидуального хранения и эксплуатации в исправительных учреждениях радиоприемников, суд первой инстанции правильно отказал в удовлетворении административного иска.

В связи с изложенным апелляционное и кассационное определения отменены как принятые с существенными нарушениями норм материального права с оставлением в силе решения суда первой инстанции.

Определение № 16-КАД23-3-К4

43. Законность решения следователя, лица, производящего дознание, о переводе подозреваемого, обвиняемого из одного следственного изолятора в другой не подлежит проверке по правилам административного судопроизводства.

К., являясь обвиняемым по уголовному делу, с 24 сентября 2019 г. по 12 февраля 2020 г. содержался под стражей в следственном изоляторе. Постановлением следователя от 21 октября 2019 г. он был переведен из одного следственного изолятора в другой в связи с расследованием уголовного дела, а затем постановлением от 8 ноября 2019 г. переведен обратно.

К. обратился в суд с административным иском о признании постановлений незаконными, ссылаясь на отсутствие необходимости его этапирования, поскольку следственные и процессуальные действия с его участием не производились, а также на причинение во время этапирования физических и нравственных страданий.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска отказано.

При этом суд исходил из законности постановления следователя об этапировании К. из одного следственного изолятора в другой.

Определением суда апелляционной инстанции судебный акт отменен, по делу принято новое решение, которым оспариваемые постановления следователя признаны незаконными по тем основаниям, что материалы дела не содержат доказательств необходимости перевода К. из одного следственного изолятора в другой.

Определением кассационного суда общей юрисдикции апелляционное определение отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе. Суд указал, что оспариваемые действия совершены следователем в пределах предоставленных ему уголовно-процессуальным законодательством полномочий. Доводы административного истца суд расценил как основание проверки соответствия условий содержания законодательству, однако такое требование, равно как и требование о присуждении компенсации за ненадлежащие условия содержания, не заявлялось.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции в части оставления в силе решения суда первой инстанции и прекратила производство по административному делу по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ч. 2 ст. 1 КАС РФ в порядке административного судопроизводства суды рассматривают и разрешают административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, в том числе об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов военного управления, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих.

Главой 22 КАС РФ установлен порядок производства по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями.

В соответствии с положениями ч. 4 ст. 1, ч. 6 ст. 218 названного Кодекса не подлежат рассмотрению в предусмотренном им порядке административные иски о признании незаконными решений, действий (бездействий) органов, организаций, лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, в случаях, если проверка законности таких решений, действий (бездействий) осуществляется в ином судебном (процессуальном) порядке в судах общей юрисдикции.

В силу п. 1 ч. 1 ст. 128 и ч. 1 ст. 222 КАС РФ судья отказывает в принятии к производству суда административного иска в случае, если требования подлежат рассмотрению, в частности в порядке уголовного судопроизводства.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 194 упомянутого Кодекса суд прекращает производство по административному делу в случае, если имеются основания, предусмотренные ч. 1 ст. 128 этого Кодекса.

Верховный Суд РФ в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 “О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации” разъяснил, что не подлежат рассмотрению по правилам, предусмотренным главой 22 КАС РФ, дела об оспаривании решений или действий (бездействий), принятых или совершенных указанными в ч. 1 ст. 125 УПК РФ лицами, органами и связанными с применением норм уголовного и уголовно-процессуального законов при осуществлении производства по конкретному уголовному делу (включая досудебное производство), в том числе бездействий, выразившегося в непринятии мер по рассмотрению сообщения о преступлении.

В ст. 1 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений” закреплены задачи названного Закона, согласно которым он регулирует порядок и определяет условия содержания под стражей, гарантии прав и законных интересов лиц, задержанных в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ по подозрению в совершении преступления, а также лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в соответствии с названным Кодексом избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

В силу ст. 3 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений” содержание под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений осуществляется в целях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

В порядке административного судопроизводства суды не вправе рассматривать дела об оспаривании решений, действий (бездействий), связанных с применением норм уголовного и уголовно-процессуального права (кроме тех, которые не подлежат обжалованию в порядке уголовного судопроизводства). Также принятые в ходе расследования уголовного дела решения должностных лиц органа дознания или органа предварительного расследования, не подлежат проверке судом в порядке главы 22 КАС РФ, поскольку могут быть проверены в рамках ч. 1 ст. 125 УПК РФ.

Следовательно, законность решения следователя, лица, производящего дознание, о переводе подозреваемого, обвиняемого из одного следственного изолятора в другой не подлежит проверке по правилам Кодекса административного судопроизводства РФ.

Таким образом, у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для принятия к производству административного иска К.

Определение № 18-КАД23-19-К4

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

44. При рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, следует учитывать, что до внесения в законодательство изменений административная ответственность по данной норме наступает за управление транспортным средством лицом, находящимся под воздействием только тех лекарственных препаратов, которые содержат этиловый спирт, наркотические средства или психотропные вещества.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Е. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, ему назначено административное наказание.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, Е. просил отменить судебные акты, вынесенные в отношении его, считая их незаконными.

Судья Верховного Суда РФ, изучив материалы дела об административном правонарушении и изложенные в жалобе доводы, пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ (правовые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Е. к административной ответственности) административным правонарушением признается управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

Согласно примечанию к данной статье употребление веществ, вызывающих алкогольное или наркотическое опьянение, либо психотропных или иных вызывающих опьянение веществ запрещается. Административная ответственность, предусмотренная ч. 1 ст. 12.8 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, наступает в случае установленного факта употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, или наличием абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови, либо в случае наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека.

Правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации определяются Федеральным законом от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ “О безопасности дорожного движения” (п. 21 ст. 19) и утвержденными постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г.

№ 1090 Правилами дорожного движения Российской Федерации (п. 2.7), в соответствии с которыми запрещается эксплуатация транспортных средств лицами, находящимися в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения.

Основанием для привлечения Е. к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, послужили изложенные в протоколе об административном правонарушении обстоятельства, согласно которым он управлял транспортным средством в состоянии опьянения.

Привлекая Е. к административной ответственности на основании указанной правовой нормы, мировой судья исходил из того, что по результатам химико-токсикологического исследования биологической среды Е. обнаружено вещество “Ф.”, вызывающее нарушение физических и психических функций организма, которое может повлечь неблагоприятные последствия при деятельности, связанной с источником повышенной опасности.

На основании данного обстоятельства, подтвержденного собранными по делу доказательствами, мировой судья сделал вывод о нарушении п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, запрещающего управление транспортным средством в том числе под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание.

С принятым постановлением согласились судья городского суда и судья кассационного суда общей юрисдикции.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24 ноября 2022 г. № 51-П “По делу о проверке конституционности примечания к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа” признал указанное выше примечание к ст. 12.8 КоАП РФ не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой в нем содержится пробел, препятствующий привлечению к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения в случае, когда по результатам медицинского освидетельствования на состояние опьянения в организме водителя обнаруживаются входящие в состав лекарственных препаратов вещества, не относящиеся к этиловому спирту, наркотическим средствам и психотропным веществам, но которые могут ухудшать его внимание и реакцию, что при попытках его восполнения порождает риск неоднозначного толкования и противоречивого применения данного примечания в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

При этом Конституционный Суд РФ отметил, что впредь до внесения в законодательство необходимых изменений управление транспортным средством лицом, употребившим лекарственные препараты, не содержащие этилового спирта, наркотических средств и психотропных веществ, не может служить основанием для привлечения к ответственности, предусмотренной ст. 12.8 и ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ.

В связи с изложенным судьей Верховного Суда РФ дело об административном правонарушении направлено на новое рассмотрение судьей городского суда для проверки доводов Е. об отсутствии в его действиях состава административного правонарушения.

Постановление № 81-АД23-7-К8

45. Совершение маневра обгона (опережения одного или нескольких транспортных средств, связанного с выездом на полосу (сторону проезжей части), предназначенную для встречного движения, и последующим возвращением на ранее занимаемую полосу (сторону проезжей части)) образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, лишь в том случае, когда такой маневр выполнен с нарушением требований Правил дорожного движения Российской Федерации.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции, П. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, П. просил об отмене судебных актов, вынесенных в отношении его по данному делу об административном правонарушении, ссылаясь на их незаконность.

Судья Верховного Суда РФ, изучив материалы дела об административном правонарушении и изложенные в жалобе доводы, пришел к следующим выводам.

Административная ответственность по ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ наступает за выезд в нарушение Правил дорожного движения Российской Федерации (далее — ПДД) на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3 названной статьи.

Основанием для привлечения П. к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, послужили следующие обстоятельства: он, управляя транспортным средством, совершил выезд на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, с целью обгона, следуя при этом за транспортным средством, которое уже выполняло обгон другого транспортного средства, т.е. нарушил требования п. 11.2 ПДД.

Вместе с тем в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях”, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” разъяснено, что, в частности, не допускается обгон движущегося впереди транспортного средства, производящего обгон или объезд препятствия либо движущегося впереди по той же полосе и подавшего сигнал поворота налево (п. 11.2 ПДД).

Из указанных разъяснений Верховного Суда РФ следует, что запрещается обгонять именно транспортное средство, которое движется впереди, совершая объезд или обгон.

По результатам изучения имеющейся в материалах дела видеозаписи судья Верховного

Суда РФ установил, что П., совершая маневр обгона, выехал на полосу дороги, предназначенную для встречного движения, в месте, где Правилами дорожного движения это не запрещено, и начал маневр обгона вслед за идущим впереди транспортным средством.

Изложенное свидетельствует о том, что при рассмотрении дела об административном правонарушении требования ст.ст. 24.1, 26.1 КоАП РФ о выяснении всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, соблюдены не были.

При таких обстоятельствах постановление мирового судьи, решение судьи городского суда и постановление заместителя председателя кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении П. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, отменены, производство по делу об административном правонарушении на основании п. 4 ч. 2 ст. 30.17 названного Кодекса прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых были вынесены указанные судебные акты.

Постановление № 48-АД23-40-К7

46. Срок лишения права управления транспортными средствами прерывается, если лицо заявило об утрате соответствующего удостоверения, а затем фактически продолжало пользоваться им при управлении транспортным средством, что подтверждается фактом изъятия данного удостоверения. Продолжение исчисления течения прерванного срока производится со дня изъятия у лица названного удостоверения.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи городского суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, с назначением административного наказания в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, Б. выражал несогласие с названными судебными актами, ставил вопрос об их отмене.

Судья Верховного Суда РФ, изучив материалы дела и изложенные в жалобе доводы, пришел к следующим выводам.

Частью 2 ст. 12.7 КоАП РФ (правовые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения Б. к административной ответственности) предусмотрено, что управление транспортным средством водителем, лишенным права управления транспортными средствами, влечет назначение административного наказания.

Основанием для привлечения Б. к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, послужили следующие обстоятельства: 13 апреля 2021 г. он управлял транспортным средством, будучи лишенным права управления транспортными средствами.

Ранее вступившим в законную силу постановлением мирового судьи Б. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, ему назначено административное наказание в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами.

Согласно содержащейся в материалах дела справке должностного лица МВД России 24 ян-

варя 2019 г. Б. подал заявление об утрате водительского удостоверения.

В протоколе об изъятии вещей и документов от 13 апреля 2021 г. зафиксировано, что у Б. было изъято водительское удостоверение, об утрате которого он заявил 24 января 2019 г.

Вывод о наличии в действиях Б. состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, соответствует фактическим обстоятельствам дела и собранным доказательствам, получившим надлежащую оценку в обжалуемых судебных актах.

Доводы в жалобе о неправильной квалификации вмененного Б. деяния (которое, как утверждалось в жалобе, следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 12.7 КоАП РФ) со ссылкой на заявление Б. об утрате водительского удостоверения от 24 января 2019 г. и об истечении срока назначенного административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами на момент выявления правонарушения 13 апреля 2021 г. опровергаются установленными обстоятельствами.

Как следует из обжалованного постановления мирового судьи, Б. при рассмотрении дела пояснял, что водительское удостоверение, об утрате которого он заявил 24 января 2019 г., было найдено, в связи с чем по истечении срока лишения права Б. продолжил его использование.

В силу ч. 2 ст. 32.7 КоАП РФ в случае уклонения лица, лишенного права управления транспортными средствами, от сдачи соответствующего удостоверения срок лишения указанного права прерывается. Течение прерванного срока лишения права управления транспортными средствами продолжается со дня сдачи лицом либо изъятия у него соответствующего удостоверения (в том числе в случае, если срок действия данного удостоверения истек), а равно со дня получения соответствующим подразделением органа, на которое возложено исполнение постановления о назначении административного наказания, заявления лица об утрате этого удостоверения.

Как разъяснено в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 “О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях” вместе с тем в случае, если лицо заявило об утрате соответствующего удостоверения, а затем фактически продолжало пользоваться им при управлении транспортным средством, что подтверждается фактом изъятия данного удостоверения, срок лишения права управления транспортными средствами считается прерванным и продолжение исчисления течения прерванного срока производится со дня изъятия у лица соответствующего удостоверения.

С учетом приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и установленных по делу обстоятельств срок административного наказания в виде лишения права управления транспортными средствами, назначенного постановлением мирового судьи за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, был прерван и по состоянию на 13 апреля 2021 г. Б. являлся лицом, лишенным права управления транспортными средствами.

При таких обстоятельствах обжалуемые судебные акты, вынесенные в отношении Б., судьей Верховного Суда РФ оставлены без изменения.

Постановление № 4-АД22-13-К1

47. Неисполнение лицом предусмотренной законом обязанности сообщить административному органу адрес места своего жительства, по которому в том числе должна быть направлена копия постановления о наложении административного штрафа, не может свидетельствовать об отсутствии вины такого лица в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ и выражающегося в неуплате административного штрафа в срок, предусмотренный данным Кодексом.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, С. ставил вопрос об отмене указанных судебных актов и о прекращении производства по делу.

Судья Верховного Суда РФ, изучив материалы дела об административном правонарушении и изложенные в жалобе доводы, пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ (правовые нормы приведены в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения С. к административной ответственности) неуплата административного штрафа в срок, предусмотренный данным Кодексом, влечет назначение административного наказания.

Частью 1 ст. 32.2 КоАП РФ закреплено, что административный штраф должен быть уплачен в полном размере лицом, привлеченным к административной ответственности, не позднее шестидесяти дней со дня вступления постановления о наложении административного штрафа в законную силу, за исключением случаев, предусмотренных чч. 1¹, 1³, 1³⁻¹, 1³⁻² и 1⁴ указанной статьи, либо со дня истечения срока отсрочки или срока рассрочки, предусмотренных ст. 31.5 названного Кодекса.

Вступившим в законную силу 3 апреля 2020 г. постановлением должностного лица С. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, с назначением наказания в виде административного штрафа.

В срок, установленный ч. 1 ст. 32.2 КоАП РФ, С. административный штраф не уплатил. При этом сведения о предоставлении отсрочки (рассрочки) исполнения постановления о назначении административного наказания в материалах дела отсутствуют.

Данные обстоятельства послужили основанием для привлечения С. к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ.

Довод С. о том, что он был лишен возможности получить копию постановления административного органа, направленную по адресу, по которому он проживал ранее, и уплатить в установленный законом срок назначенный административный штраф, не повлек отмену обжалуемых судебных актов в связи со следующим.

В момент фиксации административного правонарушения, предусмотренного законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, собственником (владельцем) транспортного средства являлся С., проживающий по определенному адресу.

В жалобе С. указывал, что с 12 марта 2018 г. адрес места его регистрации является иным.

Вместе с тем, направляя копию постановления, должностное лицо руководствовалось сведениями, имеющимися в карточке учета транспортного средства.

В соответствии с Правилами государственной регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1 к приказу МВД России от 26 июня 2018 г. № 399¹) владелец транспортного средства обязан зарегистрировать транспортное средство (внести изменения в регистрационные данные транспортного средства) в течение 10 суток после приобретения (возникновения обстоятельств, потребовавших изменения регистрационных данных); изменение регистрационных данных осуществляется при изменении сведений, указанных в регистрационных документах, выдаваемых регистрационными подразделениями Госавтоинспекции; сведения о транспортном средстве и его владельце, указываемые в свидетельстве о регистрации транспортного средства, а также техническом паспорте (техническом талоне) транспортного средства, включающие в числе прочего адрес регистрации физического лица, подлежат обязательному учету с внесением в банк данных о владельцах транспортных средств; транспортные средства регистрируются за физическими лицами по адресу, указанному в паспортах граждан Российской Федерации или в свидетельствах о регистрации по месту жительства, выдаваемых органами регистрационного учета (пп. 6, 11, 14 и 26).

Обязанность изменить регистрационные данные в ГИБДД возложена на собственника транспортного средства, который при смене адреса места жительства должен внести соответствующие изменения, что С. сделано не было.

Следовательно, установленная ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ обязанность по направлению копии постановления по делу об административном правонарушении лицу, в отношении которого оно вынесено, выполнена должностным лицом надлежащим образом.

С учетом изложенного судьей Верховного Суда РФ обстоятельств, которые могли бы повлечь изменение или отмену обжалуемых судебных актов, установлено не было.

Постановление № 5-АД23-51-К2

48. Положения ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, устанавливающей срок давности привлечения к административной ответственности, по общему правилу подлежат применению в редакции, действовавшей во время совершения административного правонарушения. Постановление по делу об административном правонарушении должно быть изготовлено в полном объеме в пределах срока давности привлечения к административной ответственности.

¹ Утратил силу в связи с изданием приказа МВД России от 21 декабря 2019 г. № 950, который содержит сходное правовое регулирование в соответствующей части.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения решением судьи районного суда и постановлением судьи кассационного суда общей юрисдикции, общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 24 ст. 19.5 КоАП РФ, и подвергнуто административному наказанию в виде административного штрафа.

В жалобе, поданной в Верховный Суд РФ, законный представитель общества ставил вопрос об отмене указанных судебных актов, считая их незаконными.

Судья Верховного Суда РФ, изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы заявителя, пришел к следующим выводам.

В соответствии с ч. 24 ст. 19.5 КоАП РФ невыполнение или ненадлежащее выполнение в установленный срок законного предписания органа, осуществляющего региональный государственный жилищный надзор, в том числе лицензионный контроль в сфере осуществления предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, об устранении нарушений лицензионных требований, за исключением случаев, предусмотренных ч. 24¹ данной статьи, влечет административное наказание.

Основанием для привлечения общества к административной ответственности послужили изложенные в протоколе об административном правонарушении и обжалуемых судебных актах выводы о том, что 1 декабря 2021 г. оно не выполнило в срок до 30 ноября 2021 г. требования пп. 1, 2, 3, 4 предписания об устранении нарушений лицензионных требований при оказании услуг и выполнении работ по управлению многоквартирным домом.

Между тем принятые по делу судебные акты вынесены с существенным нарушением требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Обстоятельства, послужившие основанием для привлечения общества к административной ответственности, имели место 1 декабря 2021 г. — на следующий день после истечения срока, предоставленного для исполнения указанного предписания.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ (в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности) срок давности привлечения юридического лица к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 24 ст. 19.5 названного Кодекса, составлял три месяца.

Срок давности привлечения общества к административной ответственности, подлежащий исчислению по правилам, предусмотренным ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, в редакции, действовавшей на момент возникновения обстоятельств, послуживших основанием для привлечения общества к административной ответственности, истек 1 марта 2022 г.

Частью 1 ст. 29.11 КоАП РФ установлено, что постановление по делу об административном правонарушении объявляется немедленно по окончании рассмотрения дела. В исключительных случаях по решению лица (органа), рассматривающего дело об административном правонарушении, составление мотивированного

постановления может быть отложено на срок не более чем три дня со дня окончания разбирательства дела, за исключением дел об административных правонарушениях, указанных в чч. 3—5 ст. 29.6 названного Кодекса, при этом резолютивная часть постановления должна быть объявлена немедленно по окончании рассмотрения дела. День изготовления постановления в полном объеме является днем его вынесения.

Резолютивная часть постановления по делу об административном правонарушении объявлена мировым судьей 28 февраля 2022 г., в полном объеме постановление изготовлено 3 марта 2022 г.

Следовательно, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 29.11 КоАП РФ днем вынесения постановления по делу об административном правонарушении является 3 марта 2022 г. — день его изготовления в полном объеме.

Согласно п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ истечение срока давности привлечения к административной ответственности является обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении.

Исходя из положений указанной нормы и ст. 4.5 КоАП РФ по истечении установленных сроков давности привлечения к административной ответственности вопрос об административной ответственности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, обсуждаться не может.

В нарушение приведенных выше норм мировой судья 3 марта 2022 г., т.е. за пределами срока давности привлечения к административной ответственности, признал общество виновным в совершении административного правонарушения и назначил ему административное наказание.

При пересмотре постановления мирового судьи данное обстоятельство оставлено вышестоящими судебными инстанциями без правовой оценки.

При таких обстоятельствах судьей Верховного Суда РФ постановление мирового судьи, решение судьи районного суда и постановление судьи кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в отношении общества, отменены, производство по делу прекращено на основании п. 6 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Постановление № 78-АД23-15-К3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

49. Для определения размера единовременного пособия, подлежащего выплате военнослужащему, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом и получившему ранение, не повлекшее наступления инвалидности, подлежит применению закон, действовавший на момент получения таким лицом ранения.

Решением Московского гарнизонного военного суда от 18 апреля 2022 г., оставленным без изменения апелляционным определением 2-го Западного окружного военного суда от 28 июля 2022 г., удовлетворено административное исковое заявление Р. о признании незакон-

ными действий директора Росгвардии, связанных с отказом в выплате ему единовременного пособия в размере, предусмотренном ч. 4 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ “О противодействии терроризму”, которой установлена выплата названного пособия в размере 100 000 руб.

Определением кассационного военного суда от 29 ноября 2022 г. судебные акты оставлены без изменения, кассационная жалоба представителя административного ответчика без удовлетворения.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ судебные акты отменила, приняла по делу новое решение об отказе в удовлетворении заявленных Р. требований, исходя из следующего.

Из материалов дела усматривается, что 1 февраля 2000 г. Р. направлен в служебную командировку для выполнения служебно-боевых задач на территории Северо-Кавказского региона.

8 марта 2000 г. Р. при проведении контртеррористической операции получил ранение, не повлекшее наступления инвалидности, которое заключением военно-врачебной комиссии от 28 октября 2005 г., утвержденным Центральной военно-врачебной комиссией Внутренних войск МВД России от 10 ноября 2005 г., расценено как военная травма, и он признан ограниченно годным к военной службе.

В августе 2021 г. Р. обратился в Росгвардию с заявлением о выплате единовременного пособия в размере 100 000 руб. Однако получил отказ в связи с тем, что ч. 4 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, которой предусмотрена выплата единовременного пособия в размере 100 000 руб., вступила в силу с 1 января 2007 г. и этой норме обратная сила не придавалась. В ответе также сообщалось, что руководство Росгвардии в случае соответствующего обращения административного истца готово рассмотреть вопрос о выплате указанного пособия в размере, предусмотренном п. 4 ст. 20 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ “О борьбе с терроризмом”, действовавшего на момент получения Р. ранения. С соответствующим заявлением о выплате единовременного пособия в порядке указанного закона Р. не обращался.

Полагая свои права нарушенными, Р. обратился с административным иском заявлением в суд.

Разрешая спор и удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что основания и условия возникновения права на единовременное пособие в Федеральном законе от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ и Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ являются идентичными. Установленный Правительством РФ порядок возмещения вреда категории лиц, к которой относится административный истец, носит заявительный характер. Поскольку Р. обратился за выплатой пособия в августе 2021 г., именно с этой даты, по выводу суда, следует исчислять начало срока возникновения между ним и административным ответчиком правоотношений, влекущих в силу ч. 5 ст. 15 КАС РФ необходимость применения судом при разрешении дела норм

материального права, действовавших на момент их возникновения.

Соглашаясь с судебными актами, суд кассационной инстанции дополнительно указал, что выплата Р. единовременного пособия в меньшем размере не будет соответствовать требованиям соразмерности и социальной справедливости, поскольку указанная сумма в силу инфляционных процессов утратила покупательную способность, что приведет к нарушению гарантированного законодателем права на полное возмещение ему вреда.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с ч. 5 ст. 15 КАС РФ при разрешении административного дела суд применяет нормы материального права, которые действовали на момент возникновения правоотношения с участием административного истца, если из федерального закона не вытекает иное.

Согласно подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 19 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ (в редакции, действовавшей на момент получения Р. 8 марта 2000 г. ранения) лица, участвующие в борьбе с терроризмом, находятся под защитой государства. Правовой и социальной защите подлежат в том числе военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, непосредственно участвующие (участвовавшие) в борьбе с терроризмом. Социальная защита лиц, привлекаемых к борьбе с терроризмом, осуществляется с учетом правового статуса таких лиц, устанавливаемого федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, в соответствии с порядком, установленным Правительством РФ.

В силу п. 1 ст. 20 названного Федерального закона вред, причиненный здоровью или имуществу лиц, перечисленных в ст. 19 этого Закона, в связи с их участием в борьбе с терроризмом, возмещается в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации.

Пунктом 4 указанной статьи было предусмотрено, что в случае, если лицо, принимавшее участие в борьбе с терроризмом, при проведении контртеррористической операции получило ранение, не повлекшее наступления инвалидности, этому лицу выплачивается единовременное пособие в размере ста минимальных размеров оплаты труда, а в редакции Федерального закона от 7 августа 2000 г. № 122-ФЗ — 10 000 руб. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ утратил силу с 1 января 2007 г. в связи с принятием Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

В соответствии с ч. 4 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ в случае, если лицо, принимавшее участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получило ранение, не повлекшее наступления инвалидности, этому лицу выплачивается единовременное пособие в размере 100 000 руб.

Из содержания положений названных федеральных законов в их взаимосвязи следует, что юридическим фактом, с которым приведенные нормы связывают право лица, принимавшего участие в борьбе с терроризмом, на получение единовременного пособия в соответствующем размере, является получение этим ли-

цом ранения, не повлекшего наступления инвалидности.

По своему характеру и публично-правовому предназначению единовременное пособие, выплачиваемое лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятий по борьбе с терроризмом, относится к мерам социальной поддержки лиц, получивших при участии в указанных мероприятиях ранение.

Судом установлено, что ранение Р. получено до даты вступления в силу 1 января 2007 г. ч. 4 ст. 21 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ.

Статьей 27 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ, определяющей, что данный Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования (10 марта 2006 г.), за исключением ст.ст. 18, 19, 21 и 23, действие этого Федерального закона не распространено на ранее возникшие отношения. Более того, в п. 2 указанной нормы прямо указано, что ст.ст. 18, 19, 21 и 23 названного Федерального закона вступают в силу с 1 января 2007 г. (т.е. действие его ч. 4 ст. 21 о выплате единовременного пособия в размере 100 000 руб. распространяется на отношения, возникшие с 1 января 2007 г.).

В других статьях Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ также не содержится норм о его распространении на отношения, возникшие до введения его в действие.

Следовательно, при определении размера единовременного пособия, подлежащего выплате лицу, принимавшему участие в осуществлении мероприятия по борьбе с терроризмом, получившему ранение, не повлекшее наступления инвалидности, подлежит применению закон, действовавший на момент получения таким лицом ранения.

В данном деле к спорным отношениям подлежит применению п. 4 ст. 20 Федерального закона “О борьбе с терроризмом”.

Однако указанное обстоятельство при раз решении административного спора учтено не было, вследствие этого судебные инстанции неправомерно применили к спорным отношениям положения ч. 4 ст. 21 Федерального закона “О противодействии терроризму” и при отсутствии законных оснований удовлетворили требования Р.

Определение № 222-КАД23-8-К10

По уголовным делам

50. Оставление судом без внимания обстоятельств дела, из которых следовало, что подсудимый находился в состоянии необходимой обороны, повлекло отмену судебных решений с прекращением уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления.

По приговору Уссурийского гарнизонного военного суда от 29 июля 2021 г. Х. осужден по ч. 1 ст. 335 УК РФ к штрафу за нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства потерпевшего Н. и сопряженное с насилием.

Апелляционным постановлением Тихоокеанского флотского военного суда от 15 октября 2021 г. приговор изменен, Х. освобожден от назначенного наказания в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Кассационным определением кассационного военного суда от 13 апреля 2022 г. кассационная жалоба защитника осужденного на приговор и апелляционное постановление оставлена без удовлетворения.

Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе защитника осужденного, судебные решения отменила, уголовное дело в отношении Х. прекратила в связи с отсутствием в деянии состава преступления и признала за ним право на реабилитацию. В обоснование в кассационном определении приведено следующее.

Согласно приговору 13 октября 2019 г. в ночное время Х., находясь на стоянке техники в полевом парке, желая отомстить Н., с которым не состоял в отношениях подчиненности, за примененное к нему насилие, в присутствии других военнослужащих повалил Н. на землю и нанес несколько ударов руками по телу и один удар по лицу, причинив физическую боль.

По выводу суда первой инстанции, тем самым Х. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 335 УК РФ, а именно нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, связанное с унижением чести и достоинства потерпевшего, сопряженное с насилием, и при этом он, вопреки доводам со стороны защиты, не находился в состоянии необходимой обороны, исключавшей преступность деяния, на что указывала сторона защиты.

Однако вывод суда о наличии в действиях Х. состава преступления, с которым согласились суды апелляционной и кассационной инстанций, противоречит установленным по делу обстоятельствам и сделан с нарушением требований ст. 37 УК РФ.

В соответствии со ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1). Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства (ч. 2).

По смыслу закона и согласно разъяснениям, содержащимся в пп. 8 и 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 “О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление”, состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается; общественно опасное посягательство

во не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам.

Уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, т.е. когда по делу будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть.

При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

Указанные положения закона и разъяснения, изложенные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, не учтены судами при принятии решений.

Как следует из показаний в судебном заседании осужденного, потерпевшего и двух свидетелей — очевидцев произошедшего, Н. при исполнении обязанностей военной службы предъявил Х. надуманные претензии, после чего нанес ему удар кулаком в лицо, а затем стал наносить удары кулаками по туловищу, а также рукам Х., которыми тот защищался. Х., не желая дальнейшего развития конфликта, отошел от Н., однако тот в продолжение своих противоправных действий поднял с земли замерзший кусок грунта и бросил его в Х., попав ему в лицо, чем причинил рваную рану верхней губы и потерю четырех зубов вследствие указанной травмы (вред здоровью средней тяжести по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности менее чем на одну треть).

Лишь после того, как Х. повалил его на землю и нанес удары руками по туловищу и лицу, Н. прекратил свои преступные действия, извинился перед Х. и обещал оплатить лечение.

В судебном заседании Х. показал, что он не нападал на Н., с которым до этого виделся несколько раз, а оборонялся от него и никаких угроз в его адрес не высказывал. Лишь в целях прекращения конфликта и дальнейшего насилия со стороны Н. и после того, как тот выбил ему зубы, он совершил в отношении Н. действия, за которые осужден, поскольку понимал, что нападение на него не окончено. О том, что противоправные действия более предприниматься не будут, он понял только со слов Н., который стал просить у него прощения, обещал помощь в лечении. После этого он в отношении Н. никаких действий не совершал, что подтверждается показаниями Н. и двух свидетелей.

По приговору Уссурийского гарнизонного военного суда от 9 апреля 2021 г. Н. осужден по

п. “д” ч. 2 ст. 335 УК РФ к двум годам лишения свободы условно за совершение противоправных действий в отношении Х., признанного потерпевшим по данному уголовному делу.

Обстоятельства причинения Х. телесных повреждений по уголовным делам в отношении Н. и Х. установлены одни и те же.

Преступные действия Н. в отношении Х. совершались поэтапно и с повышающейся степенью общественной опасности.

Обстоятельства начала и развития конфликтной ситуации, характер действий Н. не позволяли Х. с очевидностью определить момент окончания применяемого к нему насилия.

Действия же Х., направленные на прекращение дальнейшего насилия со стороны Н., не причинили вреда его здоровью, не вышли за пределы необходимой обороны и, таким образом, в соответствии с ч. 2 ст. 37 УК РФ не образуют состава какого-либо преступления.

Определение № 228-УД23-1-К10

**ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРАКТИКЕ
СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ
ПРИ РАССМОТРЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ПРЕБЫВАНИЕМ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В ЦЕНТРЕ
ВРЕМЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ
ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ОРГАНА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, В СПЕЦИАЛЬНОМ
УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ
УЧРЕЖДЕНИИ ЗАКРЫТОГО ТИПА**

(главы 31² и 31³ Кодекса
административного судопроизводства РФ)

Вопрос 1. В каком порядке осуществляется информирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органа внутренних дел (далее — центр временного содержания), в специальном учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (далее — учебное учреждение закрытого типа)?

Ответ. Согласно ч. 2 ст. 285⁸, ч. 2 ст. 285¹⁵ КАС РФ о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, суд информирует уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, который вправе участвовать в рассмотрении административного дела и дать заключение по нему.

Информирование осуществляется по правилам направления судебных извещений, которые в силу ч. 3 ст. 96 КАС РФ должны быть вручены с таким расчетом, чтобы уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации имел достаточный срок для подготовки к административному делу и для своевременной явки в суд.

Наряду с такими извещениями уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации направляются копии административного искового заявления и прилагаемых к нему документов, копии вынесенных определений, в том числе определения о принятии административного искового заявления к производству (о подготовке административного дела к судебному разбирательству).

В случае получения от уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации предварительного согласия на направление ему судебных извещений и копий иных документов по рассматриваемым и подлежащим рассмотрению с его участием административным делам на конкретный адрес электронной почты, судебные извещения и прилагаемые к ним копии документов направляются уполномоченному по правам ребенка в субъекте Российской Федерации на данный адрес электронной почты.

Такое согласие может быть выражено путем направления уполномоченным по правам ребенка в субъекте Российской Федерации соответствующего письма в верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области, суд автономного округа (п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»). При наличии данного письма его копия приобщается судом к материалам административного дела.

Вопрос 2. Вправе ли суд признать обязательной явку уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебное заседание по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа?

Ответ. Информирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, обусловлено обеспечением дополнительных гарантий соблюдения и защиты прав и законных интересов детей.

Уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации вправе участвовать в рассмотрении административного дела и дать заключение по нему (ч. 2 ст. 285⁸, ч. 2 ст. 285¹⁵ КАС РФ). Данное право он реализует по собственному усмотрению с учетом всех обстоятельств соответствующего административного дела.

При этом суд вправе рассмотреть административное дело, связанное с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, без участия уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации.

С учетом изложенного суд не вправе признать обязательной явку уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебное заседание по соответствующему делу, вынести частное определение или применить меры процессуального принуждения в связи с тем, что уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации не дал заключения по административному делу или не принял участия в судебном заседании по нему.

Вопрос 3. В каких случаях уполномоченный по правам ребенка в субъекте Российской Федерации вправе участвовать в судебном заседании по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, посредством использования системы веб-конференции?

Ответ. При проведении закрытых судебных заседаний по административным делам исключена возможность использования систем веб-конференции (ч. 8 ст. 11, п. 2 ч. 4 ст. 142¹ КАС РФ).

Участие уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебном заседании по административным делам, связанным с пре-

быванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, является дополнительной гарантией обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Административные дела, связанные с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, рассматриваются в закрытом судебном заседании. Однако по ходатайству несовершеннолетнего, его законных представителей или представителя несовершеннолетнего такие дела могут быть рассмотрены в открытом судебном заседании, если этим не нарушаются права и законные интересы несовершеннолетнего или иного лица, не являющегося участником судебного процесса (ч. 2 ст. 285⁹, ч. 5 ст. 285¹⁶ КАС РФ).

При этом, как следует из положений ч. 2 ст. 14, п. 2 ч. 3 ст. 135 КАС РФ, суд должен разъяснять лицам, участвующим в деле, представителям их процессуальные права и последствия реализации таких прав.

С учетом изложенного в определении о принятии административного искового заявления к производству, о подготовке административного дела к судебному разбирательству, копии которого направляются лицам, участвующим в деле, их представителям, необходимо разъяснять им процессуальное право заявлять ходатайства о рассмотрении дела в открытом судебном заседании, а при удовлетворении такого ходатайства — возможность участия в судебном заседании всех участвующих в деле лиц, в том числе уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, путем использования системы веб-конференции.

Вопрос 4. Может ли неинформирование уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, являться основанием для отмены решения суда?

Ответ. О возбуждении производства по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, суд информирует уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации, который вправе участвовать в рассмотрении административного дела и дать заключение по нему (ч. 2 ст. 285⁸, ч. 2 ст. 285¹⁵ КАС РФ).

Участие уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации в судебном процессе по административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, в учебном учреждении закрытого типа, обусловлено реализацией возложенных на него задач по обеспечению защиты прав и законных интересов детей, предупреждению нарушения их прав и законных интересов, содействию восстановлению нарушенных прав и законных интересов детей.

В связи с этим нарушение судом правил информирования уполномоченного по правам ребенка в субъекте Российской Федерации о возбуждении производства по соответствующему административному делу с учетом доводов апелляционной, кассационной жалобы (представления) на принятое решение может повлечь его отмену при установлении оснований, свидетельствующих о незаконности и (или) необоснованности принятого решения (чч. 2—4 ст. 310, чч. 1, 2 ст. 328 КАС РФ).

Вопрос 5. В какой срок должно быть рассмотрено административное дело о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания, если административное исковое заявление поступило в суд в выходной день и в этот же день истекает срок со-

держания несовершеннолетнего, помещенного в названный центр в соответствии с п. 4 ст. 22 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ “Об основных системах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних” (далее — Федеральный закон № 120-ФЗ) на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел?

Ответ. Административное дело, связанное с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, предварительно помещенного в центр временного содержания, рассматривается до истечения срока нахождения несовершеннолетнего в центре временного содержания (ч. 1 ст. 285⁹ КАС РФ).

С учетом изложенного, если административное исковое заявление о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания, предварительно помещенного в названный центр в соответствии с п. 4 ст. 22 Федерального закона № 120-ФЗ на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, поступило в суд в выходной день и в этот же день истекает срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания, административное дело подлежит незамедлительному рассмотрению.

Вопрос 6. Возможно ли продление срока рассмотрения административного дела, связанного с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания?

Ответ. Кодексом административного судопроизводства РФ предусмотрены сокращенные сроки рассмотрения административных дел, связанных с помещением несовершеннолетнего в центр временного содержания.

Административное дело, связанное с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, рассматривается до истечения срока нахождения несовершеннолетнего в центре временного содержания; в остальных случаях административное дело рассматривается судом в течение десяти дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда (ч. 1 ст. 285⁹ КАС РФ).

По смыслу ч. 2 ст. 141 КАС РФ и разъяснений, данных в пп. 33, 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 “О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации”, установленные названным Кодексом сокращенные сроки рассмотрения и разрешения административных дел, в том числе административных дел, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, продлению не подлежат.

Вопрос 7. Возможно ли в резолютивной части решения суда при изложении выводов об установлении (продлении) срока содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания указывать период и событие, наступление которого свидетельствует о достижении цели помещения несовершеннолетнего в данный центр?

Ответ. При рассмотрении административного искового заявления, связанного с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, суд обязан вынести на обсуждение вопрос о сроке, в течение которого несовершеннолетний может содержаться в таком центре либо на который продлевается его содержание в нем, исходя из времени, минимально необходимого для достижения целей помещения несовершеннолетнего в названный центр (ч. 2 ст. 285¹⁰ КАС РФ).

Решение суда по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в цен-

тре временного содержания, должно отвечать требованиям, предусмотренным ст. 180 КАС РФ.

В резолютивной части решения суда по административному делу о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания должны содержаться сведения об удовлетворении административных исковых требований либо об отказе в их удовлетворении. В случае удовлетворения административных исковых требований о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания в резолютивной части решения суда должен быть решен вопрос о сроке содержания несовершеннолетнего в названном центре либо о сроке, на который продлевается содержание несовершеннолетнего в нем, а также о дате начала исчисления соответствующего срока (п. 1 ч. 2 ст. 285¹¹ КАС РФ).

С учетом изложенного при удовлетворении административного иска о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания либо о продлении срока пребывания в нем в резолютивной части решения суда выводы о сроке содержания несовершеннолетнего в центре могут быть изложены таким образом, чтобы свести до минимума ограничение свободы несовершеннолетнего, но при этом обеспечить достижение целей помещения несовершеннолетнего в центр временного содержания, например: на срок до передачи несовершеннолетнего законным представителям, но не более 30 суток; на срок до передачи несовершеннолетнего уполномоченному должностному лицу специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа, но не более 30 суток (применительно к несовершеннолетним, самовольно ушедшим из таких учреждений); на срок, необходимый для проведения индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним, но не более 30 суток (в целях предупреждения совершения несовершеннолетним повторно общественно опасного деяния); на срок до получения путевки в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, но не более 30 суток.

Вопрос 8. Подлежит ли включению в устанавливаемый судом срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания срок содержания в нем несовершеннолетнего на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел до принятия решения суда?

Ответ. В соответствии с п. 4 ст. 22 Федерального закона № 120-ФЗ несовершеннолетние, указанные в подп. 3—6 п. 2 данной статьи, могут быть помещены в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел на срок не более 48 часов на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, замещающих должности, перечень которых утверждает Министром внутренних дел РФ.

По административным делам, связанным с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания, помещенного в названный центр на основании постановления руководителя органов внутренних дел или уполномоченного сотрудника органов внутренних дел, подлежит включению в устанавливаемый судом срок содержания несовершеннолетнего в центре временного содержания. При этом в мотивировочной части решения суда должен быть обоснован конкретный срок пребывания несовершеннолетнего в центре временного содержания, а в резолютивной части решения суда должно содержаться указание на этот срок (ч. 4 ст. 180, ч. 2 ст. 285¹¹ КАС РФ).

Вопрос 9. В каком случае апелляционная жалоба на решение о помещении несовершеннолетнего в центр временного содержания направляется судом первой инстанции в суд апелляционной инстанции до истечения срока на подачу апелляционных жалоб, представлений на соответствующее решение и рассматривается судом апелляционной инстанции незамедлительно?

Ответ. В соответствии с ч. 5 ст. 302 КАС РФ до истечения срока обжалования административное дело не может быть направлено в суд апелляционной инстанции, за исключением случаев, в которых установлены сокращенные сроки подачи апелляционных жалоб, представления.

Согласно ст. 285¹² КАС РФ решение суда по административному делу, связанному с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания, может быть обжаловано лицами, участвующими в деле, в том числе несовершеннолетним, достигшим возраста четырнадцати лет, их представителями по общим правилам, установленным данным Кодексом.

Вместе с тем, как следует из ч. 4 ст. 135 КАС РФ, лицо, участвующее в деле, представитель вправе подать ходатайство о неотложном рассмотрении и раз-

решении административного дела. При отсутствии оснований для отказа в удовлетворении такого ходатайства суд обязан вынести определение о его удовлетворении и принять все необходимые меры для такого рассмотрения.

Таким образом, в случае удовлетворения ходатайства лица, участвующего в деле, о неотложном рассмотрении и разрешении административного дела, в том числе на этапе подачи апелляционной жалобы на решение по делу, суд первой инстанции обязан незамедлительно совершить процессуальные действия, связанные с проверкой оснований для оставления апелляционной жалобы без движения, возвращения апелляционной жалобы, направлением лицам, участвующим в деле, копии жалобы и приложенных к ней документов, незамедлительно направить жалобу вместе с административным делом в суд апелляционной инстанции (ст.ст. 300—302 КАС РФ). В свою очередь, суд апелляционной инстанции рассматривает такую жалобу в возможно короткий срок.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
15 ноября 2023 г.)*

НАЗНАЧЕНИЯ

По представлению Президента Российской Федерации, основанному на представлении Председателя Верховного Суда Российской Федерации, Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации назначил на должность судьи Верховного Суда Российской Федерации:

РЯБЗИНА Романа Александровича (постановление от 7 февраля 2024 г. № 6-СФ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Асташов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Дзыбан А.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Момотов В.В.**, **Нефедов О.Н.**,
Петрова Т.А., **Подносова И.Л.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шиловост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство «Юридическая литература»
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 29.02.2024. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 10,61. Тираж 7131 экз. Заказ 25-2024.

Отпечатано в ООО «СИНТЕРИЯ».
127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru
